

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 2

2026 г.

**АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Вестник Московского Международного Университета

Научный электронный журнал
№ 2(10), 2026 г.
Выходит 4 раза в год

Москва, 2026 год

Вестник Московского Международного Университета

УЧРЕДИТЕЛЬ:

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Попов В.Г., канд. экон. наук,
ректор АНОВО «Московский международный университет» (главный редактор)
Чепкасова Е.А., канд. экон. наук, доц. (зам. главного редактора)
Ильинская Е.В., канд. экон. наук, доц. (ответственный редактор)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
(ШИФР НАУЧНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ВАК 5.9.8)

Бузинова Людмила Михайловна – доктор филологических наук, доцент (АНОВО «Московский международный университет», г. Москва)

Волошина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород)

Петрова Инна Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор (ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва)

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА
(ШИФР НАУЧНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ВАК 5.2.3)

Адельфинский Алексей Олегович – доктор экономических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва)

Мокий Михаил Стефанович – доктор экономических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва)

Новиков Александр Анатольевич – доктор экономических наук, доцент (АНОВО «Московский международный университет», г. Москва)

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ,
ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД
(ШИФР НАУЧНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ВАК 5.3.4)

Нагаева Ирина Александровна – доктор педагогических наук, доцент (АНОВО «Московский международный университет», г. Москва)

Толстикова Светлана Николаевна – доктор психологических наук, доцент, профессор (ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», г. Москва)

Шамионов Раиль Мунирович – доктор психологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов)

Вестник Московского Международного Университета [Электронное издание] /
МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ. – Москва: Изд-во Московск.
межд. ун-та, 2026. – Текст. Изображение: электронные.

В38

ISSN 3034-2023

Журнал проиндексирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

СОДЕРЖАНИЕ
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ
И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ И МОДАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В КОНТРАСТНЫХ РЕКЛАМНЫХ ЖАНРАХ	8
Ерошенко Семён Алексеевич, Жигалова Майя Роландовна	
СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ КОМИЧЕСКОГО В ПЕРЕВОДЕ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА П. ЛОКВУД)	16
Зверев Данила Денисович, Бузинова Людмила Михайловна	
ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ РУССКИХ РЕАЛИЙ НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК	24
Калинина Вера Анатольевна, Томилова Александра Игоревна	
ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ПИДЖИНА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ГАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ	34
Кутелия Виктория Юрьевна, Волошина Татьяна Геннадьевна	
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СТАТУСНО-РОЛЕВОЙ АСИММЕТРИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	40
Литвишко Ольга Михайловна	
ТЕОРИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИХРОННОГО (ФРАГМЕНТАРНОГО) УЧЕБНОГО КОНТЕНТА И КЛИПОВОГО ХАРАКТЕРА КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ.....	47
Мурай Ольга Викторовна	

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

ИННОВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА	56
Гаджиев Саид Сираджадин, Ложкина Светлана Леонидовна	
ОПТИМИЗАЦИЯ НАСТАВНИЧЕСТВА В ОРГАНАХ ВЛАСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	62
Гончаров Кирилл Михайлович, Анфимова Анна Юльевна	
ЛИПЕЦКАЯ ОБЛАСТЬ: ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ТОЧКИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ.....	71
Гурова Ольга Андреевна, Наумова Полина Дмитриевна, Новиков Александр Анатольевич	
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ».....	82
Айдын Олжас, Лаптев Сергей Вениаминович	
ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ СТАРТАПОВ ПО СРАВНЕНИЮ С ДРУГИМИ РАЗВИВАЮЩИМИ ЭКОСИСТЕМАМИ.....	89
Макаров Данила Анатольевич, Романова Марина Владимировна	
СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ТРУДНОДОСТУПНОЙ МЕСТНОСТИ ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ	95
Семенов Данила Елисеевич, Бураев Федор Владимирович	
СТРУКТУРНЫЕ ПАРАДОКСЫ ЭКОНОМИКИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ.....	105
Семивеличенко Матвей Евгеньевич, Ильичева Софья Александровна, Новикова Елена Валерьевна	
ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ В ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЕ РФ: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ.....	115
Пивкин Александр Валерьевич, Терехов Сергей Викторович, Новикова Елена Валерьевна	
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРАЕКТОРИЙ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КИТАЯ И РОССИИ	125
Шорникова Наталья Юрьевна	

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

САМОЦЕННОСТЬ, РЕФЛЕКСИЯ И МЕДИАГРАМОТНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ МЕДИАОБРАЗОВ НА САМООТНОШЕНИЕ ПОДРОСТКОВ.....	138
Бербер Наталья Николаевна, Комлева Карина Олеговна	
ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ «БЫЖИЧУ» КАК ИНСТРУМЕНТ ПСИХОДИАГНОСТИКИ И ГАРМОНИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ	144
Матвеева Ольга Валентиновна, Богущкая Лилия Владимировна	
КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКОГО ПСИХОЛОГА И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ПОДГОТОВКУ СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ.....	151
Роговенко Яна Сергеевна, Абдурахманов Ринат Абдулнакипович, Рябков Александр Михайлович	
ПСИХОДИАГНОСТИКА СТРЕССОВЫХ И КРИЗИСНЫХ СОСТОЯНИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: ВОЗМОЖНОСТИ КОГНИТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ	161
Сиятинский Демьян Станиславович, Трофимова Евгения Михайловна	
ТИПОЛОГИЯ И СТАДИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ: НАРРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ	169
Шарова Ольга Львовна	

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

SPEECH ACTS AND MODAL STRATEGIES IN CONTRASTING ADVERTISING GENRES.....	8
Eroshenko S.A., Zhigalova M.R.,	
THE SPECIFICS OF COMIC TRANSMISSION IN THE TRANSLATION OF MODERN AMERICAN PROSE (BASED ON THE NOVEL BY P. LOCKWOOD).....	16
Zverev D.D., Buzinova L.M.	
TRANSLATION SOLUTIONS TO THE PROBLEM OF TRANSLATING RUSSIAN REALITIES INTO SPANISH.....	24
Kalinina V.A., Tomilova A.I.	
PHRASEOLOGICAL UNITS OF PIDGIN ENGLISH IN GHANAIAN MEDIA DISCOURSE	34
Kutelia V.Yu., Voloshina T.G.	
LINGUISTIC REALIZATION OF STATUS-ROLE ASYMMETRY IN ENGLISH-LANGUAGE LEGAL DISCOURSE	40
Litvishko O.M.	
THEORY AND TECHNOLOGY OF FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE FORMATION IN THE CONTEXT OF POLYCHRONOUS (FRAGMENTED) EDUCATIONAL CONTENT AND THE CLIP-BASED NATURE OF COGNITIVE PROCESSES OF LEARNERS	47
Muray O.V.	

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

INNOVATIVE MODELS FOR THE DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL ENTERPRISES	56
Gajiyev Said Sirajaddin, Lozhkina S.L.	
OPTIMIZING MENTORING IN GOVERNMENT AS A TOOL FOR IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF REGIONAL ECONOMIC POLICY	62
Goncharov K.M., Anfimova A.Yu.	
LIPETSK: INVESTMENT POTENTIAL AND PRIORITY DEVELOPMENT POINTS	71
Gurova O.A., Naumova P.D., Novikov A.A.	
ECONOMIC CONTENT OF THE CONCEPT OF «ORGANIZATION'S COMPETITIVENESS»	82
Olzhas Ajdyn, Laptev S.V.	
ATTRACTIVENESS OF STARTUPS IN COMPARISON WITH OTHER DEVELOPING ECOSYSTEMS	89
Makarov D.A., Romanova M.V.	
THE SPECIFICS OF DEVELOPING THE HUMAN RESOURCES POTENTIAL OF MUNICIPAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN REMOTE AREAS OF THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG – YUGRA	95
Semenov D.E., Buraev F.V.	
STRUCTURAL PARADOXES OF THE SVERDLOVSK REGION'S ECONOMY: FACTOR ANALYSIS OF SOCIO-ECONOMIC DYNAMICS.....	105
Semivelichenko M.E., Ilicheva S.A., Novikova E.V.	
THE DIGITAL RUBLE IN THE FINANCIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: MACROECONOMIC REGULATION AND SOCIO-ECONOMIC FACTORS OF POPULATION ADAPTATION	115
Pivkin A.V., Terekhov S.V., Novikova E.V.,	
COMPARATIVE ANALYSIS OF THE DIGITAL TRANSFORMATION TRACKS OF CHINA AND RUSSIA	125
Shornikova N.Yu.	

CONTENTS

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

SELF-WORTH, REFLECTION, AND MEDIA LITERACY AS PSYCHOLOGICAL RESOURCES FOR OVERCOMING THE NEGATIVE IMPACT OF MEDIA IMAGES ON ADOLESCENTS' SELF-ATTITUDE	138
Berber N.N., Komleva K.O.	
INTEGRATIVE MODEL «BYZHICHU» AS A TOOL FOR PSYCHODIAGNOSTICS AND PERSONALITY HARMONIZATION OF STUDENTS IN A DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT	144
Matveeva O.V., Bogutskaya L.V.	
COMPUTERIZATION OF THE MEDICAL PSYCHOLOGIST'S ACTIVITIES AND ITS IMPACT ON THE TRAINING OF PSYCHOLOGY STUDENTS	152
Rogovenko Ya.S., Abdurakhmanov R.A., Ryabkov A.M.	
PSYCHODIAGNOSTICS OF STRESS AND CRISIS STATES OF STUDENTS IN A DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT: THE POTENTIAL OF A COGNITIVE-BEHAVIORAL APPROACH IN PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT	161
Siyatinsky D.S., Trofimova E.M.	
TYOLOGY AND STAGES OF STUDENTS' PROFESSIONAL IDENTITY DEVELOPMENT: A NARRATIVE ANALYSIS.....	169
Sharova O.L.	

**РЕЧЕВЫЕ АКТЫ И МОДАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ
В КОНТРАСТНЫХ РЕКЛАМНЫХ ЖАНРАХ****Ерошенко Семён Алексеевич¹,***магистрант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации,**e-mail: sem.eroshenko@mail.ru***Жигалова Майя Роландовна¹,***кандидат филологических наук, доцент,**доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации,**e-mail: m.zhigalova@mmu.ru**ORCID: 0000-0002-2973-8346*¹*АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия*

В статье рассматривается реализация базовых иллокутивных типов речевых актов – директивов и экспрессивов – в рамках двух контрастных рекламных жанров: постерного объявления и нативной публикации в блоге. Исследование базируется на методологии прагмалингвистики и теории речевых актов. Автором выделяются два жанрообразующих параметра: хронотоп восприятия (симультанный в отличие от пролонгированного) и коммуникативная модальность (монолог-воздействие в отличие от псевдиалога). Анализ показывает, что в жанре постера доминирует стратегия концентрированного волеизъявления: директивы реализуются в форме императивов или провокативных декларативов с волюнтаривной модальной окраской, тогда как экспрессивы выполняют функцию мгновенной эмоциональной оценки. В жанре нативной публикации, напротив, реализуется стратегия смягчённого убеждения: директивная сила редуцируется посредством деонтической и эпистемической модальности, а экспрессивы переориентируются на формирование доверительного образа автора. Жанр интерпретируется как прагматический фильтр, трансформирующий иллокутивный потенциал речевых актов.

Ключевые слова: речевые акты, модальность, директивы, экспрессивы, рекламный дискурс, речевые жанры, прагмалингвистика.

SPEECH ACTS AND MODAL STRATEGIES IN CONTRASTING ADVERTISING GENRES**Eroshenko S.A.¹,***Master's student of the Department of Linguistics and Intercultural Communication,**e-mail: sem.eroshenko@mail.ru***Zhigalova M.R.¹,***Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,**Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication,**e-mail: m.zhigalova@mmu.ru**ORCID: 0000-0002-2973-8346*¹*ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia*

The article examines the implementation of basic illocutionary types of speech acts – directives and expressions – within the framework of two contrasting advertising genres: poster ads and native blog posts. The research is based on the methodology of pragmalinguistics and the theory of speech acts. The author identifies two genre-forming parameters: the chronotope of perception (simultaneous as opposed to prolonged) and the communicative modality (monologue-influence as opposed to pseudo-dialogue). The analysis shows that the

poster genre is dominated by the strategy of concentrated expression of will: directives are implemented in the form of imperatives or provocative declaratives with a volitional modal coloring, while expressive ones perform the function of instant emotional assessment. In the genre of native publication, on the contrary, a strategy of softened persuasion is implemented: the directive force is reduced through deontic and epistemic modality, and expressives are reoriented towards the formation of a trusting image of the author. The genre is interpreted as a pragmatic filter that transforms the illocutionary potential of speech acts.

Keywords: speech acts, modality, directives, expressions, advertising discourse, speech genres, pragmalinguistics.

ВВЕДЕНИЕ

Институциональный дискурс рекламы представляет собой область реализации речевых актов, в которой перлокутивная цель (побуждение реципиента к совершению действия, в частности, приобретению товара или услуги) закономерно вступает в противоречие с коммуникативными ограничениями, детерминированными жанровой спецификой и социальными конвенциями, табуирующими прямое директивное воздействие. Разрешение данного противоречия достигается посредством стратегического распределения иллокутивных сил и актуализации модальных ресурсов языка. Если общие закономерности функционирования рекламных стратегий получили достаточно подробное освещение в лингвистической литературе [4; 5; 6; 7; 11; 14; 15], то вопрос о жанровой детерминации выбора между базовыми типами речевых актов сохраняет свою актуальность и требует дальнейшего изучения.

Рекламный жанр правомерно определить как устойчивую, типизированную форму рекламного высказывания, характеризующуюся специфическим комплексом композиционных, стилистических и прагматических признаков [13]. В контексте настоящего исследования релевантными признаются два жанрообразующих параметра:

1. Хронотоп восприятия: темпоральные характеристики и способ контакта реципиента с сообщением (симультанный - для постера или наружной рекламы; пролонгированный - для блогов);
2. Коммуникативная модальность: доминирующий тип интеракции (монолог-воздействие в постерной рекламе против псевдиалога-обсуждения в блогах).

Теоретико-методологическую базу исследования составляет теория речевых актов (далее ТРА – минимальные единицы речевой деятельности), которые составляют ядро прагматики. Известно, что речевой акт – трехкомпонентное единство: а) локутивный акт (процесс фонации, лексико-грамматическое структурирование высказывания, номинация и предикация)); б) иллокутивный акт (реализация коммуникативной цели, условий и средств её достижения); в) перлокутивный акт (совокупность экстралингвистических и интралингвистических средств, оказывающих целенаправленное воздействие на адресата для получения искомого эффекта).

Принципиальное значение для настоящего исследования приобретает классификация иллокутивных актов, предложенная Дж. Серлем и Джона Остина [9; 10], в рамках которой выделяются следующие пять групп:

- «Директивы: иллокутивы, ориентированные на побуждение адресата к совершению действия, релевантного для говорящего (например, приказ, просьба)» [1, с. 7];
- «Комиссивы: речевые акты, имплицитующие принятие говорящим обязательств по совершению действия в будущем либо соблюдению определенных поведенческих рамок (например, договор, клятва, пари)» [1, с. 7];

- «Репрезентативы: иллокутивы, функцией которых является репрезентация положения дел (верифицируемого или ложного) (например, недовольство, радость, извинение)» [1, с.7];
- «Экспрессивы: акты, реализующие функцию выражения психологического состояния говорящего (например, недовольство, радость, извинение)» [1, с.7];
- «Декларативы: иллокутивные акты, которые в силу самого факта успешной декларации производят изменения в статусе обозначаемых объектов (например, “Вы уволены!”, “Объявляю вас мужем и женой!”)» [1, с.7].

Интересное мнение высказывает С.В. Мощева о том, что «с полиинтенциональными, поскольку обладают несколькими иллокуциями» [8, с. 69].

Модальность, трактуемая в работе как отношение говорящего к пропозициональному содержанию высказывания и к совершаемому действию, выступает ключевым механизмом реализации и редукции иллокутивной силы. В рекламном дискурсе особую значимость приобретают следующие типы модальных значений:

- деонтическая модальность (значение долженствования, необходимости): “следует”, “нужно”, “важно”;
- эпистемическая модальность (значение вероятности, знания): “возможно”, “вероятно”, “как показывают исследования”;
- волюнтативная модальность (значение желания, волеизъявления): “хочу”, “желаю”, “мечтаю”.

Обратимся к анализу эмпирического материала. В качестве первого объекта рассмотрим жанр постера, который характеризуется лимитированным пространством и установкой на симультанное запоминание. Данный жанр рекламной речитяготее к стратегии концентрированного волеизъявления. Директивная сила здесь не исчезает, но принимает специфические, часто имплицитные формы.

Прямой императив представлен достаточно частотно. Рассмотрим пример социальной рекламы о донорстве «В каждом есть что-то хорошее. Стань донором!» (рис.1).

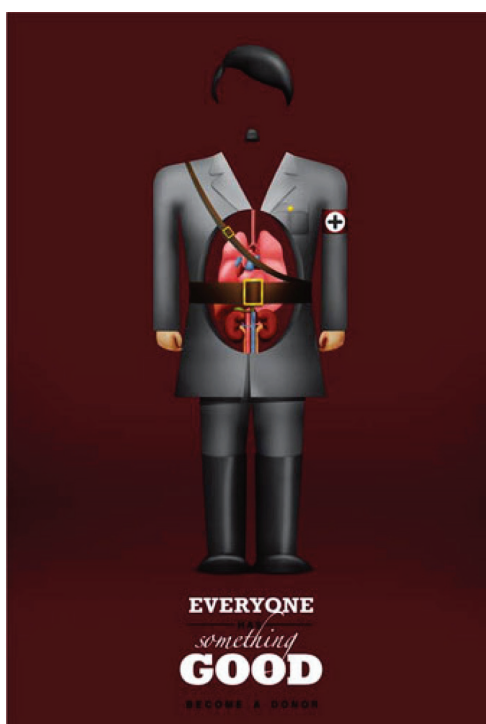

Рис. 1. Постер донорской акции “В каждом есть что-то хорошее”

Существуют и исключения. Так, к примеру, в жанре киноафиши, которые, по своей сути, также являются постером, репрезентативы преобладают над декларативами [12]. Однако более релевантной для данного жанра представляется стратегия маскировки директива под констатацию. В подобных косвенных речевых актах высказывание, обладающее декларативной формой, актуализирует директивную иллокутивную силу: «Чистый город начинается с тебя» (реклама субботника в округе Анадырь). Формально – констатация, иллокутивно – призыв к действию (рис.2);

Рис. 2. Постер субботника в округе Анадырь

В примере «Хватит отмазок!» (реклама курсов 3D-моделирования), косвенный директив завуалирован под экспрессив «Начни учиться сегодня» (рис.3).

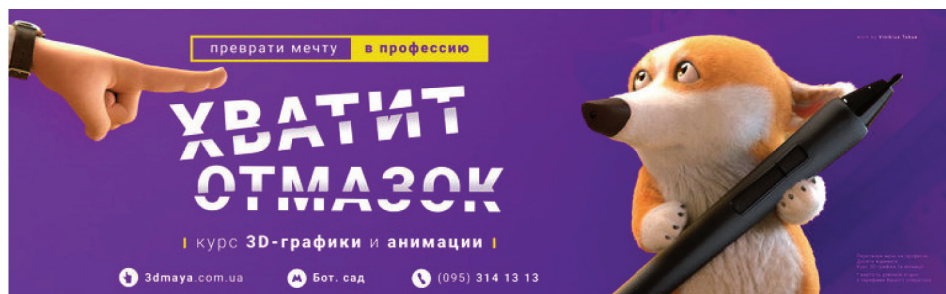

Рис. 3. Постер курсов 3D-моделирования и анимации

Модальность в таких случаях часто волонтерная, апеллирующая к желанию и самоидентификации адресата («Твой город...», «Твое будущее...», «Твое хобби...»).

Экспрессивы действуют как инструмент аттракции. Постеры активно используют экспрессивы ради формирования мгновенной эмоциональной оценки, которая замещает рациональную аргументацию:

«Розовый цвет. Доверься ему – и пятен нет!» - реклама стирального порошка Vanish Oxi Action (рис. 4).

Данная группа речевых актов квалифицируются как оценочные экспрессивы: говорящий (бренд) вербализирует эмоционально-положительную реакцию (такую как восхищение, одобрение), имплицитно предписывая аналогичную эмоциональную установку адресату. В данном случае модальность приобретает аксиологический характер, будучи ориентированной на формирование ценностного суждения.

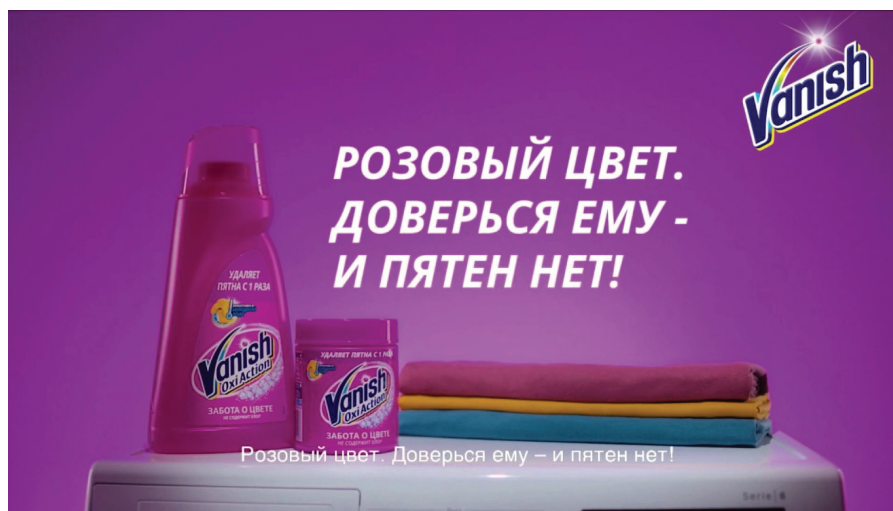

Рис. 4. Постер стирального порошка Vanish

В жанре нативной публикации в блоге доминирует «длинный» формат, имитирующий экспертное рассуждение, что детерминирует стратегию постепенного, опосредованного убеждения. Прямые директивные конструкции вступают в противоречие с жанровым канон [2; 3]; их функциональную нагрузку принимают на себя сложные модально-предикативные комплексы.

В блогах фиксируются следующие репрезентативные типы реализации иллокутивных стратегий:

– директивы, нивелированные посредством модальных операторов. Прямые императивы представлены довольно ограниченно. Преобладают советы, объективированные в деонтической и эпистемической модальности: «При выборе витаминов следует обращать внимание на биоусвояемость форм» (блог о здоровье). Иллокутивная сила совета редуцируется за счёт модального предиката деонтического характера. «Деонтический характер слова — это компонент его значения, выражающий оценку и одновременно предписание нормативного характера о возможности (желательности, нежелательности) использования этого слова» [12], формирующего семантику рекомендации, но не принуждения.

– косвенные директивы, реализованные в условных конструкциях: Например «Если вы хотите улучшить сон, возможно, стоит рассмотреть этот матрас». Директивный компонент («рассмотреть матрас») инкорпорирован в гипотетический контекст, маркированный эпистемическим модальным оператором («возможно») и волюнтаривной конструкцией («если вы хотите») модальности. Тем самым инициатива совершения действия имплицитно делигируется адресату.

– экспрессивы как средство формирования коммуникативного этоса в рамках нативной рекламы внутри блога. В отличие от постерной рекламы, где экспрессивы ориентированные на «эмоциональный удар» и мгновенную фиксацию образа товара, в жанре нативной публикации в блоге они выполняют функцию конструирования образа автора (этоса) – искреннего, увлечённого и разделяющего ценности своей аудитории. Типичными репрезентантами выступают экспрессивы-признания:

«Искренне восхищаюсь философией бренда, который ставит экологичность во главу угла»;
«Должна признаться, результат меня приятно удивил».

Данные высказывания реализуют преимущественно фатическую функцию: они моделируют ситуацию доверительной межличностной коммуникации, подготавливая перлокутивную почву для последующей, уже смягчённой, директивы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного контрастивного анализа можно сделать следующие выводы о жанрово-обусловленной иллюкутивной и модальной стратегии. Во-первых, в жанре постера с его симультанным восприятием реализуется стратегия концентрированного волеизъявления. Директивы принимают форму императивов или, чаще, провокативных декларативов с волюнтаривной модальной окраской. Экспрессивы используются как инструмент мгновенной эмоциональной оценки, формируя образ товара. Во-вторых, в жанре нативной публикации в блоге, рассчитанной на пролонгированное восприятие и псевдиалог, доминирует стратегия смягченного убеждения. Директивная сила растворяется в сложных конструкциях с доминированием деонтической и эпистемической модальности, что передает инициативу адресату и создает видимость объективности. Экспрессивы переориентированы на построение доверительного этоса автора.

Таким образом, жанр выступает не просто формой, а прагматическим фильтром, который трансформирует базовые иллюкутивные силы. Директивы и экспрессивы, оставаясь смысловыми константами рекламного воздействия, кардинально меняют своё языковое воплощение и коммуникативную нагрузку в зависимости от жанрового контекста. Полученные результаты углубляют понимание механизмов речевого воздействия и могут быть применены в дальнейших исследованиях жанрово системы медиадискурса.

Список литературы

1. *Асеева В.В.* Теория речевых актов: принципы и проблемы // Вестник науки и творчества. – 2016. – №1 (1). – С. 6-10. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-rechevyh-aktov-printsipy-i-problemy> (дата обращения: 04.02.2026).
2. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин. – Москва: Русские словари, 1996. – [Электронный ресурс]. – URL: iprbookshop.ru (дата обращения: 19.12.2025).
3. *Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики / [А.В. Бондарко, М.А. Шелякин, В.С. Храковский, В.П. Недялков и др. ; редкол.: А.В. Бондарко (отв. ред.) и др.] ; АН СССР, Ин-т языкознания. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. — 347, с. ; 22 см.
4. *Бублик Е.В.* Эффективность речевых тактик в рекламных текстах у fashion-блогеров / Е.В. Бублик // Динамика медиасистем. – 2025. – Т. 5, № 1. – С. 615-625.
5. *Гончарова Л.М.* Речевые тактики рекламного текста (на материале русскоязычной коммерческой рекламы) / Л.М. Гончарова, Ш. Лю // Гуманитарные технологии в современном мире : Сборник статей IX Международной научно-практической конференции. Памяти доктора педагогических наук, главного редактора научного журнала “Современная коммуникагивистика”, профессора Оскара Яковлевича Гойхмана, Светлогорск, 03–05 июня 2021 года / Составители Л.М. Гончарова, Т.В. Нестерова, Э.А. Китанина. – Калининград: РА “Полиграфыч”, 2021. – С. 68-75.
6. *Иркабаева М.В.* Речевые акты и речевые жанры: соотношение понятий // Вестник Башкирск. унта. – 2010. – №3. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-akty-i-rechevye-zhany-sootnoshenie-ponyatiy> (дата обращения: 04.02.2026).
7. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи // О.С. Иссерс; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Ом. гос. ун-т. — Омск : ОмГУ, 1999. — 284 с.
8. *Мощева С.В.* Полифункциональная природа декларативных речевых актов (на материале массмедийного дискурса) // Jazyk a kultúra. – 2023. – № 55. – С. 64-70. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ff.unipo.sk/jak/55_2023/Svetlana%20Vasilievna%20Moscheva_studia.pdf (Дата обращения: 17.02.2026)

9. *Остин Дж.Л.* Как производить действия при помощи слов = Избранное / Джон Остин ; Пер. с англ. яз. В.П. Руднева ; Смысл и сенсibiliи / Джон Остин ; Пер. с англ. яз. Л.Б. Макеевой. — Москва : Дом интеллектуал. кн., Идея-Пресс, 1999. — 329 с.
10. *Серль Д.Р.* Классификация иллокутивных актов / Д.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. — 1986. — № 17. — С. 170-194.
11. *Чвалун Р.В.* Функционально-прагматический потенциал речеактового варьирования в рекламном дискурсе / Р. В. Чвалун, Н. И. Кизилова // Гуманитарные и юридические исследования. — 2024. — Т. 11, № 2. — С. 403-409.
12. *Чернявская В.Е.* Деонтическое значение и прагматика переименований в практике политической корректности / В.Е. Чернявская // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2023. — Т. 21, № 3. — С. 58-72
13. *Шмелева, Т.В.* Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. — 1997. — № 1. — С. 88-98.
14. *Alalya, Muna & Altakhaineh, Abdel Rahman & Yaseen, Zain.* (2024). Culture-specific discourse in marketing: a study of socio-cultural traditions in Jordanian shops and streets. *Language and Semiotic Studies*. 10. 593-615. 10.1515/lass-2024-0046. — [Электронный ресурс]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/386650792_Culture-specific_discourse_in_marketing_a_study_of_socio-cultural_traditions_in_Jordanian_shops_and_streets (Дата обращения: 17.02.2026)
15. *Mahmoud, K.* (2025). Die Kunst der Verführung: Eine Sprechaktanalyse von Aufforderungen und Versprechungen als Verführungstechniken in Online-Stellenanzeigen. *Alsun Beni-Suef International Journal of Linguistics Translation and Literature*. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://doi.org/10.21608/abjltl.2024.316838.1075> (Дата обращения: 17.02.2026)
16. *Monsurat Aramide, N.* A Study of Multimodal Communicative Acts in Selected Nollywood Film Advertisement Posters / N. Monsurat Aramide // *Journal of Languages and Translation*. — 2024. — Vol. 4, No. 2. — P. 79-92.

References

1. *Aseeva, V.V.* (2016). Theory of speech acts: Principles and problems. *Bulletin of Science and Creativity*, 1(1), 6–10. Retrieved February 4, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-rechevyh-aktov-printsipy-i-problemy>
2. *Bakhtin, M.M.* (1996). *The problem of speech genres*. Moscow: Russkie Slovarei. Retrieved December 19, 2025, from iprbookshop.ru
3. *Bondarko, A.V., Shelyakin, M.A., Khrakovsky, V.S., Nedyalkov, V.P., et al.* (1987). *Theory of functional grammar* (A.V. Bondarko, Ed.). Leningrad: Nauka, Leningrad Branch. 347 p.
4. *Bublik, E.V.* (2025). The effectiveness of speech tactics in advertising texts of fashion bloggers. *Dynamics of Media Systems*, 5(1), 615–625.
5. *Goncharova, L.M., & Liu, Sh.* (2021). Speech tactics of advertising text (based on Russian-language commercial advertising). In L.M. Goncharova, T.V. Nesterova, & E.A. Kitanina (Comps.), *Humanitarian technologies in the modern world: Proceedings of the 9th International Scientific and Practical Conference* (Svetlogorsk, June 3–5, 2021) (pp. 68–75). Kaliningrad: RA “Poligrafykh”.
6. *Irkabaeva, M.V.* (2010). Speech acts and speech genres: The correlation of concepts. *Bulletin of Bashkir University*, (3). Retrieved February 4, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-akty-i-rechevye-zhanry-sootnoshenie-ponyatiy>
7. *Issers, O.S.* (1999). *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. Omsk: Omsk State University. 284 p.
8. *Moshcheva, S.V.* (2023). The polyfunctional nature of declarative speech acts (based on mass media discourse). *Jazyk a kultúra*, (55), 64–70. Retrieved February 17, 2026, from https://www.ff.unipo.sk/jak/55_2023/Svetlana%20Vasilievna%20Moscheva_studia.pdf
9. *Austin, J.L.* (1999). *How to do things with words / Sense and sensibilia* (V. P. Rudnev & L. B. Makeeva, Trans.). Moscow: Dom Intellektualnoy Knigi, Ideya-Press. 329 p.

10. Searle, J.R. (1986). A classification of illocutionary acts. *New in Foreign Linguistics*, (17), 170–194.
11. Chvalun, R.V., & Kizilova, N.I. (2024). Functional-pragmatic potential of speech act variation in advertising discourse. *Humanitarian and Legal Research*, 11(2), 403–409.
12. Chernyavskaya, V.E. (2023). Deontic meaning and the pragmatics of renaming in the practice of political correctness. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 21(3), 58–72.
13. Shmeleva, T.V. (1997). A model of speech genre. *Speech Genres*, (1), 88–98.
14. Alalya, M., Altakhaineh, A.R., & Yaseen, Z. (2024). Culture-specific discourse in marketing: A study of socio-cultural traditions in Jordanian shops and streets. *Language and Semiotic Studies*, 10, 593–615. <https://doi.org/10.1515/lass-2024-0046>
15. Mahmoud, K. (2025). Die Kunst der Verführung: Eine Sprechaktanalyse von Aufforderungen und Versprechungen als Verführungstechniken in Online-Stellenanzeigen [The art of seduction: A speech act analysis of requests and promises as seduction techniques in online job advertisements]. *Alsun Beni-Suef International Journal of Linguistics, Translation and Literature*. <https://doi.org/10.21608/abjltl.2024.316838.1075>
16. Monsurat Aramide, N. (2024). A study of multimodal communicative acts in selected Nollywood film advertisement posters. *Journal of Languages and Translation*, 4(2), 79–92.

Статья поступила в редакцию: 20.02.2026.

Received: 20.02.2026.

Статья принята к публикации: 28.05.2026.

Accepted: 28.05.2026.

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ КОМИЧЕСКОГО В ПЕРЕВОДЕ СОВРЕМЕННОЙ
АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА П. ЛОКВУД)****Зверев Данила Денисович¹,***магистрант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации,**e-mail: keydan18@yandex.ru***Бузинова Людмила Михайловна¹,***док. филол. наук, доцент,**профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации**e-mail: l.buzinova@mmu.ru**ORCID: 0000-0002-2721-3482*¹*АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия*

В статье рассматриваются основные подходы к передаче комического в переводе художественных произведений с английского языка на русский. На материале анализа теоретических и практических аспектов комического как эстетической категории выявляются оптимальные стратегии и переводческие решения для сохранения комического эффекта оригинального текста. Актуальность работы обусловлена повышенной сложностью сохранения комического эффекта в тексте, который тесно связан с реалиями, игрой слов и индивидуальным стилем автора. Рассматриваются основные стратегии перевода комического, включая функциональную замену, калькирование, компенсацию и др. Особое внимание уделено критериям эквивалентности и адекватности. Выявлено, что успешная передача комического требует от переводчика не только языковых знаний, но и развитого чувства стиля, фоновых знаний и творческого подхода к межязыковой трансформации. Полученные результаты могут быть использованы в курсах теории и практики перевода.

Ключевые слова: комическое, юмор, перевод, эстетическая категория, переводческие трансформации.

**THE SPECIFICS OF COMIC TRANSMISSION IN THE TRANSLATION
OF MODERN AMERICAN PROSE (BASED ON THE NOVEL BY P. LOCKWOOD)****Zverev D.D.¹,***Postgraduate Student of the Department of Linguistics and Intercultural Communication**e-mail: keydan18@yandex.ru***Buzinova L.M.¹,***Doctor of Philology, Associate Professor,**Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication,**e-mail: l.buzinova@mmu.ru**ORCID: 0000-0002-2721-3482*¹*ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russian Federation*

The article examines the main approaches to rendering comic effects in the translation of literary works from English into Russian. Based on an analysis of the theoretical and practical aspects of the comic as an aesthetic category, the study identifies optimal translation strategies and techniques aimed at preserving the comic effect of the original text. The relevance of the research lies in the increasing difficulty of conveying humor in texts closely connected with cultural references, wordplay, and the author's individual style. The article discusses the principal strategies for rendering comic effects, including functional substitution,

dictionary-based translation, compensation, and other translation techniques. Particular attention is paid to the criteria of equivalence and adequacy in translation. It is demonstrated that the successful translation of comic elements requires not only linguistic competence but also a developed sense of style, broad background knowledge, and a creative approach to cross-linguistic transformation. The results of the study can be applied in courses on translation theory and practice.

Keywords: comic, humor, translation, aesthetic category, translation transformations.

ВВЕДЕНИЕ

Передача комического аспекта при переводе художественных произведений представляет собой одну из наиболее сложных и дискуссионных проблем современного переводоведения. Комическое как явление обладает уникальной культурной, социальной и лингвистической спецификой, что делает его трансляцию из одного языка в другой задачей повышенной сложности. Как справедливо отмечает В.Д. Девкин, «комизм в значительной степени определяется культурными особенностями и социальным устройством конкретного общества, что требует от переводчика не только языковой, но и культурной компетентности» [8, с. 150].

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном мире произведения с комическим содержательным элементом занимают значительную часть художественного рынка. Однако степень научной разработанности проблем перевода остается недостаточно изученной. Отсутствуют четкие методологические подходы к анализу переводческих трансформаций, обеспечивающих сохранение комического эффекта.

Цель исследования – рассмотреть оптимальные способы и стратегии передачи комического в переводе художественных текстов, обеспечивающие максимальную сохранность комического эффекта.

Объект исследования – средства передачи комического при переводе с английского языка на русский в художественных произведениях (на примере романа П. Локвуд «О таком не говорят»).

Для эффективной передачи комического в переводе необходимо четкое понимание его природы и функций. «Комическое – это категория эстетики, выражающаяся в форме осмеяния исторически обусловленное несоответствие данного социального явления, деятельности и поведения людей объективному ходу вещей и эстетическому идеалу» [2, с. 197]. Однако, рассматривая комическое исключительно как эстетическую категорию, теряется его лингвистическая природа.

В лингвистическом аспекте комическое рассматривается как специфическое использование языковых средств для создания эффекта смешного, неожиданного или абсурдного. По мнению И.В. Арнольд, «комическое в речи представляет собой особую организацию текста, при которой нарушаются привычные языковые и речевые нормы» [2, с. 56].

Философское осмысление комического восходит к теории И.Канта, А. Бергсона и других мыслителей. И. Кант выводит комическое из игры представлений, определяя смех как «аффект от внезапного превращения, напряженного в ничто» [13, с. 352]. А. Бергсон, в свою очередь, предлагает понимать комическое как «результат механического в живом», то есть как результат нарушения естественного, живого поведения [6, с. 130].

Сходную мысль высказывает И.Т. Фролов, отмечая, что комическое позволяет обнаружить противоречие между внешней формой явления и его внутренним содержанием [16, с. 211]. Такое понимание комического особенно важно при анализе художественного перевода, поскольку

переводчик должен сохранить не только формальный юмористический эффект, но и скрытую оценочность текста.

В отечественной традиции значительный вклад в изучение комического внесли В.Г. Белинский, М.М. Бахтин и С.С. Аверинцев. В.Г. Белинский рассматривал комическое как социально-этическое явление, механизм разрешения противоречий между сущим и должным [4, с. 79]. М.М. Бахтин определял комическое как «амбивалентный феномен», связанный с карнавальной культурой и телесным низом [3, с. 25].

Интегрирующий подход к пониманию комического как многоуровневого явления позволяет рассматривать его одновременно как эстетическую категорию, отражающую социальные противоречия, лингвистический феномен, реализуемый через определенные языковые средства, психологический механизм, связанный с эмоциональной реакцией реципиента, и прагматический инструмент, служащий определенным коммуникативным целям.

В.Д. Девкин выделяет два основных типа комизма в языке, а именно – комизм слова и комизм ситуации [11, с. 6]. Комизм слова связан непосредственно с лингвистическими явлениями, тогда как комизм ситуации зависит от контекста и условий коммуникации.

Е. Большева и Е. Кузьмина отмечают, что при переводе юмора невозможно ограничиться исключительно передачей лексического значения, поскольку «комический эффект формируется сразу на нескольких уровнях текста» [8, с. 47].

К основным средствам выражения комического относятся синтаксические средства, включающие параллелизм, антитезу, риторические вопросы, градации, которые создают ритмическую структуру, являющуюся источником комического эффекта через нарушение ожиданий. Фонетические средства проявляются в орфоэпических неправильностях и намеренно допущенных ошибках, которые создают портрет персонажа и являются источником комизма через звуковую игру. Морфологические средства представлены использованием просторечных форм и грамматическими нарушениями, служащими социальной характеристике персонажей. Е.П. Белкина отмечает, что при переводе шуток, основанных на игре слов, особую сложность представляет сохранение языковой игры и коммуникативного эффекта оригинала [5, с. 212]. Лексические средства включают каламбур, алогизм, избыточность речи и употребление слов в неправильном значении.

По классификации Ю.Б. Борева, комическое включает три основных вида: юмор, сатиру и иронию [7].

Юмор как вид комического характеризуется позитивным аспектом, соединением серьезного и смешного. По В.Д. Девкину, юмор возникает в конкретных условиях: обстановки речи, характеристик говорящего и слушающего, «актуализированных языковых средств, коммуникативно-прагматических характеристик и культурологического фона» [11, с. 274].

Ирония представляет собой тонкую насмешку, реализуемую через семантическое несоответствие между буквальным выражением и подразумеваемым смыслом. Именно имплицитность иронии создает сложность для переводчика, т.к. необходимо декодировать скрытый смысл, опираясь на контекст и фоновые знания.

Сатира характеризуется беспощадным, уничтожающим переосмыслением объекта изображения через смеховые, обличительно-осмеивающие образы.

Рассмотренные виды комического (юмор, ирония, сатира) находят свое языковое воплощение в различных стилистических приемах. Одним из наиболее сложных приемов для перевода являются

авторские окказионализмы, созданные в конкретном тексте и нарушающие привычные нормы словообразования. Такие лексические единицы имеют высокий потенциал воздействия на читателя и создают эффект неожиданности.

Например, в романе П. Локвуд «О таком не говорят» окказиональное сочетание *airy prominence* создает комический эффект через нарушение обычной сочетаемости слов. Слово *airy* (воздушный) в контексте известности придает ей оттенок незначительности и эфемерности, что иронически высмеивает популярность персонажа. П. Локвуд использует такое необычное сочетание для выражения малой значимости популярности, которую получила героиня, подчеркивая эфемерность этой известности. В переводе М. Десятовой используется вариант «некая воздушная известность», который сохраняет исходный комический эффект путем калькирования. В отличие от потенциально возможных вариантов выбор данной трансформации позволяет значение, но прагматику авторского словообразования.

При передаче окказионализмов на русский язык переводчик сталкивается с дилеммой: либо буквально передать странность сочетания, сохранив комический эффект, либо адаптировать под русский язык, рискуя потерять оригинальность.

Как отмечает Б. Дземидок, основными приемами создания комического эффекта являются «видоизменение и деформация явлений», неожиданные эффекты, несоразмерность в отношениях между явлениями и мнимое объединение абсолютно разнородных явлений [12, с. 89]. Применительно к окказионализмам в переводе эти приемы требуют специальных переводческих трансформаций.

При анализе переводов художественных текстов выявляются системные проблемы в передаче комического:

1. Проблема передачи культурных реалий заключается в том, что комическое часто основано на культурных справках и аллюзиях, понятных представителям исходной культуры. Например, в романе П. Локвуд «О таком не говорят» встречается яркая отсылка к политической ситуации в США:

«Politics! The trouble was that they had a dictator now, which, according to some people (white), they had never had before, and according to other people (everyone else), they had only ever been having, constantly, since the beginning of the world» [14, с. 6].

Перевод М. Десятовой: «Политика! Вот в чем беда: теперь у них появился диктатор, которого, по мнению одних людей (белых), раньше никогда не было, а по мнению других людей (всех остальных), был всегда, постоянно, с начала мира» [14, с. 6].

Здесь автор иронизирует на тему деления общества по расовому признаку в связи с политическими взглядами, что является актуальной реалией американской жизни. Переводчик М. Десятова использует стратегию калькирования, передавая синтаксическую структуру и противопоставление «white» – «everyone else» как «белых» – «всех остальных», что позволяет сохранить комический эффект и культурную специфику оригинала. Адекватный перевод требует не только языковых знаний, но и глубокого понимания культурного контекста, включая понимание проблемы расовых отношений в США.

Н.С. Братчикова отмечает, что сохранение культурного компонента художественного текста является одной из ключевых задач переводчика [9, с. 272].

2. Проблема передачи языковой игры заключается в том, что комические каламбуры, основанные на омонимии, полисемии или звуковом сходстве, часто невозможно передать в целевой язык без потери эффекта. Е.С. Абаева подчеркивает, что при передаче юмористического эффекта переводчик

должен учитывать не только содержание, но и прагматический и эмоциональный потенциал текста [1, с. 47]. Например, в романе встречается пример сравнения местоимений с попугаем:

«Occasionally it flew back to light on her shoulder, like a parrot who repeated everything she said but otherwise had nothing to do with her» [10, с. 14].

Как отмечает О.Р. Галиуллина, при переводе юмористических текстов особую сложность представляет сохранение ассоциативной многозначности и прагматического эффекта оригинала [10, с. 49].

В русском переводе М. Десятовой: «Иногда оно возвращалось, чтобы сесть ей на плечо, как попугай, который повторяет все, что она говорит, но иного отношения к ней не имеет» [14, с. 11].

Переводчик использует стратегию смыслового развития, сохраняя образ попугая и метафору отчужденности героини от собственного местоимения. Комический эффект сравнения грамматической категории с живым существом передается через буквальный перевод образа, что демонстрирует успешную адаптацию авторской языковой игры.

3. Проблема передачи синтаксических структур выражается в том, что комический эффект может быть создан через нарушение синтаксических норм исходного языка. При переводе может потребоваться пересмотр синтаксической структуры для создания аналогичного эффекта в целевом языке. В текстах П. Локвуд это проявляется в намеренной стилизации речи персонажей, например:

«Every day their attention must turn, like the shine on a school of fish, all at once, toward a new person to hate. Sometimes the subject was a war criminal, but other times it was someone who made a heinous substitution in guacamole» [14, с. 11].

Перевод М. Десятовой: «Каждый день их внимание должно обращаться, словно блеск чешуи на косяке рыб, разом, к новому объекту ненависти. Иногда это был военный преступник, а иногда – тот, кто совершил ужасную подмену в гуакамоле» [14, с. 9].

Здесь комический эффект создается через абсурдное сравнение опасного преступника и неправильной рецептуры гуакамоле. Переводчик сохраняет синтаксический параллелизм («Sometimes... but other times» – «Иногда... а иногда»), что позволяет передать ироническую функцию противопоставления. Образ «*shine on a school of fish*» передан как «блеск чешуи на косяке рыб», что сохраняет визуальную метафору коллективного поведения интернет-пользователей.

4. Комическое часто зависит от интонационного оформления. В письменном тексте переводчик должен найти лексико-грамматические средства для передачи такого тона. Например, в романе П. Локвуд комическая интонация создается через использование восклицательных предложений и риторических вопросов:

«I mean, have you read that article about octopus intelligence? Have you read how octopuses are marching out of the sea and onto dry land, in slick and obedient armies?» [14, с. 13].

Перевод: «То есть, вы читали эту статью об интеллекте осьминогов? Читали, как осьминоги выходят из моря на сушу, стройными и послушными армиями?» [14, с. 10].

Переводчик сохраняет вопросительную интонацию и эмоциональную окраску через риторические вопросы, передающие восторженно-иронический тон оригинала. Прилагательные «*slick and obedient*» переводятся как «стройными и послушными», что сохраняет комический контраст между природой морских существ и военной дисциплиной.

Успешная передача комического в переводе требует применения комплексного подхода, включающего несколько уровней анализа и трансформации текста. В рамках когнитивно-

прагматического подхода подчеркивается, что восприятие юмора зависит от фоновых знаний и коммуникативных ожиданий адресата.

Предпереводческий анализ должен включать выявление всех средств создания комического эффекта, определение функций комического в контексте произведения, анализ культурных реалий и аллюзий, оценку возможности адекватной передачи в целевом языке.

Переводческие трансформации при работе с комическим могут включать:

Компенсацию – когда комический эффект теряется в конкретном месте, но воссоздается в другой части текста через иные языковые средства. Примером может служить перевод окказионализма «sneazing» (чихание в интернет-сленге) в романе П. Локвуд [14]. В оригинале это намеренная орфографическая деформация слова «sneezing», создающая комический эффект через абсурдность. Переводчик М. Десятова использует прием компенсации, создавая аналогичный комический эффект в других эпизодах текста через передачу интернет-жаргонизмов и неологизмов [14]. Современный перевод юмора ориентирован прежде всего на достижение эквивалентного эмоционального воздействия на читателя.

Адаптацию – приспособление комического к культурным реалиям целевого языка с использованием местных аналогов и референций. Например, при передаче концепта «1776-core» (эстетика, связанная с отцами-основателями США и годом провозглашения независимости), переводчик использует описательный перевод «эстетика на тему 1776 года», дополняя контекстными пояснениями для русскоязычного читателя, незнакомого с этой американской культурной реалией.

Экспликацию – развертывание имплицитного комического смысла в форму, более явную для реципиента целевого языка. Например, окказионализм «slipstream of information» (буквально «воздушный след информации») в переводе М. Десятовой раскрывается как «новый поток информации», что эксплицирует метафору стремительного движения данных в цифровом пространстве, делая её более понятной для русскоязычного читателя [14].

Восприятие и передача юмора напрямую зависит от социокультурных условий и фоновых знаний реципиента [17], поскольку дословная передача комического редко обеспечивает аналогичный эффект у читателя перевода. Как справедливо отмечает С.Н. Плотникова, «переводчик комического стоит перед выбором: сохранить форму и потерять содержание или изменить форму ради сохранения содержания» [15, с. 240].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комическое представляет собой комплексный феномен, требующий для своей адекватной передачи в переводе многоуровневого анализа. Успешный перевод комического невозможен без глубокого понимания природы и функций комического в исходном тексте, владения разнообразными переводческими стратегиями и трансформациями, знаний культурных особенностей и способности к творческой адаптации при сохранении авторской интенции. Каждый из этих аспектов требует тщательного внимания и профессионального мастерства переводчика, способного найти оптимальный баланс между верностью оригиналу и доступностью для читателя целевого языка.

Проведенное исследование позволяет говорить, что при передаче комического на русский язык в романе основными стратегиями являются: сохранение окказиональной сочетаемости; передача культурно-специфического аспекта комического; компенсация языковой игры в тех случаях, где невозможно прямая передача. Комбинация этих стратегий позволяет сохранить идиостиль автора.

Анализ конкретных примеров подтверждает, что комическое не может рассматриваться как побочный элемент художественного текста, а должно анализироваться как интегральная часть авторского замысла, требующая специальных переводческих подходов и решений для обеспечения адекватной передачи смысла, и эффекта на языке перевода. Только через комплексный и творческий подход переводчик может достичь того уровня мастерства, при котором комическое произведение, переведенное на иной язык, сохраняет свой исходный потенциал воздействия на аудиторию и остается актуальным для новых читателей.

Список литературы

1. *Абаева Е.С.* Параметры передачи юмористического эффекта при работе с художественным текстом // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика. 2019. № 1. 75–83 с. DOI : 10.18384/2310-712X-2019-1-75-83
2. *Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка. Л. : Просвещение, 1990. 301 с.
3. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1990. 543 с.
4. *Белинский В.Г.* Разделение поэзии на роды и виды. М. : ГИХЛ, 1956. 789 с.
5. *Белкина Е.П.* Обучение будущих учителей английского языка способам перевода шуток, построенных на игре слов, на занятиях по теории и практике перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 1. 199-210 с.
6. *Бергсон А.* Смех. Опыт о значении комического. М. : Искусство, 1992. 127 с.
7. *Борев Ю.Б.* Комическое или о том, как смех казнит недостатки. М. : Искусство, 1980. 199 с.
8. *Большева М.М.* Лингвистические особенности перевода юмора в американских комедийных сериалах / М. М. Большева, О. Д. Кузьмина // Terra Linguae : Сборник научных статей. Том Выпуск 7. Казань : Издательство Казанского университета, 2020. С. 228-233.
9. *Братчикова Н.С.* Stage Translation as a Means of Preserving the Culture Component of a Dramatic Text // Вестник Московского университета. 2025. 268-279 с. DOI: <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.268-279>
10. *Галиуллина О.Р.* Приемы комического как средства передачи негативной оценочности в англоязычной сетевой коммуникации // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, №2. 160-171 с. DOI : <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-160-171>.
11. *Девкин В.Д.* Немецкая разговорная речь : синтаксис и лексика. М. : Высшая школа, 1988. 278 с.
12. *Дземидок Б.* О комическом. М. : Прогресс, 1974. 127 с.
13. *Кант И.* Критика способности суждения. М. : Мысль, 1966. 591 с.
14. *Локвуд П.* О таком не говорят / пер. С англ. М. Десятовой. М. : Эксмо, 2021. 320 с.
15. *Плотникова С.Н.* Комическое как категория литературного анализа. М. : ЛКИ, 2008. 256 с.
16. *Фролов И.Т.* Введение в философию. М. : Политиздат, 2001. 560 с.
17. *Хворостяная Е.Р., Ляшенко И.В.* Роль и значение социокультурных условий при переводе юмора в кино и сериалах // Актуальные исследования. 2024. №22 (204). Ч.II. С. 15-20. URL: <https://apni.ru/article/9507-rol-i-znachenie-sociokulturnyh-uslovij-pri-perevode-yumora-v-kino-i-serialah>

References

1. *Abaeva, E.S.* (2019). Parameters of conveying the humorous effect when working with a literary text. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, (1), 75–83. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-1-75-83.
2. *Arnold, I.V.* (1990). *Stylistics of modern English*. Leningrad: Prosveshcheniye. 301 p.
3. *Bakhtin, M.M.* (1990). *Rabelais and his world: The creativity of François Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. 543 p.

4. Belinsky, V.G. (1956). *The division of poetry into genres and types*. Moscow: GIKhL. 789 p.
5. Belkina, E.P. (2024). Teaching future English language teachers the methods of translating puns in theory and practice of translation classes. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 17(1), 199–210.
6. Bergson, H. (1992). *Laughter: An essay on the meaning of the comic*. Moscow: Iskusstvo. 127 p.
7. Borev, Yu.B. (1980). *The comic, or how laughter punishes shortcomings*. Moscow: Iskusstvo. 199 p.
8. Bolysheva, M.M., & Kuzmina, O.D. (2020). Linguistic features of translating humor in American comedy series. In *Terra Linguae: Collected scientific articles* (Vol. 7, pp. 228–233). Kazan: Kazan University Press.
9. Bratchikova, N.S. (2025). Stage translation as a means of preserving the culture component of a dramatic text. *Bulletin of Moscow University*, 268–279. DOI: <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.268-279>.
10. Galiullina, O.R. (2023). Techniques of the comic as means of conveying negative evaluation in English-language online communication. *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*, 29(2), 160–171. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-160-171>.
11. Devkin, V.D. (1988). *German colloquial speech: Syntax and vocabulary*. Moscow: Vysshaya Shkola. 278 p.
12. Dzmidok, B. (1974). *On the comic*. Moscow: Progress. 127 p.
13. Kant, I. (1966). *Critique of judgment*. Moscow: Mysl. 591 p.
14. Lockwood, P. (2021). *No one is talking about this* (M. Desyatova, Trans.). Moscow: Eksmo. 320 p.
15. Plotnikova, S. N. (2008). *The comic as a category of literary analysis*. Moscow: LKI. 256 p.
16. Frolov, I.T. (2001). *Introduction to philosophy*. Moscow: Politizdat. 560 p.
17. Khvorostyanaya, E.R., & Lyashenko, I.V. (2024). The role and significance of sociocultural conditions in translating humor in films and series. *Current Research*, (22(204)), Part II, 15–20. Retrieved from <https://apni.ru/article/9507-rol-i-znachenie-sociokulturnyh-uslovij-pri-perevode-yumora-v-kino-i-serialah>

Статья поступила в редакцию: 26.02.2026.

Received: 26.02.2026.

Статья принята к публикации: 18.05.2026.

Accepted: 18.05.2026.

УДК 811.134.2; 81'25.

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ РУССКИХ РЕАЛИЙ
НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК**

Калинина Вера Анатольевна¹,
магистрант 2-го курса обучения
e-mail: kalinina1vera@yandex.ru

Томилова Александра Игоревна¹,
кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
на иностранных языках
e-mail alexara@list.ru
ORCID: 0000-0003-4233-8248

¹Уральский гуманитарный институт Уральского Федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия, г. Екатеринбург

В настоящей статье анализируются переводческие трансформации русских реалий романа Е. Водолазкина «Лавр» на испанский язык как средство достижения функциональной эквивалентности. Цель исследования – выявить эффективные механизмы передачи культурного колорита Средневековой Руси. В статье проводится сопоставительный и статистический анализ реалий, контекстуальный разбор переводческих решений, обзор дефиниций Я.И. Рецкера, В.Г. Гака, А.Д. Швейцера. Эмпирическую базу исследования составили фрагменты испанского перевода романа «Лавр» Е. Водолазкина. Анализ выявил доминирование лексико-семантических замен (29%), экспликации (25%) и транскрибирования (21%) по В.Н. Комиссарову, а также замен (71%) по Л.С. Бархударову. Типология В.Н. Комиссарова фиксирует специфику: 83% транскрибирования топонимов, 67% экспликации религиозных реалий.

Ключевые слова: переводческие трансформации, культурные реалии, переводоведение, культурная адаптация, эквивалентность, испанский язык.

**TRANSLATION SOLUTIONS TO THE PROBLEM OF TRANSLATING
RUSSIAN REALITIES INTO SPANISH**

Kalinina V.A.¹,
Master's student of the 2nd year,
e-mail: kalinina1vera@yandex.ru

Tomilova A.I.¹,
Candidate of Philological sciences, Associate Professor,
Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages,
e-mail alexara@list.ru

¹Ural Humanitarian Institute Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

This article analyzes the translation transformations of the Russian realities of E. Vodolazkin's novel "The Laurus" into Spanish as a means of achieving functional equivalence. The purpose of the study is to identify effective mechanisms for transmitting the cultural flavor of Medieval Rus, to identify transformational processes that ensure functional equivalence. The methodological basis was made up of comparative and statistical analysis of realities, contextual analysis of translation solutions, and a review of definitions by J.I. Retsker, V.G. Gak, and A.D. Schweitzer. The empirical basis of the study consisted of fragments of the Spanish trans-

lation of the novel "The Laurus" by E. Vodolazkin. The analysis revealed the dominance of lexico-semantic substitutions (29%), explication (25%) and transcription (21%) according to V. N. Komissarov, as well as substitutions (71%) according to L. S. Barkhudarov. V. N. Komissarov's typology captures the specifics: 83% of the transcription of place names, 67% of the explication of religious realities.

Keywords: translation transformations, cultural realities, translation studies, cultural adaptation, equivalence, the Spanish language.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобализации и растущего интереса к русской литературе за рубежом перевод историко-культурных реалий приобретает особую важность [12]. Целью исследования стало выявление трансформационных процессов, обеспечивающих функциональную эквивалентность перевода реалий. Для достижения поставленной цели в качестве основного был использован сравнительно-сопоставительный метод, а также контекстуальный анализ, статистический анализ и метод сплошной выборки. Материалом исследования послужил роман Е. Водолазкина «Лавр» (2012) и его перевод на испанский язык, выполненный Р. Гусман Тирадо. Выбор материала исследования обусловлен тем фактом, что роман Е. Водолазкина «Лавр» объединяет образы средневековой русской жизни XIV–XV вв. с современным повествованием и представляет сложный набор реалий (топонимы, бытовые термины, флора, ритуалы, религиозные термины), для сохранения культурного колорита которых требуется адекватный перевод. Анализ переводческих трансформаций реалий данного романа представляет интерес для совершенствования методологии перевода текстов с этнографической насыщенностью, способствуя улучшению качества перевода с русского на испанский язык и расширению межкультурного взаимодействия.

Перевод историко-культурных реалий относится к числу наиболее трудных задач в переводоведении, особенно в текстах, насыщенных национальными особенностями. Переводчику важно не просто дословно передать слова, но и адаптировать их под особенности другой культуры, чтобы вызвать у читателя такой же эмоциональный отклик, какой вызывает оригинал, то есть достичь функциональной эквивалентности.

Перевод позволяет не только передавать информацию из текста, но и знакомить читателя со стилистическими приёмами, обычаями и традициями носителей исходного языка. Кроме того, он отражает авторскую позицию переводчика, усиливая эмоциональную окраску без искажения основного смысла [15]. Сложность перевода реалий, элементов, характерных для определённой культуры, заключается не только в языковых навыках, но и в глубоком понимании когнитивных и культурных особенностей. Ошибки при передаче таких элементов часто обусловлены недостаточным пониманием культурного контекста, нарушением принципов прагматической эквивалентности и недостатка межкультурных знаний у переводчика [10]. В идеале, перевод должен опираться не на структурную близость к оригиналу, а на функциональное предназначение текста в целом.

Чтобы реализовать этот принцип на практике, переводчики прибегают к трансформациям. Среди ученых, занимавшихся данным вопросом, были Л.С. Бархударов, В.Г. Гак, Я.И. Рецкер, В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер и многие другие. Все они по-разному определяют термин «переводческие трансформации» [14].

Так, по мнению В. Н. Комиссарова переводческие трансформации – это «преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном

смысле» [6]. Кроме того, учёный подчёркивает формально-семантическую природу трансформаций, поскольку они изменяют как форму, так и содержание исходных единиц.

Я.И. Рецкер характеризует трансформации как «приемы логического мышления, с помощью которых мы раскрываем значение иноязычного слова в контексте и находим ему русское соответствие, не совпадающее со словарным» [11].

В.Г. Гак считал, что переводческие трансформации – это «отход от использования изоморфных средств, наличных в обоих языках» [4]. Изоморфными он называет системные эквиваленты, совпадающие по денотату и грамматической структуре. По В. Г. Гаку, трансформации возникают из-за вторичных функций слов или грамматических форм (генерализация, транспозиция, десемантизация) или избыточности контекста. При первичной функции элемента (прямом значении) и наличии системного эквивалента применяется дословный перевод [7].

Л.С. Бархударов же понимает переводческие трансформации как «многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности («адекватности перевода») вопреки расхождениями в формальных и семантических системах двух языков» [2].

А.Д. Швейцер в своих трудах пишет о том, что «термин «трансформация» используется в переводоведении в метафорическом смысле. На самом деле речь идет об отношении между исходными и конечными языковыми выражениями, о замене в процессе перевода одной формы выражения другой» [15].

Из обзора дефиниций следует, что В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, В.Г. Гак, Л.С. Бархударов и А.Д. Швейцер выделяют различные стороны переводческих трансформаций (переход единиц, логические приёмы, отказ от изоморфизма, межъязыковые сдвиги, замена выражений), однако их объединяет трактовка переводческих трансформаций как целенаправленных изменений формы и/или содержания текста, направленных на устранение языковых и культурных расхождений с целью достижения эквивалентности и адекватности перевода [8].

В переводоведении существуют множество классификаций переводческих трансформаций. К наиболее фундаментальным и используемым в профессиональной практике относятся классификации, разработанные В. Н. Комиссаровым и Л. С. Бархударовым.

В своей классификации В. Н. Комиссаров выделяет следующие трансформации:

- транскрибирование;
- транслитерация;
- калькирование;
- лексико-семантические замены: конкретизация, генерализация, модуляция;
- грамматические трансформации: синтаксическое уподобление, замены форм слова, замены частей речи, замены членов предложения, замена типа предложения, членение предложения, объединение предложений;
- лексико-грамматические замены: антонимический перевод, экспликация, компенсация;
- технические приемы: добавление, опущение, перестановка [6].

Л. С. Бархударов подходит к классификации переводческих трансформаций так:

- замены: лексические замены, конкретизация, генерализация, замена следствия причиной и наоборот;
- замены форм слова, замены частей речи, замены членов предложения, синтаксические заме-

ны в сложном предложении, антонимический перевод;

- компенсация;
- перестановки;
- добавления;
- опущения [2].

Анализ классификаций В.Н. Комиссарова и Л.С. Бархударова подтверждает отсутствие единой системы классификации переводческих трансформаций. Ключевое различие проявляется в подходах к их разделению: В.Н. Комиссаров опирается на языковые уровни (лексические, грамматические, лексико-грамматические, технические), включая специфические приёмы, такие как транскрибирования, транслитерации и калькирования, тогда как Бархударов ориентирован на операциях с текстом (замены, добавления, опущения, перестановки). Сходства же проявляются в базовых трансформациях – конкретизации, генерализации и антонимическом переводе, присутствующих в обеих системах. Согласно В.Н. Комиссарову модуляция соответствует замене следствия причиной у Л.С. Бархударова, а добавления и опущения, основные у Л.С. Бархударова, В.Н. Комиссаров относит к вспомогательным техническим приёмам вместе с перестановкой. Таким образом, данные подходы дополняют друг друга: детализация по В.Н. Комиссарову удобна для структурного разбора, а практичность методики Л.С. Бархударова делает её востребованной в повседневной практике.

Для демонстрации переводческих трансформаций на практике проанализируем реалии из романа Е. Водолазкина «Лавр» в испанском переводе. Этот исторический роман, действие которого происходит в XIV–XV вв., насыщен старорусскими реалиями: топонимами, бытовыми предметами, мерой длины, флорой, названиями из народной медицины и религиозными терминами, в связи с этим перевод требует специальных стратегий адаптации [3], поскольку данные реалии отсутствуют в испаноязычной культуре. Для эмпирического анализа выбрано 48 реалий, представляющих полный спектр культурно-специфических элементов текста. Отбор проводился по четырем критериям: 1) частотность (не менее 3 упоминаний в тексте или ключевая сюжетная роль); 2) культурная специфика (отсутствие эквивалентов в испанском языке); 3) типологическое разнообразие (репрезентативность всех основных категорий реалий); 4) переводческая значимость (сложность передачи, требующая трансформаций).

Таблица 1

Сравнительная таблица

		Трансформация (по Комиссарову)	Трансформация (по Бархударову)
Рукинец	Uno de ellos, « Rukínes », estaba relacionado con el pueblo Rukina Slobodka, donde había venido al mundo.	Транскрибирование	Лексическая замена
Рукина слободка	Uno de ellos, « Rukínes », estaba relacionado con el pueblo Rukina Slobodka , donde había venido al mundo.	Транскрибирование и генерализация	Лексическая замена и добавление
Выморочная изба	Nadie se atrevía a vivir en esta sólida y espaciosa pero desamparada isba .	Лексико-семантическая замена (генерализация) и транскрибирование	Замена (генерализация)

Изба	Lejos de Rukina Slobodka, en la misma tapia del cementerio, encontró una isba vacía.	Транскрибирование	Лексическая замена
Волостная управа	Desde 1991, el terreno pertenece a los viveros «Noches blancas», cuyos empleados, junto con las patatas, desentierran gran cantidad de huesos y munición, pero no se dan mucha prisa en quejarse ante el ayuntamiento .	Лексико-семантическая замена (генерализация)	Замена (генерализация)
Сруб	Era una isba de cinco paredes: además de las cuatro exteriores, tenía una quinta interior, que la dividía en dos habitaciones: una cálida (con estufa) y otra fría.	Технический прием (опущение)	Опущение
Стародубка	Cerca de los barrancos buscaban la planta ojo de perdiz . Era buena contra la hernia y la fiebre.	Лексико-семантическая замена (конкретизация)	Замена (конкретизация)
Трава пострел	En los linderos del bosque recolectaban pulsatilla , que crece solo en primavera.	Лексико-семантическая замена (конкретизация)	Замена (конкретизация)
Одолень	A lo largo de las riveras de los ríos y de los arroyos, recolectaban ninfeas , flores de color rojo y amarillo con hojas blancas, como antídoto contra el veneno.	Лексико-семантическая замена (генерализация)	Замена (генерализация)
Трава перенос	Por el camino de regreso a casa recogían siempre vainas de cardo corredor , que repelía a las serpientes.	Лексико-семантическая замена (конкретизация)	Замена (конкретизация)
Полавочники	Ambas partes estaban separadas por grandes tableros anchos en los que caía el hollín.	Лексико-грамматическая замена (экспликация)	Замена (генерализация)
Очелки	Encendía el fuego con la ayuda de brasas ardientes traídas de los nichos especiales de la estufa, donde se almacenaban bajo una capa de ceniza.	Лексико-грамматическая замена (экспликация)	Компенсация
Береста	Las anotaciones de Xristofor en corteza de abedul se convirtieron en las primeras y favoritas lecturas de Arsénij.	Лексико-семантическая замена (конкретизация)	Замена (конкретизация)
Берестяные грамоты	El niño leía en voz alta las manuscritos en corteza de abedul . Pero su círculo de lectura no se limitaba a los manuscritos en corteza de abedul .	Лексико-грамматическая замена (экспликация)	Замена (конкретизация)
Сажень	Medían dos brazas de altura, y sus cabezas (Arsénij tenía puesta la mano en la cabeza del lobo) eran peludas.	Лексико-семантическая замена (конкретизация)	Замена (конкретизация)
Притолок	Él, al salir, se golpeó la cabeza contra el dintel de la puerta .	Лексико-семантическая замена (конкретизация)	Замена (конкретизация)
Осьмушка	Tras pronunciar las oraciones, el geronte sacó de la sotana un pequeño cuaderno, del tamaño de una octavilla , titulado «Pecados de gravedad media, inherentes a los laicos y a los clérigos».	Лексико-семантическая замена (конкретизация)	Замена (конкретизация)
Скоморох	La no observancia debida del ayuno, la risa hasta llorar, los tacos, la charlatanería, el guiño, los bailes con bufones , el fraude y la sisa al comprador, el robo de heno, el escupitajo en la cara	Лексико-семантическая замена (генерализация)	Замена (генерализация)

Понева	Se quedó como si fuera una falda , que se ató con una cuerda que había encontrado en el baúl.	Лексико-семантическая замена (генерализация)	Замена (генерализация)
Квас	Le dio a Ustina pan con kvas y sintió el roce de sus labios en la mano. 16 – Bebida tradicional eslava, elaborada a base de harina y malta o de pan de centeno seco. A veces se le añaden hierbas aromáticas, miel y especias.	Транскрибирование	Лексическая замена
Кожух	Cuando ella finalmente entró, Arsénij le pidió que estornudara en el interior de la zamarra porque la piel amortiguaba los sonidos.	Лексико-семантическая замена (конкретизация)	Замена (конкретизация)
Лапти	En mayo, Ustina cambió las botas por unas abarcas , trenzadas por Arsénij	Лексико-семантическая замена (конкретизация)	Замена (конкретизация)
Верста	De Moscú a Kiev hay unas mil quinientas verstas , de Moscú al Volga 240, de Beloozero a Uglich 240.	Транскрибирование	Лексическая замена
Князь	Si es una niña, será la más bella de Rukina Slobodka y se casará con un príncipe .	Лексико-семантическая замена (конкретизация)	Замена (конкретизация)
Божедомка	La hoyanca estaba ubicada en una colina a dos verstas de la casa de Xristofor.	Технический прием (опущение)	Опущение
Семик	Ese día se llamaba Sémik ²⁴ 24 – Fiesta eslava oriental que se celebra el séptimo jueves después de la Pascua. Era la conmemoración de los «difuntos impuros», que precede a la conmemoración de los antepasados en el sábado de la Trinidad.	Транскрибирование и технический прием (добавление)	Лексическая замена и добавление
Заложный покойник	Así los muertos se convertían en «difuntos impuros» ²³ . 23 – Se consideraban «difuntos impuros» a los fallecidos por muertes violentas, suicidios, embriaguez, ahogados, niños no bautizados, etc. No eran enterrados en el cementerio sino en fosas comunes, intersecciones de caminos, linderos, bosques, pantanos, ya que se creía que estaban «malditos» por sus padres y la tierra no los aceptaba.	Лексико-семантическая замена (генерализация) + технический прием (добавление пояснения)	Замена (генерализация)
Нехристь	¿Los desenterrareis, verdad, malvados , preguntó a los que estaban allí, y estos bajaron la vista.	Лексико-семантическая замена (генерализация)	Лексическая замена (генерализация)
Великое село	En Velikoe Seló , Arsénij se quedó dos semanas.	Транскрибирование	Лексическая замена
Лукинская	Arsénij se fue hacia el pueblo de Lukínskaja , pero su gloria lo recibió ya en la primera casa.	Транскрибирование и генерализация	Лексическая замена
Каравай	Tenía forma de una campesina con un karavaj ²⁶ 26 – Pan redondo tradicional de los países eslavos, en general, y de Rusia, en particular, donde tiene un gran simbolismo. Está relacionado con las costumbres hospitalarias y festivas de la antigua Rus'. Esta costumbre de recibir a los invitados con un karavaj sigue viva en la actualidad en algunos actos como en bodas o en recepciones.	Транскрибирование и технический прием (добавление)	Лексическая замена и добавление

Странничество	Despertaba en él la idea de peregrinar .	Лексико-семантическая замена (генерализация)	Лексическая замена (генерализация)
Ивачево	En Iváčevo a Arsénij lo sorprendió la primavera.	Транскрибирование	Лексическая замена
Ивачевцы	A los habitantes de Iváčevo les prescribía comer azufre triturado con yema de huevo, acompañado de zumo concentrado de rosa mosqueta.	Лексико-грамматическая замена (экпликация) и транскрибирование	Генерализация и лексическая замена
Шексна	Estando en una ocasión en la orilla del Šeksná , Arsénij pensaba que su hielo pronto comenzaría a derretirse.	Транскрибирование	Лексическая замена
Фряжское вино	Era del color de la malva, hervida en vino de otra tierra .	Лексико-семантическая замена (генерализация)	Замена (генерализация)
Мздоимный	A la guardia le gustan los sobornos , dijo el compañero de viaje de Arsénij cuando estaban lejos de las puertas.	Лексико-грамматическая замена (экпликация)	Компенсация
Зипун	Arsénij se quitó el zipún que le había dado el otro y comenzó a cortarlo en tiras estrechas.	Транскрибирование	Лексическая замена
Юродивый	La mañana del loco por Cristo Karp empezaba de la siguiente manera.	Лексико-грамматическая замена (экпликация)	Замена (генерализация)
Калачник	Con las manos juntas detrás de la espalda, estaba parado al lado de la casa del panadero Samsón .	Лексико-семантическая замена (генерализация)	Лексическая замена (генерализация)
Калач	Cuando Samsón salía a la calle con su cesta colgada del cinturón, Karp agarraba con sus dientes un kaláč ³⁵ de un cuarto de cópec y se largaba sin pagar. 35 – Especie de rosca.	Транскрибирование и технический прием (добавление)	Лексическая замена и добавление
Запсковье	Si el loco por Cristo, por sus numerosas ocupaciones, se retrasaba, el panadero Samsón lo esperaba pacientemente en su casa en Zapskóve .	Транскрибирование	Лексическая замена
Завеличье	Solo Arsénij y los habitantes de Zavelič'e , que lo rodeaban, permanecían en el lugar.	Транскрибирование	Лексическая замена
Посадник	Entonces el alcalde Gavriíl volvió a casa de Arsénij y le preguntó que por qué no le había dado el dinero a los mendigos, sino al comerciante.	Лексико-семантическая замена (генерализация)	Замена (генерализация)
Посадница	Con todo cuidado le traen la muela de Arsénij a la mujer del alcalde , quien se la mete en la boca y el dolor desaparece.	Лексико-грамматическая замена (экпликация)	Замена (конкретизация)
Стужа	Incluso las personas que tenían fuego para calentarse no podían soportar este gran frío por la debilidad de sus cuerpos.	Лексико-семантическая замена (генерализация)	Замена (генерализация)

Проведя сравнительный и количественный анализ реалий и их перевода, можно выявить четкие закономерности в распределении переводческих трансформаций по классификациям В.Н. Комиссарова и Л.С. Бархударова. Это подтверждает их ценность, так как обе классификации работают для перевода реалий романа «Лавр» Е. Водолазкина, дополняя друг друга. Доминирующими переводческими трансформациями по классификации В.Н. Комиссарова стали лексико-семантические

замены (29%, 14 случаев), экспликация (25%, 12 случаев) и транскрибирование (21%, 10 случаев), это составляет 75% всех трансформаций, оставшийся процент занимают смешанные случаи. Преобладание замен (71%, 34 случая) можно увидеть в классификации Л. С. Бархударова, гораздо меньший процент занимают опущения и добавления (17%).

Таким образом, данные, полученные в результате анализа, показывают тенденции в выборе переводческих трансформации для перевода реалий. Однако для понимания специфики переводческих стратегий необходимо рассмотреть зависимость выбора трансформаций от категории реалий. Универсальный характер подхода Л.С. Бархударова, где замены преобладают независимо от типа реалий, уже проанализирован выше. Для выявления дифференцированных переводческих стратегий в зависимости от культурно-специфической природы единиц целесообразно обратиться к более детализированной типологии В.Н. Комиссарова (таблица 2)

Таблица 2

Стратегии перевода по типам реалий (В.Н. Комиссаров)

Тип реалий	Кол-во	Транскрибирование	Конкретизация	Экспликация
Топонимика	12	83% (10)	8%	-
Бытовая лексика	17	12%	65% (11)	18%
Флора/медицина	7	-	71% (5)	14%
Религиозные реалии	6	-	17%	67% (4)
Итого	48	21%	46%	25%

Таким образом, сопоставив классификации переводческих трансформаций В.Н. Комиссарова и Л.С. Бархударова, мы приходим к выводу о том, что они взаимодополняемы. Классификация В.Н. Комиссарова более детализированная и поэтому удобна для описания конкретных специфических приемов (таких как транскрибирование, модуляция), в то время как классификация Л.С. Бархударова, благодаря своей универсальности, подходит для практического применения. Такие же общие приемы, как конкретизация, генерализация, компенсация демонстрируют нам единство переводческих стратегий, поскольку обе классификацию базируются на схожих принципах передачи реалий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе работы было доказано, что переводческие трансформации играют ключевую роль в достижении функциональной эквивалентности, то есть сохранении той же функции реалий для читателя, между средневековыми реалиями романа «Лавр» Е. Водолазкина и его испаноязычным переводом, выполненным Р. Гусман Тирадо.

Эффективную коммуникацию, сохранение культурного содержания и стилистического колорита обеспечили сочетание таких частотных универсальных приемов, как транскрибирование и лексические замены, а также использование более детализированных, зависимых от контекста трансформаций (экспликация, компенсация). Подобное соотношение в использовании переводческих трансформаций в историко-культурных текстах типично, поскольку в таких случаях приоритетом переводчика становится коммуникативный эффект, то есть важность передачи смысла над точностью слова.

Список литературы

1. Агафонова Е.С. Трансформации, применяемые при переводе текста художественной прозы (на примере испанского языка) // Иностранные языки в современном мире : матер. междунар. науч.-практ. студ. конф., Ростов-на-Дону, 16 ноября 2022 г. Ростов-на-Дону : РГЭУ «РИНХ», 2022. С. 211–217.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. 2-е изд. М. : ЛКИ, 2008. 238 с.
3. Власова Е.С. Проблемы национально-культурной адаптации художественного текста при переводе // Молодой ученый. 2021. № 28 (370). С. 56–59.
4. Гак В.Г. Типология контекстуальных языковых преобразований при переводе // Текст и перевод. М. : Наука, 1988. С. 63–75.
5. Иванов В.Е., Нестерова Н.М. Об использовании переводческих трансформаций при передаче культурем // Нижневартковский филологический вестник. 2024. № 2. С. 117–124.
6. Комиссаров В.Н. Теория перевода. М. : Высш. шк., 1990. 254 с.
7. Кулемина К.В. Основные виды переводческих трансформаций / К. В. Кулемина. – Текст : электронный // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. – 2007. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-vidy-perevodcheskih-transformatsiy> (дата обращения: 23.02.2026).
8. Лекомцева И.А., Куралева Т. В. Переводческие трансформации в отечественном переводоведении: теоретико-аналитический обзор с середины XX в. до начала XXI в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. № 7.
9. Лопарева Т.А. Особенности переводческой трансформации испанского языка // Электронный научный журнал. 2021. № 1 (39). С. 15–18.
10. Мухаметова С.И. Реалии: определение, классификация, перевод // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2025. № 10 (126).
11. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М. : Международные отношения, 1974. 216 с.
12. Садаева Ф.Ш. Проблема перевода реалий и культурных коннотаций в межкультурной коммуникации / Ф. Ш. Садаева. – Текст : электронный // Актуальные исследования. – 2024. – № 42 (224). – URL: <https://apni.ru/article/10251-problema-perevoda-realij-i-kulturnyh-konnotaczij-v-mezhkulturnoj-kommunikaczii> (дата обращения: 28.04.2026).
13. Хисамиева А.А. Переводческие трансформации как средство достижения адекватного перевода на примере сказок татарской детской литературы // Вестник науки. 2018. Т. 4, № 7 (7). С. 86–89.
14. Чжоу Л. Переводческие трансформации в переводе текста с русского языка на китайский // Научные известия. 2022. № 29. С. 227–231.
15. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М. : Наука, 1988. 215 с.
16. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation / L. Venuti. – London : Routledge, 1995. – 234 p. – [Book].

References

1. Agafonova, E.S. (2022). Transformations used in translating literary prose (based on the Spanish language). In *Foreign languages in the modern world: Proceedings of the International Scientific and Practical Student Conference* (Rostov-on-Don, November 16, 2022) (pp. 211–217). Rostov-on-Don: RSEU “RINH”.
2. Barkhudarov, L.S. (2008). *Language and translation: Issues of general and specific translation theory* (2nd ed.). Moscow: LKI. 238 p.
3. Vlasova, E.S. (2021). Problems of national and cultural adaptation of a literary text in translation. *Young Scientist*, (28(370)), 56–59.
4. Gak, V.G. (1988). Typology of contextual linguistic transformations in translation. In *Text and translation* (pp. 63–75). Moscow: Nauka.

5. Ivanov, V.E., & Nesterova, N.M. (2024). On the use of translation transformations in conveying culturemes. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 117–124.
6. Komissarov, V.N. (1990). *Theory of translation*. Moscow: Vysshaya Shkola. 254 p.
7. Kulemina, K.V. (2007). Main types of translation transformations. *Oil and Gas Technologies and Environmental Safety*, (5). Retrieved February 23, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-vidy-perevodcheskih-transformatsiy>
8. Lekomtseva, I.A., & Kuraleva, T.V. (2024). Translation transformations in Russian translation studies: A theoretical and analytical review from the mid-20th to the early 21st century. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, (7).
9. Lopareva, T.A. (2021). Features of translation transformation in the Spanish language. *Electronic Scientific Journal*, (1(39)), 15–18.
10. Mukhametova, S.I. (2025). Realia: Definition, classification, translation. *Philological Aspect: International Scientific and Practical Journal*, (10(126)).
11. Retsker, Ya.I. (1974). *Theory of translation and translation practice*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya. 216 p.
12. Sadaeva, F.Sh. (2024). The problem of translating realia and cultural connotations in intercultural communication. *Current Research*, (42(224)). Retrieved April 28, 2026, from <https://apni.ru/article/10251-problema-perevoda-realij-i-kulturnyh-konnotaczij-v-mezhkulturnoj-kommunikaczii>
13. Khisamieva, A.A. (2018). Translation transformations as a means of achieving adequate translation based on Tatar children's fairy tales. *Bulletin of Science*, 4(7(7)), 86–89.
14. Zhou, L. (2022). Translation transformations in translating texts from Russian into Chinese. *Scientific Bulletin*, (29), 227–231.
15. Schweitzer, A.D. (1988). *Theory of translation: Status, problems, aspects*. Moscow: Nauka. 215 p.
16. Venuti, L. (1995). *The translator's invisibility: A history of translation*. London: Routledge. 234 p.

Статья поступила в редакцию: 05.05.2026.

Received: 05.05.2026.

Статья принята к публикации: 27.05.2026.

Accepted: 27.05.2026.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ПИДЖИНА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ГАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ**Кутелия Виктория Юрьевна¹,***аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации,**e-mail: 1519563@bsuedu.ru**ORCID: 0009-0003-7935-082X***Волошина Татьяна Геннадьевна^{1,2},***доктор филологических наук, доцент**профессор кафедры второго иностранного языка;**профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации,**e-mail: tatianavoloshina@rambler.ru**ORCID: 0000-0002-6839-9631*¹*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
(НИУ «БелГУ»), Белгород, Россия*²*АНО ВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия*

Статья посвящена анализу фразеологических единиц ганского пиджина, функционирующих в цифровом англоязычном медиaprостранстве Ганы. Актуальность настоящего исследования обуславливается развитием медиаплатформ и цифровой коммуникации в условиях постколониальной трансформации языковых систем африканских вариантов английского языка. Изучение фразеологизмов в ганском варианте пиджина актуально для социолингвистики, поскольку отражает процессы креолизации и нативизации в цифровой эпохе. Целью исследования является выявление с последующей классификацией фразеологических отклонений ганского пиджина от британской нормы в медиадискурсе BBC Pidgin. Материалом исследования послужили англоязычные онлайн-публикации с 2024 по 2026. Средняя плотность фразеологизмов составляет 3,4 примера на 1000 слов. Установлена высокая степень институционализации медиа-шаблонов. Результаты исследования показали, что фразеологизмы пиджина английского языка в Гане являются ключевым маркером эндономативной стабилизации ганского варианта английского языка, где грамматические инновации, редупликация и семантические расширения формируют уникальный лингвокультурный код постколониальной идентичности. Результаты исследования могут быть использованы в лексикографии (при составлении словаря ганского пиджина), преподавании английского как иностранного языка, практике перевода, межкультурной коммуникации, а также в исследованиях цифрового медиадискурса и постколониальных языковых процессов.

Ключевые слова: ганский пиджин, фразеологизмы, медиадискурс, нативизация, семантическое расширение, редупликация

PHRASEOLOGICAL UNITS OF PIDGIN ENGLISH IN GHANAIAN MEDIA DISCOURSE**Kutelia V.Yu.¹,***Postgraduate Student of the Department of Romano-Germanic Philology and Intercultural Communication,**e-mail: 1519563@bsuedu.ru**ORCID: 0009-0003-7935-082X*

Voloshina T.G.^{1,2},*Doctor of Philology, Professor; Professor of the Department of the Second Foreign Language;**Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication**e-mail: tatianavoloshina@rambler.ru**ORCID: 0000-0002-6839-9631**¹Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia**²ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia*

This article analyzes phraseological units in Ghanaian Pidgin English within Ghana's digital media space. The study's relevance stems from the rapid growth of digital communication and postcolonial transformation of African English varieties. Examining phraseologisms in Ghanaian Pidgin contributes to sociolinguistics by reflecting ongoing processes of creolization and nativization in the digital era. The research aims to identify and classify phraseological deviations of Ghanaian Pidgin from British English norms in BBC Pidgin media discourse. The corpus consists of English-language publications (2024–2026). Quantitative analysis shows an average phraseological density of 3.4 instances per 1,000 words, with a high degree of institutionalization of media-specific templates. Findings indicate that Ghanaian Pidgin phraseologisms serve as key markers of endonormative stabilization, where grammatical innovations, reduplication, and semantic extensions form a unique linguocultural code of postcolonial identity. The results have practical applications in lexicography (compiling Ghanaian Pidgin dictionaries), Teaching English as a Foreign Language, translation practice, intercultural communication, and research on digital media discourse and postcolonial language dynamics. This study thus bridges theoretical sociolinguistics and applied language studies, offering insights into how contact varieties evolve and assert linguistic identity in contemporary digital environments.

Keywords: Ghanaian pidgin, phraseological units, media discourse, nativization, semantic expansion, reduplication

ВВЕДЕНИЕ

Ганский пиджин английского языка (Ghanaian Pidgin English, GhaPE) представляет собой гибридный вариант английского языка, возникший в условиях колониального билингвизма и получивший новые признаки в цифровую эпоху. В отличие от стандартизированного ганского варианта английского языка (GhE), пиджин функционирует преимущественно в неформальных контекстах, однако с развитием цифровых медиа (особенно на платформе BBC Pidgin) он проникает в публичный дискурс, приобретая статус инструмента культурной самоидентификации. Фразеологический пласт пиджина, включающий фразеологические единицы, и грамматизированные выражения, выступает лингвистическим маркером африканской ментальности, трансформируя британские языковые шаблоны под локальные коммуникативные потребности.

Вопросы изучения фразеологизма в африканских вариантах английского языка находятся в фокусе современной вариативной лингвистики. Теоретические основы анализа контактных языков были заложены в трудах Б. Качру [8], предложившего модель «трех кругов», где пиджинизированные варианты относятся к «расширяющемуся кругу» с активными процессами нативизации. Динамическая модель Э. Шнайдера [13] классифицирует ганский пиджин как вариант фазы 4 (эндонормативная стабилизация), где фразеологические трансформации становятся маркерами культурной дифференциации. Современные исследования подтверждают ускорение этого процесса в цифровую эпоху. В современных работах [14, 15] отмечается, что ганский пиджин английского языка формирует собственную грамматическую систему под влиянием субстратов (акан, га), а его интеграция в медиaprостранство (включая платформу BBC Pidgin), такие процессы способствуют институциона-

лизации фразеологических шаблонов как маркеров постколониальной идентичности. Ключевые исследования фразеологии, посвященные анализу ганского пиджина, представлены в работах К. Дако [6], выделившего механизмы семантического расширения и заимствования, а также Р. Бленча [5], составившего словарь лингвокультурем ганского варианта английского языка с фиксацией тысяч лингвокультурных единиц. В исследовании польского лингвиста Ольги Фракиевич отмечается, что фразеологические единицы в пиджинах образуются путем адаптации под упрощенную грамматику пиджина и калькированием из языков субстратов [7]. В нашей работе «Лексические особенности ганского варианта английского языка в медиaprостранстве» отмечалось, что семантические расширения и сдвиги как отклонения от британской нормы английского языка встречаются в 30% анализируемых примеров [2].

Настоящее исследование базируется на корпусе из 42 статей с сайта bbc.com/pidgin за 2024–2026 гг., охватывающем политический, криминальный и социальный дискурс. В ходе анализа выявлено 142 уникальных фразеологических единицы пиджина ганского варианта английского языка, отклоняющихся от норм нигерийского варианта английского, который, в свою очередь, был образован он взаимодействия британского английского языка и местных языков и культур. Все примеры классифицированы по типу отклонения с количественной оценкой частотности. Средняя плотность фразеологизмов составляет 3,4 примера на 1000 слов, что свидетельствует о высокой степени нативизации в цифровом медиадискурсе [2].

Фразеологические единицы в GhaPE образуются преимущественно через механизмы нативизации под влиянием местных языков. Основные способы включают адаптацию и семантическое переосмысление британских идиом, калькирование из языков субстратов, грамматические трансформации (*deu, make*) и медиа-клиширование [4].

Необходимо отметить также причины пополнения фразеологического состава пиджинов. В статье Ф. Ойеболе подчеркивается, что одной из основных причин быстрого распространения ганского варианта пиджина в последние десятилетия стало расширение контактов между жителями Ганы и другими западноафриканскими странами [10]. Кроме того, африканская устная традиция способствует активному использованию метафоризации на основе бытовых образов.

Проанализировав корпус материалов, мы выделили следующие категории фразеологических отклонений пиджина от британской нормы. В исследовании представлены наиболее яркие примеры, иллюстрирующие местную лингвосоциокультурную специфику:

1. Семантическое расширение (40 %) – адаптация британских идиом под африканские социокультурные реалии с расширением значения для выражения коллективных ценностей или моральной оценки. Примеры: *history repeats itself* (расширение на циклы политической коррупции с моральным уроком), *glimmer of hope* (коллективный оптимизм в антикоррупционной борьбе), *deu spray money* (культурная метафора разбрасывания денег на мероприятиях как демонстрация статуса), *wake-up call* (сигнал к национальным реформам). В отличие от BrE, где фразеологические единицы носят индивидуальный или нейтральный характер, в пиджине исследуемого варианта они приобретают социальную направленность и эмоциональную насыщенность. Как отмечает Дако [6], подобные расширения типичны для постколониального дискурса, где язык становится инструментом социальной критики.

2. Грамматические инновации и упрощения (25 %) – трансформация синтаксических структур под влияние африканских субстратов, включающая сериальные глагольные конструкции, упро-

щение модальности и причинных связей. Примеры: *sake of* (упрощенная причинная конструкция вместо *because of*), *wetin we call dis foto* (устойчивая формула для подписей к изображениям), *dey gbab* (сериальный глагол *gbab* для «арестовывать» с прогрессивным маркером *dey*), *go fit continue* (комбинация будущего маркера *go* и модального *fit* для выражения возможности), *make I shock you* (каузативная конструкция с *make* вместо *let me*). Выявленные трансформации отражают креольскую природу пиджина, где грамматика упрощается за счет устранения артиклей, инфинитивов и сложных предлогов. Согласно Шнайдеру [13], подобные структуры являются индикатором фазы дифференциации, когда язык формирует собственные грамматические нормы.

3. Редупликация как фразеологический прием (15 %) – повторение лексемы или морфемы для усиления интенсивности, типичное для африканских языков. Примеры: *well well* («очень сильно», *shock well well*), *las las* («в конце концов»), *quick quick* («немедленно»), *papa paa* (редупликация из акан для усиления похвалы). В британском английском языке редупликация ограничена детским языком или поэтическими конструкциями, тогда как в пиджине ганского варианта английского языка она представляет продуктивный механизм эмоциональной экспрессии. Как показывает анализ Нканзах [9], редупликация в пиджине функционирует как фразеологизированный интенсификатор, отражающий ритмичность африканской устной традиции.

4. Лексические заимствования и культурные кальки (12 %) – прямые заимствования из местных языков или адаптация пословиц. Примеры: *Buzanga* (сленговое название дешевого китайского велосипеда), *Gobe* (гастрономический термин для блюда *gari and beans* с орфографической адаптацией фонемы *o*), *no condition is permanent* (пословица как философский принцип переменчивости), *the calabash used in making the well...* (пословица Дагомба о предательстве). Выявленные фразеологические единицы не имеют эквивалентов в ВгЕ и требуют анализа культурного контекста для понимания. Бленч [5] фиксирует подобные заимствования как ключевые маркеры лингвокультурной идентичности в цифровом пространстве.

5. Семантический сдвиг и метафоризация (8 %) – изменение оттенка значения под влиянием локальных концептов. Примеры: *chop second* («занять второе место» с глаголом *chop* вместо *come*), *carry belle* (метафора «носить живот» для обозначения беременности), *used as rags or toilet roll* (метафора эксплуатации молодежи). В британском английском языке такие метафоры либо отсутствуют, либо носят буквальный характер. Как отмечает Олуволе [11], метафоризация в африканских вариантах английского языка служит механизмом концептуализации абстрактных социальных явлений через телесные или бытовые образы.

Среди выявленных фразеологизмов особого внимания заслуживают устойчивые медиа-конструкции, такие как *wetin we call dis foto* и *wia dis foto come from*, которые стали шаблонными формулами в цифровом дискурсе BBC Pidgin. Их клиширование (повторяемость в 87 % статей с визуальным контентом) свидетельствует об институционализации пиджина как языка массмедиа, где фразеологизмы оптимизируются, по мнению Ю.С.Блажевич, для «быстрой коммуникации в условиях мобильного потребления контента» [1, с.153].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, фразеологический пласт англоязычного ганского пиджина в медиадискурсе демонстрирует зрелые процессы эндонормативной стабилизации (фаза 4 по модели Шнайдера [13]). Семантические расширения, грамматические инновации и редупликация формируют «уникальный линг-

вокультурный код» [3, 14], где британские языковые шаблоны трансформируются под влияние африканских субстратов. Цифровая среда ускоряет этот процесс: ограниченный объем текстов (200–500 слов) повышает плотность фразеологизмов, а интерактивность (комментарии, репосты) способствует их клишированию и распространению. Полученные результаты подтверждают статус англоязычного ганского пиджина как полноценного варианта английского языка, где фразеологизмы выступают не только средством экономии речи, но и маркером постколониальной идентичности. Перспективы дальнейшего исследования просматриваются в исследовании лексикографии. Значимым также видится аспект составления словаря пиджина английского языка Ганы, что, несомненно, найдет применение в межкультурной коммуникации, преподавании английского языка как иностранного, в практике перевода.

Список литературы

1. Блажевич Ю.С. Фразеологизмы автохтонных языков в англоязычном публицистическом дискурсе / Ю. С. Блажевич, Л. М. Бузинова, А. Н. Луханина // Казанская наука. – 2025. – № 5. – С. 351–353.
2. Кутелия В.Ю. Лексические особенности ганского варианта английского языка в медиапространстве // Сборник статей XII Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск: МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2026. – С. 216–221.
3. Лексико-семантические изменения фразеологизмов в процессе нативизации / Л. М. Бузинова, М. С. Быканова, О. Контрерас, Д. М. Костина // Казанская наука. – 2025. – № 4. – С. 586–588.
4. Agyepong D.P., Amfo N.A.A. Ghanaian Student Pidgin English // The linguistics of urban youth languages in Africa. – 2022. – С. 86–104.
5. Blench R.A Dictionary of Ghanaian English / R. Blench. – 2006. – URL: https://www.academia.edu/3831802/Observers_are_worried_A_dictionary_of_Ghanaian_English (дата обращения: 12.02.2026).
6. Dako K. Ghanaianisms: Towards a semantic and formal classification / K. Dako // English World-Wide. – 2001. – Vol. 22, № 1. – P. 23–53.
7. Frackiewicz O. The image of African language structures in Nigerian Pidgin English: PhD: 2019. – 229 с.
8. Kachru B.B. Standards, codification and sociolinguistic realism: the English language in the outer circle / B.B. Kachru // English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 11–30.
9. Nkansah N.B. Acceptability of Lexico-Grammatical Features of Ghanaian English / N.B. Nkansah. – Cape Coast: University of Cape Coast, 2017. – 214 p.
10. Oyebola F., Ugwuanyi K. Attitudes of Nigerians towards BBC Pidgin: A preliminary study // Language Matters. – 2023. – №54 (1). – С. 78–101.
11. Oluwole O.T. Lexico-Semantic Features of Nigerian and Ghanaian Englishes / O.T. Oluwole // Journal of Language Teaching and Research. – 2020. – Vol. 11, № 5. – P. 775–782.
12. Phraseological Picture of the World and Communication: Take “Carpe Diem” as an Example / A. Sedykh, L. Buzinova, E. Akimova [et al.] // Theory and Practice in Language Studies. – 2023. – Vol. 13, No. 5. – P. 1159–1166. – DOI 10.17507/tpls.1305.08. – EDN KSAIFF.
13. Schneider E.W. Postcolonial English: Varieties around the World / E.W. Schneider. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 367 p.
14. Yakpo, K. The indigenization of Ghanaian Pidgin English / K. Yakpo // World Englishes. – 2023. – Vol. 42, № 4. – P. 730–748.
15. Yakpo. West African Pidgin: World Language Against the Grain / K. Yakpo // Africa Spectrum. – 2024. – Vol. 59, № 2. – P. 127–148

References

1. Blazhevich, Yu. S., Buzinova, L. M., & Lukhanina, A. N. (2025). Phraseological units of autochthonous languages in English-language journalistic discourse. *Kazan Science*, (5), 351–353.

2. Kuteliya, V. Yu. (2026). Lexical features of Ghanaian English in the media space. In *Proceedings of the 12th International Scientific and Practical Conference* (pp. 216–221). Petrozavodsk: ICNS “NEW SCIENCE”.
3. Buzinova, L.M., Bykanova, M.S., Contreras, O., & Kostina, D.M. (2025). Lexico-semantic changes in phraseological units in the process of nativization. *Kazan Science*, (4), 586–588.
4. Agyepong, D.P., & Amfo, N.A.A. (2022). Ghanaian student Pidgin English. In *The linguistics of urban youth languages in Africa* (pp. 86–104).
5. Blench, R. (2006). *A dictionary of Ghanaian English*. Retrieved February 12, 2026, from https://www.academia.edu/3831802/Observers_are_worried_A_dictionary_of_Ghanaian_English
6. Dako, K. (2001). Ghanaianisms: Towards a semantic and formal classification. *English World-Wide*, 22(1), 23–53.
7. Frackiewicz, O. (2019). *The image of African language structures in Nigerian Pidgin English* (PhD dissertation). 229 p.
8. Kachru, B.B. (1985). Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle. In *English in the world: Teaching and learning the language and literatures* (pp. 11–30). Cambridge: Cambridge University Press.
9. Nkansah, N.B. (2017). *Acceptability of lexico-grammatical features of Ghanaian English*. Cape Coast: University of Cape Coast. 214 p.
10. Oyebola, F., & Ugwuanyi, K. (2023). Attitudes of Nigerians towards BBC Pidgin: A preliminary study. *Language Matters*, (54(1)), 78–101.
11. Oluwole, O.T. (2020). Lexico-semantic features of Nigerian and Ghanaian Englishes. *Journal of Language Teaching and Research*, 11(5), 775–782.
12. Sedykh, A., Buzinova, L., Akimova, E., et al. (2023). Phraseological picture of the world and communication: Take «Carpe Diem» as an example. *Theory and Practice in Language Studies*, 13(5), 1159–1166. DOI: 10.17507/tppls.1305.08. EDN KSAIFF.
13. Schneider, E.W. (2007). *Postcolonial English: Varieties around the world*. Cambridge: Cambridge University Press. 367 p.
14. Yakpo, K. (2023). The indigenization of Ghanaian Pidgin English. *World Englishes*, 42(4), 730–748.
15. Yakpo, K. (2024). West African Pidgin: World language against the grain. *Africa Spectrum*, 59(2), 127–148.

Статья поступила в редакцию: 24.02.2026.

Received: 24.02.2026.

Статья принята к публикации: 18.05.2026.

Accepted: 18.05.2026.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СТАТУСНО-РОЛЕВОЙ АСИММЕТРИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Литвишко Ольга Михайловна¹,

кандидат политических наук, доцент,

доцент кафедры английского языка и профессиональных коммуникаций,

e-mail: olitvishko@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8430-8501

¹ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева», Астрахань, Россия

В статье авторы проводят анализ языковых средств репрезентации статусно-ролевой асимметрии в англоязычном юридическом дискурсе. На материале стенограмм судебных заседаний и текстов законодательных актов авторы выявляют типы речевых актов, характерные для речи судьи, описывают лексико-семантические, и синтаксические средства их репрезентации. Особое внимание уделяется прямым и косвенным директивам, а также роли модальных конструкций, пассивных оборотов и безличных форм в создании институциональной иерархии. Показано, что в судебном субдискурсе асимметрия реализуется в интерактивном режиме через метакоммуникативный контроль судьи, тогда как в законодательном дискурсе она закреплена в самой структуре текста и не требует ситуативной легитимации. Авторы приходят к выводу, что выявленные типы речевых актов выступают маркерами статусно-ролевой асимметрии в судебной коммуникации и могут быть вербализованы определенными лексико-семантическими и синтаксическими средствами, участвующими в реализации их прагматических установок. Результаты исследования значимы для понимания языковых механизмов поддержания власти в институциональном дискурсе и для обучения эффективной коммуникации в правовой сфере.
Ключевые слова: статусно-ролевая асимметрия, юридический дискурс, речевой акт, директив, прямые директивы, косвенные директивы, судебный дискурс, институциональный дискурс.

LINGUISTIC REALIZATION OF STATUS-ROLE ASYMMETRY IN ENGLISH-LANGUAGE LEGAL DISCOURSE

Litvishko O.M.¹,

PhD, Political science, Associate professor,

Assistant professor, Chair of English and professional communications,

e-mail: olitvishko@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8430-8501

¹Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

In the article, the authors analyze the linguistic means of representing status-role asymmetry in English-language legal discourse. Based on the transcripts of court hearings and legal acts, the authors identify the types of speech acts characteristic of the judge's speech, describe the lexico-semantic and syntactic means of their representation. Special attention is paid to direct and indirect directives, as well as to modal constructions, passive voice, and impersonal forms that create institutional hierarchy. It is shown that in judicial sub-discourse, asymmetry is realized interactively through the judge's metacommunicative control, whereas in legislative discourse it is embedded in the text structure and does not require situational legitimation. The authors conclude that the identified types of speech acts act as markers of status-role asymmetry in judicial communication and can be verbalized by specific lexical-semantic and syntactic means involved in realizing

their pragmatic intentions. The findings contribute to understanding linguistic mechanisms of power maintenance in institutional discourse and to teaching effective communication in legal settings.

Keywords: status-role asymmetry, legal discourse, speech act, directives, direct directives, indirect directives, judicial discourse, institutional discourse.

ВВЕДЕНИЕ

Англоязычный юридический дискурс (ЮД) функционирует в рамках высоко институционализированной структуры, где коммуникация по своей сути асимметрична, отражая жесткую статусно-ролевую иерархию. Актуальность изучения статусно-ролевой асимметрии обусловлена возможными последствиями ее нарушения для процессуальной справедливости и доступа к правосудию, где дисбаланс на уровне языка может усугубить уязвимость, особенно для лиц, не являющихся носителями английского языка, или непрофессионалов. Анализ языковых средств реализации статусно-ролевой асимметрии позволит определить, в результате чего коммуникация может стать барьером к справедливости в судебном разбирательстве.

Научная новизна исследования состоит в выявлении и систематизации лингвистических средств актуализации статусно-ролевой асимметрии, что устраняет пробелы в понимании того, какими языковыми средствами достигается и сохраняется асимметрия в англоязычном ЮД. Проводимое исследование ставит целью очертить средства лингвистической реализации статусно-ролевой асимметрии в англоязычной юридической коммуникации, оценив их роль в поддержании институциональной власти коммуникантов. Исследование выполнено на материале стенограмм судебных заседаний на английском языке с применением методов контент-анализа, лексико-семантического, синтаксического, когнитивно-дискурсивного, прагматического анализа. Методологической основой выступает теория речевых актов [1; 2; 3], положения коммуникативно-деятельностного [4; 5] и когнитивно-дискурсивного [6; 7] подходов.

Статусно-ролевая организация является одним из институциональных признаков ЮД и проявляется в строгой иерархии участников и коммуникативных позиций. В логике В.И. Карасика коммуниканты выступают «от имени» социального института, а не как индивидуальные субъекты, и именно ролевой статус определяет набор допустимых речевых актов и степень коммуникативной свободы [8]. В терминах М. Фуко это означает подчиненность ЮД «закону» того, что может и должно быть сказано, то есть действию дискурсивных правил, задающих рамки того, что в принципе может и должно быть артикулировано в пределах определенного дискурсивного пространства [9, с. 333, 388-389]. Действительно, институциональность ЮД выражается в подчиненности и адресантов, и адресатов установившимся правилам юридического дискурсивного сообщества, которые определяют допустимые форматы высказываний, задают рамки оценки правовой информации и структурируют когнитивные ожидания участников.

Наглядным примером статусно-ролевой асимметрии (статусного неравенства [10, с. 129]) выступает коммуникация участников судебного процесса (судебный дискурс – субдискурс ЮД) [11, с. 9], в процессе которой судья «выступает в роли управляющего, следящего за ходом речевого взаимодействия», задавая порядок и «контролируя смену ролей участников коммуникации» [12, с. 27]. Такие формульные реплики судьи, как *You may proceed, counsel* (Вы можете продолжать, адвокат), *You may cross-examine* (Вы можете приступить к перекрестному допросу), *You have exhausted the subject, please move on* (Вы исчерпали этот вопрос, пожалуйста, переходите к следующему), обращенные к

адвокатам, или *Please remain standing* (Прошу вас не садиться), *Please resume your seat* (Пожалуйста, займите свое место), адресованные подсудимому, или *State your full name for the record* (Назовите ваше полное имя для протокола), *You can answer the question* (Вы можете отвечать на вопрос), обращенные к свидетелям, подтверждают строгое распределение коммуникативных ролей в ходе судебного процесса. Собранные в справочные пособия для судебных переводчиков [13], данные фразы обычно публикуются на сайтах судов, чтобы продемонстрировать потенциальным участникам судебного заседания правила поведения в зале суда, что, по нашему мнению, указывает на их статус типичных индикаторов институциональной власти судьи над коммуникативным ходом заседания.

Иерархическая динамика прослеживается не только на уровне осуществления судьей контроля за порядком выступления участников судебного заседания. Проведенный анализ показал, что статусно-ролевая асимметрия проявляется в распределении речевых актов и их реализации при помощи определенных синтаксических моделей. Продемонстрируем это на примерах.

(1) *JUSTICE SOTOMAYOR: So explain it to me* [14, p. 17]. – Поэтому объясните это мне.

Вышеприведенный пример демонстрирует использование прямого директива, по сути являющегося приказом. Полагаем, что в данной реплике имплицитно выражена критика – судья требует объяснения, что может указывать на то, что представленное ранее объяснение его не удовлетворило. Иными словами, судья ожидает, чтобы адвокат перестроил аргументацию так, чтобы она была понятна ему. Представляется, что такая реплика выступает не только актом управления коммуникацией, но и актом контроля на когнитивном уровне, определяя не столько слова, сколько образ мышления, что усиливает и институциональное, и интеллектуальное превосходство судьи.

(2) *JUSTICE BARRETT: Is that -- I'm sorry. Please finish* [14, p. 10]. – Это... Простите. Пожалуйста, закончите.

В данном примере статусно-ролевая асимметрия также выражена прямым директивом, который вербализован формой повелительного наклонения с маркером вежливости *please*. Судья сначала перебивает собеседника, затем извиняется (*I'm sorry*), что, наряду с использованием маркера вежливости, смягчает императивность высказывания. Судья не только обращается с требованием закончить, но также управляет порядком высказываний.

Синтаксически, оба примера содержат лаконичные односоставные предложения, что, полагаем, усиливает демонстрацию полномочий судьи, обусловленных его институциональным статусом. Такие высказывания указывают на то, что у судьи отсутствует необходимость обосновывать свое решение, его статус легитимирует его высказывания.

Необходимо также отметить, что прямые директивы выступают показателем метакоммуникативного контроля. Реплики судьи не только релевантны содержанию, с их помощью он управляет порядком и формой высказываний других участников судебного процесса, что можно рассматривать как типичное проявление статусно-ролевой асимметрии.

(3) *JUSTICE THOMAS: So it would be -- help -- be helpful if you would take some time to explain what we're -- what exactly we are reviewing...* [14, p. 6]. – Так что было бы... полезно... было бы полезно, если бы вы уделите немного времени объяснению того, что мы... что именно мы рассматриваем...

(4) *JUSTICE THOMAS: ...So I'm looking for an explanation as to why this case is here and what's the jurisdiction for this case* [14, p. 7]. – Так что мне нужно объяснение, почему это дело рассматривается здесь и каковы правовые основания этого дела.

Оба примера по форме представляют собой ассертивы, однако, по выполняемой функции они являются косвенными директивами, реализованными разными языковыми средствами. В примере (3) фиксируем условное предложение второго типа, смягчающее категоричность требования. Тем не менее, использование модального глагола *would* в придаточной части предложения и оценочного прилагательного *helpful* усиливает обязательность.

В примере (4) для побуждения к действию используется утвердительное предложение с глаголом в форме Present Progressive, что, на наш взгляд, придает всему высказыванию оттенок актуальности – именно в данный момент судья находится в поиске, который необходимо удовлетворить незамедлительно. Кроме того, судья сразу четко обозначает содержательный объем требуемого ответа, что также включает косвенное указание на его структуру. Пример номинализации (*explanation*) способствует формированию у адресата впечатления об объективности требования судьи, а не приказа как такового.

Проанализированные выше косвенные директивы в речи судьи, наряду с прямыми директивами, выступают средством репрезентации статусно-ролевой асимметрии. Будучи формально оформленными как ассертивы, но дополненные оценочностью и скрытой обязательностью, они, тем не менее, выражают обязательные инструкции, уточняя при этом, какого рода информацию и в каком содержательном объеме ее следует представить, что демонстрирует институциональное превосходство судьи и осуществление им функции управлять ходом, структурой и содержательной стороной процесса.

Статусно-ролевая асимметрия является одной из главных институциональных характеристик ЮД. В судебном дискурсе, учитывая его состязательность и диалогичность, она реализуется в процессе непосредственного коммуникативного взаимодействия участников судебного процесса посредством постоянного утверждения институциональных полномочий судьи. В других типах ЮД статусно-ролевая асимметрия проявляется с разной степенью интенсивности. Средства ее реализации также различаются, что обусловлено целями субдискурса, институциональным статусом участников и степенью интерактивности коммуникации.

В частности, в законодательном субдискурсе, представляющем коммуникацию между законодателем (институтом власти) и абстрактным массовым адресатом, статусно-ролевая асимметрия носит совершенно другой характер – ввиду его монологичности, «обезличенности», «предписывающей семантики» [15, с. 135] возможность коммуникативного сопротивления полностью исключена – асимметрия является ярко выраженной, а комплекс средств ее вербализации существенно отличается от рассмотренных выше. Продемонстрируем это на конкретных примерах.

(5) *Whereas it is expedient that provision should be made...* [16] – Принимая во внимание, что это целесообразно предусмотреть...

Данное предложение не является директивом, однако оценочная модальность выступает риторическим обоснованием последующих императивных оборотов. Страдательный залог в безличной конструкции деперсонализирует власть, что создает иллюзию объективной необходимости – текст закона выступает универсальной истиной, которую необходимо соблюдать, что подтверждается использованием модального глагола *should*, семантика которого не предполагает никакого обоснования или дальнейшего пояснения со стороны законодателя.

(6) *If a Money Bill ... is not passed ... the Bill shall ... be presented to His Majesty* [16]. – Если финансовый законопроект ... не будет принят ... то законопроект должен... будет представлен Его Величеству.

Несмотря на то, что данное предложение является примером условного предложения 1 типа, т.е. по структуре не является директивным речевым актом, оно носит императивный характер, что дает основания рассматривать его как директив. Главным маркером директивности выступает модальный глагол *shall*, частотное использование которого (всего встречается в тексте 17 раз) указывает на безальтернативное долженствование. В законодательном дискурсе директивы, в отличие от судебного, указывают на соблюдение абстрактных процедур, будучи обращены к абстрактному адресату. Однако данный факт ни в коей мере не снижает его иллюкутивной силы, напротив, отсутствие конкретного адресата наделяет правовую норму универсальностью, обязывая всех субъектов соблюдать ее безоговорочно.

(7) *A State is obliged to refrain from acts which would defeat the object and purpose of a treaty when: (a) it has signed the treaty ...* [17]. – Государство обязано воздерживаться от действий, которые противоречили бы объекту и цели международного договора, когда: а) оно подписало международный договор...

Пример (7) формально является ассертивом, однако функционально представляет директивный речевой акт. Придаточное предложение времени с союзом *when* призвано уточнить условия вступления обязательства в силу, а конструкция *to be obliged to*, являющаяся эквивалентом модального глагола *must*, лишь усиливает безальтернативность обязательства.

(8) *If a State has been induced to conclude a treaty by the fraudulent conduct... the State may invoke the fraud as invalidating its consent ...* [17]. – Если государство было вынуждено заключить международный договор в результате мошеннического поведения... государство может рассматривать мошенничество как повод аннулировать свое согласие ...

Также являясь косвенным директивом, данный пример – условное предложение 1 типа с модальным глаголом *may* – выражает предоставление права не соблюдать условия международного договора (глагол *may* не имеет значения долженствования), однако сочетание глагола *may* с термином *fraud* (мошенничество) и герундием с отрицательной приставкой *invalidating* (аннулирование) подразумевает обязательность признания данного права законодателем. В случае мошенничества государство сохраняет за собой возможность аннулировать согласие, при этом данная возможность закрепляется на законодательном уровне. Полагаем, что статусно-ролевая асимметрия в примере (8) реализуется путем закрепления за законодателем полномочий (межгосударственной организацией) определять пределы соблюдения обязательств и отказа от них субъектами международного права.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал, что статусно-ролевая асимметрия в разной степени присуща разным субдискурсам ЮД. В судебном субдискурсе эксплицитной формой лингвистической репрезентации статусно-ролевой асимметрии в ЮД выступают прямые директивы. Они выполняют функцию управления взаимодействием участников процесса и выражают всю полноту институциональной власти судьи. Косвенные директивы также являются важными маркерами статусно-ролевой асимметрии, демонстрируя баланс институциональной жесткости и формальной вежливости. Статусно-ролевая асимметрия проявляется в данном случае не только в побуждении к действию, но и в контроле судьбы над когнитивными процессами, связанными с формулированием ответов на его косвенно выраженные приказы.

В законодательном дискурсе статусно-ролевая асимметрия проявляется путем устранения диалогичности и безличности формулировок: при помощи обращения к абстрактному адресату, пассивных конструкций, средства выражения модальности создается объективный образ законодателя и формулируемых им текстов законов.

Можно констатировать, что в судебном субдискурсе статусно-ролевая асимметрия в постоянном режиме реализуется в речевых актах судьи, тогда как в законодательном субдискурсе она зафиксирована в самой структуре текста и не требует легитимации в процессе коммуникации.

Список литературы

1. *Austin J.L.* How to do Things with Words. – Clarendon Press, 1975. – 168 p.
2. *Searle, J.R.* A Taxonomy of Illocutionary Acts. – Linguistic Agency, University of Trier, 1976. – 19 p.
3. *Космодемьянская В.И.* Прямые и не прямые речевые акты: когнитивный и прагматический аспекты // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2015. – № 2. – С. 160-163.
4. *Wierzbicka A.* Different Cultures, Different Languages, Different Speech Acts // Journal of Pragmatics. – 1985. – N0. 9 (2-3). – P. 145-178.
5. *Авакова М.Л.* Дискурсивные частицы как маркеры позитивной вежливости в экспрессивных речевых актах // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2015. – № 8. – С. 9-17.
6. *Кубрякова Е.С.* Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. – М., 2001. – №1 (7). – С. 28-34.
7. *Цурикова Л.В.* Естественность дискурса как когнитивно-прагматический феномен // С любовью к языку: Посвящается Елене Самойловне Кубряковой / Отв. ред.: В.А. Виноградов. – М.: ИЯ РАН, 2002. – С. 419-429.
8. *Alontseva N.V., Ermoshin Y.A.* Special Aspects of Working with the Lexical Level of Legal Discourse Texts in the English and Russian Languages // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2018. – No. 9 (2). – P. 365-378.
9. *Фуко М.* Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с. / С. 333, С. 388-389.
10. *Дубровская Т.В.* Судья: речевое поведение в судебном дискурсе // Дискурс-Пи. – 2016. – № 1(22). – С. 129-132.
11. *Авакова М.Л., Мосесова М.Э.* Языковая специфика англоязычного судебного дискурса (на материале перекрестных допросов) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2022. – № 15. – С. 8-15.
12. *Рюмкова Е.В.* Лингвистические особенности манипулятивного воздействия в англоязычном судебном дискурсе: лингвопрагматический и лингвокультурный аспекты: дисс. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2025. – 223 с.
13. Common Courtroom Phrases. Administrative Office of the Courts. State of Nevada. URL: https://nvcourts.gov/aoc/programs_and_services/court_interpreter/interpreter_resources/common_courtroom_phrases
14. Kate Marie Bartenwerfer v. Kieran Buckley. Supreme Court of the United States.
15. Opinion of Justice Sotomayor No. 21-908. URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/us-supreme-court/21-908.html>
16. *Чекалин А.А.* Стилистическая грамматика: взаимодействие грамматических категорий и его роль в формировании законодательного дискурса немецкого языка // Вестник ИГЛУ. – 2012. – № 3 (20). – С. 132-139.

17. Parliament Act 1911. Legislation.Gov.UK. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/1-2/13/contents>
18. Vienna Convention on the Law of Treaties. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/1_1_1969.pdf.

References

1. Austin, J.L. (1975). *How to do things with words*. Clarendon Press. 168 p.
2. Searle, J.R. (1976). *A taxonomy of illocutionary acts*. Linguistic Agency, University of Trier. 19 p.
3. Kosmodemyanskaya, V.I. (2015). Direct and indirect speech acts: Cognitive and pragmatic aspects. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*, (2), 160–163.
4. Wierzbicka, A. (1985). Different cultures, different languages, different speech acts. *Journal of Pragmatics*, 9(2–3), 145–178.
5. Avakova, M.L. (2015). Discursive particles as markers of positive politeness in expressive speech acts. *Professional Communication: Current Issues in Linguistics and Methodology*, (8), 9–17.
6. Kubryakova, E.S. (2001). Reflections on the fate of cognitive linguistics at the turn of the century. *Issues of Philology*, (1(7)), 28–34.
7. Tsurikova, L.V. (2002). Naturalness of discourse as a cognitive-pragmatic phenomenon. In V. A. Vinogradov (Ed.), *With love for language: Dedicated to Elena Samoilovna Kubryakova* (pp. 419–429). Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.
8. Alontseva, N.V., & Ermoshin, Y.A. (2018). Special aspects of working with the lexical level of legal discourse texts in the English and Russian languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(2), 365–378.
9. Foucault, M. (2004). *The archaeology of knowledge* (M. B. Rakova & A. Yu. Serebryannikova, Trans.; introductory article by A. S. Kolesnikov). St. Petersburg: Humanitarian Academy; Universitetskaya Kniga. 416 p. (pp. 333, 388–389).
10. Dubrovskaya, T.V. (2016). The judge: Speech behavior in judicial discourse. *Discourse-Pi*, (1(22)), 129–132.
11. Avakova, M.L., & Mosesova, M.E. (2022). Linguistic specifics of English-language judicial discourse (based on cross-examination materials). *Professional Communication: Current Issues in Linguistics and Methodology*, (15), 8–15.
12. Ryumkova, E.V. (2025). *Linguistic features of manipulative influence in English-language judicial discourse: Linguopragmatic and linguocultural aspects* (Candidate of Philological Sciences dissertation). Astrakhan. 223 p.
13. Administrative Office of the Courts, State of Nevada. *Common courtroom phrases*. Retrieved from https://nvcourts.gov/aoc/programs_and_services/court_interpreter/interpreter_resources/common_courtroom_phrases
14. *Kate Marie Bartenwerfer v. Kieran Buckley*, No. 21-908 (Supreme Court of the United States) (Opinion of Justice Sotomayor). Retrieved from <https://caselaw.findlaw.com/court/us-supreme-court/21-908.html>
15. Chekalin, A.A. (2012). Stylistic grammar: The interaction of grammatical categories and its role in shaping the legislative discourse of the German language. *Bulletin of ISLU*, (3(20)), 132–139.
16. Parliament Act 1911. Legislation.gov.uk. Retrieved from <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/1-2/13/contents>
17. Vienna Convention on the Law of Treaties. Retrieved from https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/1_1_1969.pdf

Статья поступила в редакцию: 08.05.2026.
Статья принята к публикации: 21.05.2026.

Received: 08.05.2026.
Accepted: 21.05.2026.

ТЕОРИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИХРОННОГО (ФРАГМЕНТАРНОГО) УЧЕБНОГО КОНТЕНТА И КЛИПОВОГО ХАРАКТЕРА КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Мурай Ольга Викторовна¹,

*кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации,
e-mail: murray007@mail.ru
ORCID: 0009-0000-4610-5076*

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

Статья посвящена теоретическому обоснованию и технологической разработке методике формирования иноязычной компетенции в условиях двух взаимосвязанных вызовов современности-фрагментарности времени обучающегося и доминирования клипового мышления как когнитивной способности цифрового поколения. Обосновывается необходимость перехода от традиционной линейной модели обучения к дискретной адаптивной технологии, среди которых ключевое место на данный момент исследования занимает технология Flex-L2. Предлагается интегративная модель, сочетающая принципы атомарности контента, мультимодальности подачи и системообразующих связей между микромодулями учебных блоков. Описаны принципы полихронного учебного контента (дозирование информации, смена видов деятельности, адаптация под мобильные приложения), и способы управления клиповым мышлением для удержания мотивации. Особое внимание уделяется технологиям укрупнения дидактических единиц, особенностям обучающихся с клиповым мышлением и инструментам преодоления фрагментарности восприятия. Статья содержит практические рекомендации по проектированию микромодулей и интеграции их в образовательный процесс высшей школы.

Ключевые слова: клиповое мышление, микрообучение, иноязычная компетенция, фрагментарное время, микромодуль, укрупнение дидактических единиц, цифровая дидактика, технология Flex-L2, атомарность контента, полихронный модуль, мотивация, информационное сообщество, нелинейное восприятие информации, фрагментация учебного времени, трансформация когнитивных процессов.

THEORY AND TECHNOLOGY OF FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE FORMATION IN THE CONTEXT OF POLYCHRONOUS (FRAGMENTED) EDUCATIONAL CONTENT AND THE CLIP-BASED NATURE OF COGNITIVE PROCESSES OF LEARNERS

Murray O.V.¹,

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication,
e-mail: murray007@mail.ru
ORCID: 0009-0000-4610-5076*

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The article is devoted to the theoretical substantiation and technological development of a methodology for the formation of foreign language competence in the context of two interrelated challenges of our time -the fragmentation of learner's time and the dominance of clip thinking as a cognitive ability of the digital generation. The necessity of transition from the traditional linear learning model to discrete adaptive technology is substantiated, among which Flex-L2 technology occupies a key place at the moment of research. An integrative

model is proposed that combines the principles of atomicity of content, multimodality of presentation and system-forming links between micromodules of educational blocks. The principles of polychronic educational content (information dosing, changing types of activities, adaptation to mobile applications), and ways to manage clip thinking to maintain motivation are described. Special attention is paid to technologies for enlarging didactic units, the peculiarities of students learning to think in an elliptical manner, and tools for overcoming fragmented perception. The article contains practical recommendations on the design of micromodules and their integration into the educational process of higher education.

Keywords: clip thinking, micro-learning, foreign language competence, fragmented time, micromodule, enlargement of didactic units, digital didactics, Flex-L2 technology, atomicity of content, polychronic module, motivation, information community, nonlinear perception of information, fragmentation of educational time, transformation of cognitive processes.

Современное непрерывное языковое образование существует в условиях фундаментального противоречия. С одной стороны, условия лингвистической многополярности и профессиональная мобильность требуют постоянного развития иноязычной коммуникативной компетенции. С другой – обучающийся сталкивается с хроническим дефицитом времени, информационной перегрузкой и процессом личностной трансформации когнитивных процессов. Это явление психической реакции мозга на необходимость переработки большого количества информации за короткий период времени получило в научной литературе название «клиповое мышление [13, с. 345]. Понятие «клиповая культура» получило свое широкое распространение благодаря работам американского писателя-футуролога Элвина Тоффлера, описывающего данный феномен как характерную особенность информационного сообщества. Впоследствии отечественный философ Федор Гиренок перенес это понятие в область типа сознания и мышления [3, 4]. Он охарактеризовал клиповое сознание как способность воспринимать мир через короткие образы и послания, не требующие глубокого анализа. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью пересмотра иностранных языков в соответствии с новыми когнитивными реалиями. Организация учебного процесса все чаще осуществляется в условиях дефицита непрерывного времени и высокой информационной перегрузки обучающихся. Особую роль здесь играет феномен полихронной (фрагментарной) образовательной среды, когда учебные активности распределены множественными короткими интервалами, а также клиповый характер когнитивных процессов – мозаичное, ассоциативное, нелинейное восприятие информации [14, 17]. Цель статьи – теоретически обосновать и представить технологическую модель формирования иноязычной компетенции, адекватную особенностям фрагментарного восприятия информации и клипового мышления обучающихся.

Феномен клипового мышления представляет собой нестандартный вызов для истории и методики языкового образования. По сущностным характеристикам данный тип мышления представляет собой особенность человека воспринимать мир через короткие, яркие, сменяющие друг друга образы без установления логических связей между ними. Для носителей клипового мышления характерно несколько особенностей восприятия информации. Во-первых, сниженная концентрация внимания. Исследования корпорации Майкрософт в Канаде показали, что средняя концентрация внимания обучающихся снизилась до 8 секунд за последнее десятилетие [15]. Во-вторых, у обучающихся отмечаются трудности с анализом информации. А именно, затруднено построение логических цепочек, выделение главной мысли текста и, соответственно, формулирование выводов. В-третьих, у студентов выявлено поверхностное восприятие. Информация воспринимается фрагментарно, без установ-

ления причинно-следственных связей. В-четвертых, такие студенты характеризуются быстрой забываемостью. Отсутствие глубинной логической обработки информации приводит к тому, что материал не переходит в долговременную память. В-пятых, исследователи отмечают патологическую потребность в постоянном притоке новой информации за счет необходимости в регулярном пополнении дофаминового потока. Таким образом, вышеобозначенные особенности восприятия учебного материала оказывают негативное влияние на процесс изучения иностранного языка [14, 16].

Непосредственно в контексте обучения иностранным языкам клиповое мышление создает специфические трудности. Как отмечают исследователи [10, 15], у обучающихся с привычкой воспринимать информацию короткими фрагментами, плохо развито понимание «скрытых смыслов», а именно – «клип не оставляет следов в связанной семантике явлений» [11, с. 242]. Необходимо отметить, что работа с грамматическим материалом подразумевает ряд особенностей при моделировании курса для обучающихся с особенностями «клипового» восприятия информации. ... Особую значимость данная проблема приобретает при работе с грамматическим материалом. В своей работе ученый, доцент КФУ А.М. Борисов отмечает, что механизм «клипового мышления» предполагает «отражение многоаспектных свойств отдельного предмета без учета связей между ними» [1]. Данный способ мышления предполагает включение мгновенной адаптивности к новой информации, где не происходит отторжение учебного материала, а его непосредственная интеграция для решения той или иной лингвистической задачи. Сильная сторона «клипового мышления» – ориентация на визуальное восприятие – может быть использована при формулировке заданий по методу «текст-картинка». Такой методический подход к отбору и построению учебного материала будет использовать психические функции «картиночного мышления» обучаемых как данность для лучшего восприятия учебной информации в успешном педагогическом процессе.

Привычка современных студентов мгновенно переключаться во время лекции на сообщения в мессенджере и пролистывание учебника свидетельствует о полихронно-адаптивном типе мышления [14]. Традиционный метод обучения предполагал моnoxронное восприятие учебного материала, когда студент был полностью вовлечен в один учебный процесс, например, слушал и записывал лекцию. У современных студентов непосредственная концентрация внимания на задании не длится более 10-15 минут [16]. Высокая частота переключения внимания от выполнения учебной активности к внеучебной проявляется в параллельном выполнении нескольких задач с 10-минутными «окнами» без традиционного деления временной структуры. Требуется переход от стратегии моnoxромного деления на лекцию и практические задания к заданиям, разделенным на полихронические блоки.

Стремление к восприятию информации короткими блоками с яркой визуальной подачей без длинных логических умозаключений принято называть «клиповым мышлением» [11]. Высокая степень адаптации к информационному потоку считается нормой, а не патологией в современной когнитивной науке [8]. Когнитивный стиль восприятия информации в «клиповом мышлении» предполагает ориентацию на высокую скорость переработки потока логических структур без глубинного анализа и удержания в памяти крупных логических структур. Рекомендовано организовать учебный процесс через подачу материала в микроформате с частичной повторяемостью [12].

Рассмотрев теоретические основы методического подхода к обучению студентов с клиповым мышлением, предлагается следующая модель формирования иноязычной компетенции в условиях полихронной среды (табл. 1).

Модель формирования иноязычной компетенции в условиях полихронной среды

Блок	Ключевые положения	Модель
Цель	Иноязычная компетенция в условиях фрагментарного времени и клипового мышления	За 8 недель (40 микроциклов по 15 минут достичь уровня B1)
Принципы	Полихронная адаптивность, визуально-смысловой каркас, когнитивная синхронизация	20-30% материала каждого цикла – повтор предыдущего
Содержание	Лексика (10-15 ед.), грамматика (1 модель), фонетика (30-40 сек.), социокультурный блок (2 мин.), стратегии реализации в контексте (3-5 шагов)	Тема «В кафе» – 12 слов+1 диалог+алгоритм – модель заказа
Технология	Микроцикл (10-15 минут), синхронная сессия (40 минут)	Тест на переключение внимания

В данной модели при применении принципа микроцикличности обучение разбивается не на традиционные уроки, а на микроцикл по 10-15 минут. Каждый микроцикл обладает самодостаточной иноязычной задачей, например, «услышать и сопоставить 5 фраз», «заполнить пропуски в одном абзаце». Каждый микроцикл повторяет 20% материала предыдущего по спирали. Это и позволяет снизить когнитивную нагрузку при клиповом восприятии [8].

Применение технологии синхронизации когнитивных стилей подразумевает альтернативу способов предъявления информации. Мемы с грамматическими конструкциями, короткие видео и аудио-фрагменты (30-40 секунд), интерактивные микрозадания последовательно используются преподавателем на основе предварительной диагностики когнитивного профиля обучающегося [11]. Для формирования всей иноязычной компетенции в качестве визуально-ментального каркаса предлагается смысловая карта вместо линейного учебника. Любой микроурок встроен в эту карту в виде QR-кода, что позволяет учащимся «схватывать» целое, даже занимаясь фрагментарно [9]. Такой код, либо вкладка в LMS содержит основные конструкции, лексику и речевые клише того или иного урока.

Рассмотрим методический инструментарий технологии реализации модели обучения. Данная модель получила название «Flex-L2», где Flex означает адаптивность формата, а L-2 – «второй язык» [10]. При организации учебного процесса учитывается, что студент может рассматривать грамматический модуль самостоятельно. Система управления обучением (LMS) автоматически подбирает упражнения на «слабые места» обучающегося. Большая часть аудиторного времени отводится на проекты и дискуссию. Данная модель была апробирована в двух группах в 2025 г. Сравнивались контрольная группа, обучаемая по традиционной методике (2 занятия по 90 минут в неделю) и экспериментальная группа, обучаемая по полихронной модели – 6 микросессий по 15 минут на базе LMS + одно синхронное занятие в 40 минут. В экспериментальной группе студенты вели дневник для диагностики когнитивного стиля. Микроформатное обучение делилось на 3 блока по 15 минут, разнесенных по времени в течение учебного дня. Блоки включали аудирование, изучение 3-5 лексических карточек и микродиалог по шаблону. Синхронная сессия длилась 40 минут и связывала в ролевую игру все микрофрагменты в единое целое в решении одного учебного кейса. Также проводилось автоматизированное микротестирование с обратной связью. Времени на домашнее задание отводилось в 2 раза меньше. По результатам апробации через 10 недель экспериментальная группа демонстрировала более высокий уровень прироста и удержания лексики, также отмечено снижение утомляемости и более высокая субъективная удовлетворенность.

Проведенный эксперимент показал, что построение обучения при помощи коротких занятий-микроциклов позволяет лучше и быстрее овладевать иностранным языком. Если не бороться с привычкой студентов делать все задания урывками, а использовать привычку к «клиповому переключению», можно построить образовательную технологию по дискретно – кумулятивному методу. Данный метод «Flex-2» позволят использовать мобильные приложения с пуш-напоминаниями и внедрением LMS, что повышает эффективность каждого микроцикла и результативность формирования иноязычной компетенции [8, 12].

Лингвисты определяют микрообучение как успешную педагогическую стратегию в условиях фрагментарного времени как условия обучения иноязычной компетенции. Микрообучение (micro learning) обозначается как подача учебного контента в виде небольших фокусных единиц (так называемых микромодулей). Продолжительность преподнесения и интерпретации модуля – от 30 секунд до 5 минут, которые предназначены для решения одной конкретной лингвистической задачи. В современной литературе выделяют следующие принципы микрообучения, необходимые для формирования иноязычной компетенции.

Таблица 2

Основные принципы микрообучения

Принцип	Содержание	Реализация
Самодостаточности микромодуля	Каждый модуль завершен и имеет внутреннюю логику	Микроурок по одному грамматическому явлению или 5-7 лексическим единицам
Фокусности	Решение 1 учебной задачи за модуль	«Как заказать стейк medium rare» (а не весь блок «Еда»))»
Субъективного времени	Учет индивидуального темпа освоения	Возможность проходить модули в удобное время
Интерактивности	Активное вовлечение обучающегося	Квизы, диалоговые тренажеры, карточки с озвучкой
Цифровизации и мобильности	Адаптация к мобильным устройствам	Вертикальный формат материала

Нейрокогнитивное обоснование эффективности обучения при помощи данного подхода состоит в том, что ритм внимания современного человека подвержен определенной амплитуде, которой соответствует подача материала в виде коротких модулей. Отмечено, что при дробной подаче материала минимизируется когнитивная нагрузка и его усвоение проходит наиболее эффективно. Более того, микроформат легко синхронизируется с принципом интервального повторения, который напрямую коррелирует и борется с «кривой забывания» Эбингауза, что обеспечивает переход лексических единиц и грамматических моделей из кратковременной памяти в долговременную. Как отмечает нейрокоуч О. Зеброва, «дробное изучение языка создает у вас чувство достижений, которое сохраняет мотивацию» [6]. Положительное подкрепление вызывается за счет таких мини-достижений, поддерживающихся выбросом дофамина.

На данном этапе развития методики преподавания иностранных языков студентам с «клиповым мышлением» ключевой задачей корректного микрообучения является встраивание языковой практики в повседневный ритм студента. Такой инструмент «перманентного расширения личности» как смартфон превращает «мертвое» время (поездка в метро, очередь, большой перерыв) в учебное. Практическая модель распределения времени в микротайминге может выглядеть следующим образом:

- 10 минут – аудирование (подкасты, диалоги);
- 10 минут – повторение фраз с проговариванием вслух;
- 10 минут – работа на развитие навыков коммуникации.

Предлагаемая модель обучения базируется на синтезе двух, на первый взгляд, противоречащих друг другу подходов. С одной стороны происходит адаптация фрагментарности восприятия к материалу через микроформат, с другой- формируется системное знание и целостная прагматическая компетенция. В базовом принципе предлагаемой модели заложен «атом знания», который включен в систему связи с другими модулями. Это достигается через указание места модуля путем сквозной навигации в общей структуре обучающего курса. В каждом модуле есть регулярные мостики – повторения – ссылки на пройденные модули. В каждом модуле есть интегративные задания, требующие комбинирования знаний из разных микромодулей.

В свою очередь для компенсации негативных эффектов клипового мышления и формирования системного восприятия языка используются различные технологии. Одна из них – укрупнение дидактических единиц. Данная технология была предложена П.М. Эрдниевым и адаптирована А.М. Борисовым к восприятию учебного материала людей с клиповым мышлением. Технология рассматривается как «предпосылка формирования навыка грамматического переноса, основанного на обобщении» [1]. Одна крупная дидактическая единица может объединять несколько микромодулей. Например, вместо изучения отдельных аспектов и времен английского языка в отдельности предлагается создание серии микромодулей с концептом «Настоящее время в английском языке» с четкими бинарными оппозициями грамматических и лексических моделей и последовательными схемами перехода между ними.

Другой эффективной технологией может послужить педагогический сторителлинг, который представляет собой коммуникативную технику, при которой пересказ с элементами захватывающей истории позволяет легко запомнить лексический и грамматический материал. Как отмечают лингвисты, «даже двухминутный модуль может быть частью нарратива» [5]. При таком подходе структура учебной истории строится по схеме «эмоции → вывод → действие». Например, серия «Неделя из жизни менеджера – экспата» последовательно дает языковой материал для утренней встречи с коллегами, деловой презентации, неформального общения на перерыве на ланч, написания электронного письма и так далее.

Необходимо принимать во внимание метод мобилоцентричности и мультиформатности для успешной фрагментации учебного материала. Учебный контент должен быть оптимизирован для вертикального потребления в полноэкранном режиме работы смартфона, то есть работы с субтитрами, визуальными подсказками и мгновенной загрузкой текста. В данном ракурсе решения учебной задачи можно рассмотреть различные форматы микромодулей.

Таблица 3

Рекомендуемые форматы микромодулей для студентов с «клиповым» мышлением

Формат	Продолжительность	Пример использования
Минивидео (Reels/TikTok – стиль)	30-60 сек.	Объяснение правила. Диалог-ситуация
Интерактивные карточки	1-2 мин.	Лексика с озвучкой и визуальными ассоциациями
Короткие подкасты	2-3 мин.	Аудирование с последующим микро-квизом
Мини – квизы	1-2мин.	Проверка усвоения с мгновенной обратной связью
Диалоговые тренажеры	3-5 мин.	Отработка разговорных клише

При реализации данной модели обучения необходимо следовать определенным практическим рекомендациям. Существует определенный алгоритм при проектировании микромодулей. Во-первых, необходимо декомпозировать компетенцию на формирование отдельных микронавыков, например, в модуль входит изучение только 5 глаголов и их сочетаний для деловой переписки, а не все глаголы. Во-вторых, на один модуль формулируется одна учебная задача. В-третьих, в соответствии с типом задачи выбирается один формат с обязательной визуализацией ключевой информации, встраиванием этой информации в нарратив (принцип сквозной истории) и разрабатывается 2-3 вопроса для самоконтроля в качестве микро-проверки. При организации образовательного процесса следует учитывать, что микрообучение в вузовском формате не должно полностью заменять традиционные форматы обучения. Оно может использоваться для самостоятельной работы как дополнительный дидактический курс, средство подготовки к аудиторным занятиям (метод «перевернутого класса»), а также как инструмент поддержания уровня прагматической компетенции языка в период между интенсивными занятиями.

Для формирования устойчивой привычки к ежедневной языковой практике необходимо использовать практику персонализированных пуш-уведомлений, как одну из эффективных технологий мотивационных триггеров. Рекомендуется вводить и практиковать трекеры привычек («цепочки дней») с целью демонстрации визуального прогресса; адаптировать под задачи обучения систему наград не только за результат, а за регулярность учебных действий (принцип геймификации); регулярно адаптировать контент следующего модуля на основе успехов и ошибок предыдущего.

В заключение необходимо отметить, что формирование иноязычной компетенции в условиях фрагментарного времени обучения и клипового мышления обучающихся требует пересмотра традиционных методических подходов. Предлагаемая в статье технологическая модель обучения иностранному языку базируется на четырех ключевых положениях. Первое положение – клиповое мышление как когнитивная реальность обучаемого требует не борьбы, а адаптации модели образовательного процесса. Второе – микрообучение является базовой стратегией, соответствующей ритмам внимания и дефициту времени современного обучающегося. Третье – в обучении необходимо оформить модули в синтезе атомарности и системного подхода через технологии укрупнения дидактических единиц и сквозного нарратива. В-четвертых, мультиформатность и мобилоцентричность являются обязательными требованиями учебному контенту. Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с экспериментальной проверкой предложенной модели, разработкой критериев оценки сформированности иноязычной компетенции в условиях микрообучения для персонализации микромодулей, а также с изучением возможностей искусственного интеллекта для адаптивного включения контента.

Список литературы

1. *Борисов А.М.* Грамматический перенос на основе укрупненной дидактической единицы как условие адаптации клипового мышления // Наука, образование, технологии в эпоху глобальной трансформации : монография. – Петрозаводск: МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2025. С. 4-22.
2. *Борщенко Г.М.* Microlearning in teaching foreign languages under the principles of competency-based approach // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2024. № 05. ART 241059. С. 1-11. DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11059.
3. *Гиренок Ф.И.* Метафизика пата (косноязычие усталого человека). М. : Лабиринт, 2014. 368 с.
4. *Гиренок Ф.И.* Клиповое сознание. М.: Проспект, 2016. 256 с.
5. *Дигтяр О.Ю.* Микрообучение (Microlearning) в непрерывном языковом образовании: фрагмент как стратегия [Электронный ресурс] / О. Ю. Дигтяр. – Электрон. текстовые дан. Москва : Финансо-

- вый университет при Правительстве РФ, 2026. – Режим доступа: <https://www.fa.ru/university/structure/university/uso/press-service/press-releases/mikroobuchenie-microlearning-v-nepreryvnom-yazykovom-obrazovanii-fragment-kak-strategiya>. (дата обращения: 25.04.2026).
6. *Зеброва О.* Многа букв, не осилил: как улучшить работу мозга и навык чтения, чтобы наконец-то перестать видеть в книге фигу [Электронный ресурс] / О. Зеброва // Тульская служба новостей. – 2025. – 3 февраля. – Режим доступа: https://www.tsn24.ru/2025/02/03/325255-mnoga-bukav-ne-osilil-kak-uluchshit-rabotu-mozga-i-navyuk-chteniya-chtoby-nakonets-to-perestat-videt-/?sphrase_id=446631. (дата обращения: 25.04.2026).
7. Исследование феномена клипового мышления в педагогической науке [Электронный ресурс] // Педагогический сторителлинг как эффективная техника формирования иноязычной компетентности старшеклассников / авт.-сост. публикации: URL: <https://urok.1sept.ru/publication/209440>. – 2025. – Режим доступа: <https://urok.1sept.ru/publication/209440>. (дата обращения: 24.04.2026).
8. *Костина Н.И., Можяева Г.В.* Микрообучение как тренд современной цифровой дидактики // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 8–9. С. 145–155.
9. *Лобковская Е.А., Булатая Е.В.* Пути преодоления клипового мышления у студентов лингвистического профиля // Профессиональное иноязычное образование в контексте инноваций XXI века : сб. ст. Барановичи : БарГУ, 2025. С. 111-120.
10. *Павлова И.П.* Диагностика когнитивных стилей в эпоху информационной перегрузки // Когнитивные исследования. 2023. № 5. С. 51–65.
11. *Семеновских Т. В.* Феномен «клипового мышления» в образовательном процессе / Т. В. Семеновских // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 1. С. 241-244.
12. *Сысоев П.В.* Обучение иностранному языку в цифровой среде: от теории к практике // Язык и культура. 2022. № 58. С. 179–198.
13. *Тоффлер Э.* Третья волна / Э. Тоффлер ; пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова [и др.]. – М. : АСТ, 2004. 781 с.
14. *Hall E. T.* The Dance of Life: The Other Dimension of Time / E. T. Hall. – New York : Anchor Press/Doubleday, 1983. 240 p. ISBN 978-0385179591.
15. *Mercimek B.* Multitasking Impairs Learning from Multimedia across Gifted and Non-Gifted Students [Текст] / B. Mercimek, Y. Akbulut, O. Dönmez, U. Sak // Educational Technology Research and Development. 2020. Vol. 68, No. 3. P. 995-1016.
16. *Pikhart M.* Cognitive Gain in Digital Foreign Language Learning [Электронный ресурс] / M. Pikhart, B. Klimova // Brain Sciences. 2023. Vol. 13, No. 7. P. 1074. Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC10376944/>. (дата обращения: 25.04.2026).
17. *Shpak N.O.* Systems thinking formation in the conditions of clip thinking influence on the process of foreign language teaching // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Vol. 15, No. 4. P. 319-338. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-4-596.

References

1. *Borisov, A.M.* (2025). Grammatical transfer based on an enlarged didactic unit as a condition for adapting clip thinking. In Science, Education, Technologies in the Era of Global Transformation: A Monograph (pp. 4–22). Petrozavodsk: MTsNP “NOVAYA NAUKA”.
2. *Borshchenko, G.M.* (2024). Microlearning in teaching foreign languages under the principles of competency-based approach. Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal “Kontsept”, (05), ART 241059, 1–11. <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2024-11059>
3. *Girenok, F.I.* (2014). Metafizika pata (kosnoyzychie ustalogo cheloveka) [Metaphysics of stalemate (the tongue-tied speech of a weary man)]. Moscow: Labirint. 368 p.
4. *Girenok, F.I.* (2016). Klipovoe soznanie [Clip consciousness]. Moscow: Prospekt. 256 p.
5. *Digtyar, O.Yu.* (2026). Mikroobuchenie (Microlearning) v nepreryvnom yazykovom obrazovanii: fragment kak strategiya [Microlearning in continuous language education: the fragment as a strategy]. Moscow:

Financial University under the Government of the Russian Federation. Retrieved April 25, 2026, from <https://www.fa.ru/university/structure/university/uso/press-service/press-releases/mikroobuchenie-micro-learning-v-nepreryvnom-yazykovom-obrazovanii-fragment-kak-strategiya>

6. *Zebrova, O.* (2025, February 3). Mnoga bukav, ne osilil: kak uluchshit' rabotu mozga i navyk chteniya [Too many words, couldn't handle it: how to improve brain function and reading skills]. Tul'skaya sluzhba novostey. Retrieved April 25, 2026, from https://www.tsn24.ru/2025/02/03/325255-mnoga-bukav-ne-osilil-kak-uluchshit-rabotu-mozga-i-navyk-chteniya-chtoby-nakonets-to-perestat-videt-/?sphrase_id=446631

7. Issledovanie fenomena klipovogo myshleniya v pedagogicheskoy nauke [The study of the clip thinking phenomenon in pedagogical science]. (2025). In *Pedagogicheskiy storitelling kak effektivnaya tekhnika formirovaniya inoyazychnoy kompetentnosti starsheklassnikov* [Pedagogical storytelling as an effective technique for developing foreign language competence in high school students]. Retrieved April 24, 2026, from <https://urok.1sept.ru/publication/209440>

8. *Kostina, N.I., & Mozhaeva, G.V.* (2021). Microlearning as a trend in modern digital didactics. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 30(8–9), 145–155.

9. *Lobkovskaya, E.A., & Bulataya, E.V.* (2025). Ways of overcoming clip thinking among students of linguistic profile. In *Professional'noe inoyazychnoe obrazovanie v kontekste innovatsiy XXI veka* [Professional foreign language education in the context of 21st century innovations] (pp. 111–120). Baranovichi: BarGU.

10. *Pavlova, I.P.* (2023). Diagnostics of cognitive styles in the era of information overload. *Kognitivnye issledovaniya* [Cognitive Research], (5), 51–65.

11. *Semenovskikh, T.V.* (2013). The phenomenon of “clip thinking” in the educational process. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education], (1), 241–244.

12. *Sysoev, P.V.* (2022). Teaching a foreign language in a digital environment: From theory to practice. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], (58), 179–198.

13. *Toffler, A.* (2004). *The Third Wave* (K. Yu. Burmistrova et al., Trans.). Moscow: AST. 781 p.

14. *Hall, E.T.* (1983). *The Dance of Life: The Other Dimension of Time*. New York: Anchor Press/Doubleday. 240 p. ISBN 978-0385179591.

15. *Mercimek, B., Akbulut, Y., Dönmez, O., & Sak, U.* (2020). Multitasking impairs learning from multimedia across gifted and non-gifted students. *Educational Technology Research and Development*, 68(3), 995–1016.

16. *Pikhart, M., & Klimova, B.* (2023). Cognitive gain in digital foreign language learning. *Brain Sciences*, 13(7), 1074. Retrieved April 25, 2026, from <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC10376944/>

17. *Shpak, N.O.* (2024). Systems thinking formation in the conditions of clip thinking influence on the process of foreign language teaching. *Russian Journal of Education and Psychology*, 15(4), 319–338. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2024-15-4-596>

Статья поступила в редакцию: 30.04.2026.

Статья принята к публикации: 06.05.2026.

Received: 30.04.2026.

Accepted: 06.05.2026.

ИННОВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА

Гаджиев Саид Сираджаддин¹,
аспирант кафедры экономики и финансов,
e-mail: saiidsiraj@gmail.com

Ложкина Светлана Леонидовна¹,
доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и финансов,
e-mail: sl104@mail.ru

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье исследуется эволюция инновационной деятельности предприятий промышленного сектора в контексте ответа на вызовы цифровизации, экологизации и глобальной конкуренции. Целью работы является выявление и систематизация доминирующих стратегических моделей инновационного развития на основе анализа эмпирических данных по отраслевой инновационной активности и кейсов ведущих компаний. Методология включает сравнительный анализ статистических показателей, case-study анализ корпоративных стратегий («Роснефть», «Норникель», Sinochem Holdings) и синтез теоретических подходов к классификации инновационных стратегий. Результаты исследования подтверждают устойчивую положительную динамику инновационной активности в обрабатывающих отраслях России (23,7% в 2024 г.), демонстрируя ее отраслевую гетерогенность: лидируют производители высокотехнологичной продукции (авиационно-космическая отрасль – 52,9%, компьютерное и электронное оборудование – >40%). На основе кейс-анализа выделены и концептуализированы три доминирующие стратегические модели: 1) Цифрово-сервисная трансформация (переход к «продукту-как-услуге» с использованием AI и платформенных решений), 2) Технологический суверенитет в рамках ESG-повестки (фокус на собственные R&D и «зеленые» технологии для снижения экологического следа), 3) Гибридная модель стратегического слияния и диверсификации (консолидация активов и инвестиции в смежные высокотехнологичные сегменты). Несмотря на прогресс на микроуровне, системным ограничением, согласно данным Глобального инновационного индекса-2025 (60-е место России), остается низкая эффективность коммерциализации исследований и развития рынка. Делается вывод о необходимости дальнейшей адаптации стратегических моделей к отраслевой специфике при параллельном укреплении макроинституциональных условий для инноваций.

Ключевые слова: инновационная активность, промышленное предприятие, стратегическая модель, цифровая трансформация, сервитизация, ESG, технологический суверенитет, отраслевая гетерогенность, Глобальный инновационный индекс.

INNOVATIVE MODELS FOR THE DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

Gajiyev Said Sirajaddin¹,
graduate student of the Department of Economics and Finance,
E-mail: saiidsiraj@gmail.com

Lozhkina S.L.¹,
Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Finance,
e-mail: sl104@mail.ru

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The article examines the evolution of innovation activity of industrial sector enterprises in the context of responding to the challenges of digitalization, greening and global competition. The aim of the work is to identify and systematize the dominant strategic models of innovative development based on the analysis of empirical data on industry innovation activity and cases of leading companies. The methodology includes a comparative analysis of statistical indicators, a case study analysis of corporate strategies (Rosneft, Norilsk Nickel, Sinochem Holdings) and a synthesis of theoretical approaches to the classification of innovative strategies. The results of the study confirm the steady positive dynamics of innovation activity in Russia's manufacturing industries (23.7% in 2024), demonstrating its industry heterogeneity: manufacturers of high-tech products are in the lead (the aerospace industry – 52.9%, computer and electronic equipment – >40%). Based on the case analysis, three dominant strategic models are identified and conceptualized.: 1) Digital and service transformation (transition to «product-as-a-service» using AI and platform solutions), 2) Technological sovereignty within the framework of the ESG agenda (focus on proprietary R&D and «green» technologies to reduce the environmental footprint), 3) Hybrid model of strategic merger and diversification (consolidation of assets and investments in related high-tech segments). Despite the progress at the micro level, the low efficiency of commercialization of research and market development remains a systemic limitation, according to the Global Innovation Index-2025 (60th place in Russia). The conclusion is drawn about the need for further adaptation of strategic models to industry specifics while simultaneously strengthening the macro-institutional conditions for innovation.

Keywords: innovation activity, industrial enterprise, strategic model, digital transformation, servitization, ESG, technological sovereignty, industry heterogeneity, Global Innovation Index.

Отраслевая дифференциация инновационной активности: эмпирический срез. Данные за 2024 год свидетельствуют о сохранении позитивной динамики инновационного роста в России, обеспечиваемой преимущественно обрабатывающей промышленностью. Общий уровень инновационной активности в «обработке» достиг 23,7%, что почти вдвое превышает средний показатель по экономике (12,5%). Однако агрегированный показатель скрывает значительную отраслевую гетерогенность. Абсолютными лидерами выступают наукоемкие и высокотехнологичные сегменты: производство летательных и космических аппаратов (52,9%), компьютеров и периферийного оборудования (50,1%), машин и оборудования (42,3%), автотранспортных средств (41,4%), электрооборудования (40,4%). Такая дисперсия указывает на опосредующую роль отраслевых технологических траекторий и мер государственной поддержки, сфокусированных на импортозамещении и развитии экспортного потенциала [1].

Ниже приведены отрасли экономики с наибольшим уровнем инновационной активности организаций (рисунок 1).

Можно отметить тот факт, что меры государственной поддержки по привлечению инвестиций в разработку перспективных технологий, их внедрение и производство новой высокотехнологичной продукции с импортозамещающим или экспортным потенциалом способствовали увеличению затрат на инновационную деятельность.

Но для начала определим ключевые элементы дифференциации инновационных моделей. Использование технологий сервитизации, рассматриваемой как переход от продажи продукта к продаже «продукта + услуги» (servitisation) состоит в следующем:

1. Активное внедрение «зеленых технологий» – разработка экологических/устойчивых моделей инновационного развития, не приводящих к нарушениям баланса в окружающей среде.

2. Индустрия 4.0 – Цифровизация производства и соответствующих бизнес-моделей, внедрение сетей 5G и M2M (технологий, позволяющих устройствам обмениваться данными и взаимодействовать друг с другом без участия человека) для создания «умных» производств.

3. Платформенные решения, проявляющиеся в виде разработки гибких цепочек поставок, автоматизации рутинных задач, для повышения скорости и точности операций.

Рис. 1. Топ – 10 отраслей экономики по уровню инновационной активности организаций: 2024 (%)

Стоит отметить, что при построении моделей на перспективу формируется определенная стратегия развития предприятия. Так, в литературе выделяют три ключевые стратегии [2]:

1. Наступательная. Ориентирована на лидерство через инновации.
2. Защитная. Направлена на защиту существующих позиций на рынке.
3. Имитационная. Предполагает копирование и адаптацию успешных инноваций конкурентов.

И, соответственно, вытекающие из них организационные формы:

- малые инновационные предприятия (МИП) связывают науку и производство;
- бизнес-инкубаторы и технопарки предоставляют среду для развития новых идей и стартапов;
- центры трансфера технологий помогают коммерциализировать научные разработки;
- венчурные предприятия создаются для быстрого масштабирования инновационных проектов.

Мы понимаем, что ключевым фактором внедрения новых стратегий инновационного развития как организаций промышленной отрасли, так и всех остальных, является задача наращивания чистой прибыли и роста капитализации предприятия. Проведем анализ некоторых из них на предмет внедрения инновационных моделей развития.

На примере компании «Роснефть» мы видим, что развитие технологического потенциала – один из ключевых элементов корпоративной стратегии «Роснефть – 2030».

Виртуальный ассистент, внедряемый предприятием в рамках модели инновационного развития, работает на основе простых текстовых запросов, без сложного интерфейса и настроек, и активно используется для решения разнообразных задач, от геологии до проектирования разработки месторождений. Программа выполняет быстрый поиск и анализ информации в архивах, извлекает ключевые параметры, сопоставляет данные из разных источников, осуществляет подготовку документов и генерирует программные коды для расчетов. Наибольший эффект применения новой раз-

работки дает потребность в оперативной обработке значительных объемов неструктурированной информации, например, в процессе анализа исторических данных месторождений, длительное время находящихся в разработке.

За счет автоматизации рутинных процессов цифровой помощник в 5–10 раз ускоряет обработку информации, исключая возможность ошибок и обеспечивая гарантированную точность данных. Использование искусственного интеллекта ускоряет анализ промысловых данных и способствует принятию оптимальных решений [3].

В 2024 году «зеленые» инвестиции Компании составили 74 млрд. рублей и превысили уровень предыдущего года на 16%. Это привело к тому, что суммарно за последние три года данный показатель составил почти 200 млрд. рублей.

«Норникель» – российская горнометаллургическая компания, которая занимается поиском, добычей, обогащением и переработкой полезных ископаемых.

Рассмотрим ключевые элементы модели инновационного развития компании. Стоит отметить, что деятельность «Норникель» основывается на цифровизации, технологической независимости и ESG-повестке, что включает в себя автоматизацию процессов, создание экосистемы «озер данных», разработку собственных R&D-компетенций (знания и навыки, связанные с исследованием и разработкой (Research and Development), которые позволяют создавать новые продукты, технологии и улучшать существующие, обеспечивая долгосрочную конкурентоспособность компании) и внедрение высокотехнологичных решений для снижения выбросов. Компания фокусируется на повышении эффективности бизнеса, улучшении показателей устойчивого развития и обеспечении глобального технологического лидерства за счет развития собственных технологий и партнерской сети [4].

«Sinochem Holdings» – это крупнейшая китайская государственная химическая, нефтехимическая и агрохимическая компания, образованная путем слияния Sinochem Group и ChemChina в 2021 году. Компания занимается добычей и переработкой нефти, нефтехимией, агрохимией (через дочернюю компанию Syngenta Group), производством новых материалов и полимерных добавок, а также имеет подразделения в сферах недвижимости и финансов.

Модель инновационного развития Sinochem Holdings базируется на стратегическом слиянии с ChemChina, консолидации активов и инвестициях в новые материалы и сельское хозяйство. Компания фокусируется на инновациях в области промежуточных продуктов, новых материалов, полимерных добавок и семян, активно развивая свой портфель через приобретения, например, Syngenta Group [5].

В обиход с 2007 года внедрено понятие глобального инновационного индекса (ГИИ), который отражает состояние инновационной активности всей страны, базирующейся на деятельности компаний различных отраслей промышленности [6].

Так, ГИИ-2025 содержит результаты сопоставительного анализа инновационных систем 139 стран и их рейтинг по уровню инновационного развития.

В ГИИ-2025 Россия заняла 60-е место. Сильными сторонами инновационной системы России, согласно ГИИ-2025, традиционно выступают компоненты: человеческий капитал и наука (28-е место в общем рейтинге), развитие бизнеса (46 место) и результативность креативной деятельности (55 место).

Снижают общую эффективность инновационной деятельности в стране масштабы и использование результатов научно-технической и инновационной деятельности (62 место), а также недо-

статочный уровень таких композитных показателей, как развитие рынка (76 место), инфраструктура (76 место), институциональные условия и законодательная база.

ГИИ-2025 вновь возглавила Швейцария, закрепив свое лидерство благодаря сильным институтам и высокому уровню коммерциализации науки, за ней следуют Швеция и США. В первую десятку еще вошли Южная Корея, Сингапур, Великобритания, Финляндия, Нидерланды, Дания и Китай. Всех стран – лидеров рейтинга характеризует высокая интенсивность исследований и разработок (ИР) и заинтересованность частного сектора в инновациях, наличие институтов мирового уровня и сильная система образования. Также их отличает сбалансированность показателей результатов и ресурсов инноваций, что позволяет эффективно использовать имеющиеся ресурсы.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что инновационное развитие современных промышленных предприятий реализуется через сложные, комплексные стратегические модели, адаптируемые к отраслевой специфике и корпоративным целям. Выявлены три релевантные модели [7]:

- 1) цифрово-сервисная трансформация;
- 2) модель технологического суверенитета в ESG-контуре;
- 3) гибридная модель М&А и диверсификации.

Их эффективность на микроуровне (рост капитализации, операционная активность) подтверждается практикой ведущих компаний.

Однако долгосрочная устойчивость инновационного роста промышленного сектора в целом зависит не только от выбора корпоративной модели, но и от снятия макросистемных ограничений [8]. Приоритетными направлениями государственной политики должны стать не только прямая поддержка R&D, но и развитие институтов рынка, стимулирование частных инвестиций в инновации и создание условий для эффективной коммерциализации разработок. Только синхронизация микро- и макроуровней инновационной деятельности позволит преодолеть разрыв, фиксируемый глобальными рейтингами, и перевести инновационную активность предприятий в качественно новый этап развития национальной промышленности.

Список литературы

1. Ускорение инновационных процессов в российской экономике / Аналитическая информация Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ по основным показателям инновационной деятельности крупного и среднего бизнеса по итогам 2024 г: Электронный ресурс [<https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1083755626.pdf>] (дата обращения 05.02.2026).
2. Гохберг, Л.М. Инновационное развитие: методология, тренды, механизмы / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др. // М.: НИУ ВШЭ. Монография. 2024 / Аналитический доклад: Электронный ресурс [<https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/886073380.pdf>] (дата обращения 05.02.2026).
3. Клейнер, Г.Б. Промышленные экосистемы: теоретические основы и перспективы развития в России / Г.Б. Клейнер // Экономика и математические методы. – 2021. Т. 57, № 3. – С. 5–17.
4. Борисов С.А., Соменкова Н.С., Селезнева Н.В. Инновационное развитие предприятий обрабатывающей промышленности в условиях санкционных ограничений // Вестник Алтайской академии экономики и права. – № 5. 2023. С. 28-34. // Электронный ресурс [<https://sozd.duma.gov.ru/bill/727320-8>] (дата обращения 05.02.2026).
5. Ложкина, С.Л. Учет и анализ в условиях цифровой трансформации: новые подходы к оценке эффективности бизнес-процессов организации / С. Л. Ложкина, Е. В. Новикова, Г. З. Тищенко // Вестник Академии знаний. – 2025. – № 5(70). – С. 228-233. – EDN DDAVDX.
6. Цукерман, В. А., Горячевская, Е.С. Инновационное развитие промышленности регионов Арктики: проблемы и перспективы// Цукерман В.А., Горячевская Е.С., Бабкин А.В., Жаров В.С., Заенчков-

ский А.Э., Иванов С.В., Кириллова А.А., Козлов А.А., Козлов А.В., Мешалкин В.П., Пилясов А.Н. // монография 2022 // Электронный ресурс [<https://studfile.net/preview/21465306/>] (дата обращения 06.02.2026).

7. *Иванов К.И., Гордиенко М.С.* Влияние ESG-трансформации на систему детерминант инвестиционного потенциала промышленных предприятий /Иванов К.И., Гордиенко М.С. // *Управленческий учет* № 2 (2025)/ Электронный ресурс [<https://uprav-uchet.ru/index.php/journal/article/view/5096>] (дата обращения 05.02.2026).

8. *Ложкина, С.Л.* Моделирование целевых ориентиров устойчивости компании в условиях реализации концепции устойчивого развития / С. Л. Ложкина, А. А. Новиков, П. А. Мокрушин // *Экономические и гуманитарные науки.* – 2024. – № 2(385). – С. 68-79. – DOI 10.33979/2073-7424-2024-385-2-68-79. – EDN PVQILU.

References

1. Acceleration of Innovation Processes in the Russian Economy. Analytical report by the Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge (ISSEK), HSE University, on key indicators of innovation activity of large and medium-sized businesses based on 2024 results. Available at: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1083755626.pdf> (accessed: 05 February 2026).

2. *Gokhberg, L.M., Ditkovsky, K.A., Evnevich, E.I., et al.* Innovation Development: Methodology, Trends, Mechanisms. Moscow: HSE University, 2024. Analytical report. Available at: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/886073380.pdf> (accessed: 05 February 2026).

3. *Kleiner, G.B.* Industrial Ecosystems: Theoretical Foundations and Prospects for Development in Russia. *Economics and Mathematical Methods*, 2021, Vol. 57, No. 3, pp. 5–17.

4. *Borisov, S.A., Somenkova, N.S., Selezneva, N.V.* Innovative Development of Manufacturing Enterprises under Sanctions Restrictions. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2023, No. 5, pp. 28–34. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/727320-8> (accessed: 05 February 2026).

5. *Lozhkina, S.L., Novikova, E.V., Tishchenkova, G.Z.* Accounting and Analysis in the Context of Digital Transformation: New Approaches to Evaluating the Efficiency of Business Processes. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2025, No. 5(70), pp. 228–233. EDN: DDAVDX.

6. *Tsukerman, V.A., Goryachevskaya, E.S., Babkin, A.V., Zharov, V.S., Zaenchkovsky, A.E., Ivanov, S.V., Kirillova, A.A., Kozlov, A.A., Kozlov, A.V., Meshalkin, V.P., Pilyasov, A.N.* Innovative Development of Industry in the Arctic Regions: Problems and Prospects. Monograph, 2022. Available at: <https://studfile.net/preview/21465306/> (accessed: 06 February 2026).

7. *Ivanov, K.I., Gordienko, M.S.* The Impact of ESG Transformation on the System of Determinants of Investment Potential of Industrial Enterprises. *Management Accounting*, 2025, No. 2. Available at: <https://uprav-uchet.ru/index.php/journal/article/view/5096> (accessed: 05 February 2026).

8. *Lozhkina, S.L., Novikov, A.A., Mokrushin, P.A.* Modeling Target Sustainability Benchmarks of a Company within the Framework of Sustainable Development Concept. *Economic and Humanitarian Sciences*, 2024, No. 2(385), pp. 68–79. DOI: 10.33979/2073-7424-2024-385-2-68-79. EDN: PVQILU.

Статья поступила в редакцию: 14.03.2026.

Received: 14.03.2026.

Статья принята к публикации: 13.05.2026.

Accepted: 13.05.2026.

ОПТИМИЗАЦИЯ НАСТАВНИЧЕСТВА В ОРГАНАХ ВЛАСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Гончаров Кирилл Михайлович¹,
магистрант,
e-mail: hicicamori25.10@gmail.com

Анфимова Анна Юльевна¹,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
e-mail: ladyannstyle@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4402-8323

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье анализируется проблематика выполнения должностных обязанностей рядовым составом государственных служащих в региональных и федеральных органах власти. Рассматриваются следующие проблемы: делегирование рабочих функций внутри структурных подразделений, отсутствие системности в деятельности сотрудников, как результат более долгое и сложное обучение новых кадров, а также эмоциональной усталости сотрудников вследствие высокого уровня нагрузки на работе. В работе представлены эффективные пути решения указанных проблем посредством структурирования рабочих процессов, что позволит повысить производительность как отдельно взятого сотрудника, так и отдела в целом. Цель исследования – сформировать внутренний механизм оптимизации разделения труда в структурных подразделениях региональных и федеральных органов власти, а также разработать универсальную систему профессиональной адаптации и обучение сотрудника на рабочем месте. Методологическую основу составили системный и институциональный подходы, а также методы статистического и сравнительного анализа. Эмпирическую базу исследования сформировали данные, полученные из федеральных органов исполнительной власти. Основные результаты исследования заключаются в разработке оптимальной системы организации работы в структурных подразделениях региональных и федеральных органов власти и апробации данной системы в качестве эксперимента на отдельно взятом структурном подразделении. Полученные выводы могут быть использованы органами государственной власти и местного самоуправления при разработке программ профессионального обучения специалистов подразделений региональных органов власти, а также при разработке программы оптимизации работ исполнительных органов власти в целом.

Ключевые слова: работа органов власти, структурные подразделения, эффективность экономики, управленческие кадры, молодой специалист, оплата труда, региональные органы власти.

OPTIMIZING MENTORING IN GOVERNMENT AS A TOOL FOR IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF REGIONAL ECONOMIC POLICY

Goncharov K.M.¹,
Master's student,
e-mail: hicicamori25.10@gmail.com

Anfimova A.Yu.¹,*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of State and Municipal Management,**e-mail: ladyannstyle@mail.ru**ORCID: 0000-0003-4402-8323**¹ ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia*

The article analyzes the problems of the performance of official duties by ordinary civil servants in regional and federal authorities. The following problems are considered: delegation of work functions within structural divisions, lack of consistency in the activities of employees, as a result of longer and more complex training of new personnel, as well as emotional fatigue of employees due to the high level of workload at work. The paper presents effective ways to solve these problems by structuring work processes, which will increase the productivity of both an individual employee and the department as a whole. The purpose of the study is to form an internal mechanism for optimizing the division of labor in the structural divisions of regional and federal authorities, as well as to develop a universal system of professional adaptation and employee training at the workplace. The methodological basis is based on systemic and institutional approaches, as well as methods of statistical and comparative analysis. The empirical basis of the study was formed by data obtained from federal executive authorities. The main results of the study are the development of an optimal system for organizing work in the structural divisions of regional and federal authorities and the testing of this system as an experiment on a single structural unit. The findings can be used by public authorities and local governments in the development of professional training programs for specialists of regional government departments, as well as in the development of a program to optimize the work of executive authorities as a whole.

Keywords: government work, structural divisions, economic efficiency, managerial personnel, young specialist, remuneration, regional authorities.

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время в системе государственной службы ощущается большой дефицит профессиональных кадров¹. Особенно остро это проявляется в системе управления региональной экономикой. Молодые специалисты, оканчивающие профильные вузы, не очень охотно едут в регионы. Помимо проблем низкого уровня оплаты труда на региональном уровне, остро стоит жилищный вопрос, а также наличие комфортной среды проживания. Особую проблему составляет профессиональная адаптация молодых сотрудников на новом рабочем месте [3]. Между тем, для эффективного управления регионом крайне важны грамотные молодые кадры, умеющие применять современные механизмы управления, владеющие в полной мере информационными технологиями, которыми старшее поколение часто владеет на недостаточном уровне. Целью настоящего исследования является выявление причин этих проблем и разработка механизмов нивелирования их последствий.

В настоящее время в Российской Федерации особое внимание уделяется подготовке современных управленческих кадров для системы государственного и регионального управления. Более 100 государственных и негосударственных вузов готовят специалистов для системы государственного управления и региональной экономики². Но кадров не хватает во всех отраслях государственной экономики. Выпускники вузов также не спешат идти работать по профилю. Знания, полученные в период получения высшего образования, не всегда могут быть применены в практической деятель-

¹ Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 N 79-ФЗ. Система Консультант-Плюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 10.04.2026)

² В России не хватает чиновников – их теперь ищут на сайтах по поиску работы FB.ru URL: <https://fb.ru/post/recruitment/2025/3/12/411671?usclid=more9hh18m512746774> (дата обращения: 12.04.2026)

ности, ввиду специфических особенностей деятельности конкретного учреждения. Это происходит в силу ряда причин.

Во-первых, быстрый темп изменений в работе структур. Очень часто обстоятельства складываются так, что за один календарный сезон меняются или издаются новые нормативно-правовые акты, которые очень сильно изменяют и суть работы, и саму работу отделов федеральных органов исполнительной власти.

Во-вторых, достаточно высокий уровень смены кадров, так называемая «текучка кадров», это вызвано большой нагрузкой на сотрудников, а также достаточно низким уровнем денежного обеспечения (рис. 1), что ведёт к психологическим расстройствам и болезням, самое распространённое из которых – эмоциональное выгорание.

Размеры месячных должностных окладов, ежемесячных надбавок к должностному окладу за особые условия гражданской службы и ежемесячных денежных поощрений федеральных государственных гражданских служащих в соответствии с замещаемыми ими должностями федеральной государственной гражданской службы

Группа	Наименование должности	Должностной оклад (руб.)*	Ежемесячное денежное поощрение (коэффициент)	Ежемесячная надбавка за особые условия (% от должностного оклада)
Высшая	Первый заместитель Министра, заместитель Министра	34 941	3,5	150-200
	Директора департамента	32 157	1,9	150-200
	Заместитель директора департамента	30 919	1,4	150-200
	Помощник Министра	30 919	1,4	150-200
	Советник Министра	30 919	1,4	150-200
Главная	Начальник отдела	27 206	1,2	120-150
	Заместитель начальника отдела	26 285	1,2	120-150
	Начальник отдела в департаменте	26 285	1,2	120-150
	Референт	25 672	1	120-150
Ведущие	Заместитель начальника отдела в департаменте	22 888	0,9	90-120
	Ведущий советник	22 579	0,9	90-120
	Советник	22 262	0,9	90-120
	Ведущий консультант	21 959	0,9	90-120
	Консультант	21 650	0,9	90-120
Старшая	Главный специалист-эксперт	19 797	0,9	60-90
	Ведущий специалист-эксперт	17 944	0,9	60-90
	Специалист-эксперт	16 084	0,9	60-90
	Старший специалист 1 разряда	16 084	0,9	60-90
Младшая	Специалист 1 разряда	13 612	0,9	до 60
	Специалист 2 разряда	11 758	0,9	до 60

Рис. 1. Размеры месячных должностных окладов в Минстрой России³

³ Электронный портал Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства – URL: www.minstroyrf.gov.ru/ (дата обращения: 10.04.2026)

Эмоциональное выгорание сотрудника – это синдром сильного эмоционального, физического и психического истощения, который возникает из-за хронического стресса на рабочем месте, с которым человек не смог справиться. Это состояние официально признано медициной: в 2022 году Всемирная организация здравоохранения [7]. Многие молодые сотрудники до 30-ти лет, которые приходят на государственную службу открыто говорят, что они пришли сюда не ради карьеры и денег, а для того что бы посмотреть и набраться опыта, как работает система и далее уйти в коммерческий сектор.

Финансовой составляющей сотрудников государственной службы являются оклады, премии и надбавки к окладам, за счёт которых в основном и живут служащие⁴. При этом рядовые сотрудники, то есть специалисты 1-го и 2-го разряда получают до 60 тысяч рублей, что является достаточно низкой заработной платой⁵, (которая по Москве, например, составляет 161 тысячу рублей)⁶ и это вознаграждение не соответствует нагрузке по работе, которую они выполняют. В сумме получается относительно малая заработная плата по региону. Федеральные органы исполнительной власти работают на территории всей Российской Федерации, но по факту большая их часть находится на территории города Москвы, где прожиточный минимум 23 тысячи на взрослого человека и 20 тысяч на ребёнка⁷, при этом на 2025 год средний возраст госслужащего в России 40 лет [6]. К этому моменту люди заводят семью, у них уже есть дети и домохозяйство, которых так же необходимо содержать [1]. Вдобавок, к низкой заработной плате прибавляется ненормированный рабочий график, который подразумевает собой высокий уровень нагрузки на сотрудника, а именно: начало работы раньше положенного, задержки после окончания рабочего дня.

В-третьих, важен политический аспект: граждане Российской Федерации видят перед собой одну картину мира, а у государственных служащих в отчётах совсем другая картина того что есть по факту. Также у гражданина России представление о государственной службе отличится от того, что имеется фактически [4], – на экране телевизора или смартфона представлена красивая картинка заседаний и статусных людей, а по факту это сотни офисных сотрудников, которые готовят материалы для отчётов и совещаний.

К перечисленным факторам следует добавить, что у всех региональных структурных подразделений есть объём работы, который является постоянным, например, работа с документами, работа в плане организации мероприятий, сбора участников и подготовки совещаний, процесса трудоустройства, или увольнения⁸. Это постоянный вид деятельности отдела и базовые виды работ на уровне отделов и департаментов, выполняемые по регламенту, который крайне редко меняется⁹.

⁴ Электронный портал/ КонсультантПлюс/ Главная/Документы/ Справочная информация: «Среднемесячная заработная плата в целом по Российской Федерации» (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс по данным Росстата) / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326052/ (дата обращения: 10.04.2026)

⁵ Электронный портал/ ГородРаботу.ru/ Главная/ Статистика зарплат за год/ Москва/ Статистика рынка труда в Москве / URL: <https://moskva.gorodrabot.ru/salaries> (дата обращения: 10.04.2026)

⁶ Оплата труда федеральных государственных гражданских служащих URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/about/public-service/oplata-truda-federalnykh-gosudarstvennykh-grazhdanskikh-služhashchikh/> (дата обращения: 10.04.2026)

⁷ Постановление правительства Москвы от 5 ноября 2024 г. № 2482-ПП «Об установлении величины прожиточного минимума в городе Москве на 2025 год» URL: 2482-ПП.pdf – Текст : электронный.

⁸ Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации № 243/пр от 16.05.2014 г «Об утверждении примерных должностных регламентов федеральных государственных гражданских служащих Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации» URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/11132/> (дата обращения: 10.04.2026)

⁹ Информационный портал Минстроя РФ / О министерстве / Департаменты/ Административный регламент URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/about/d/administrativnyy-departament/> (дата обращения: 10.04.2026)

Таким образом, в системе гражданской службы в регионах можно выделить следующие проблемы:

1. Высокий темп смены кадров из-за трудности работы: не понимание сути работы и высокая нагрузка умственная и физическая.
2. Низкий уровень оплаты труда.
3. Недоверие к органам власти населения и непонимание их работы и деятельности.

Из всех выше перечисленных проблем самым быстрым и эффективным решением будет не поднятие финансового довольствия государственных служащих, так как сотрудники все равно будут уходить туда, где условия лучше, даже на более низкие зарплаты, а процесс оптимизации работы и обучение уже непосредственно на месте.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОПТИМИЗАЦИИ ОБУЧАЮЩЕГО ПРОЦЕССА СОТРУДНИКОВ

Для того чтобы оптимизировать процесс надо понять, как правильно организовать работу отделов. Надо учитывать, что каждый сотрудник отвечает за свою конкретную задачу или за не большой пул задач. При этом стоит учитывать тот факт, что при работе в отделе важно определить приоритетно, что должно идти на первый план. Чтобы руководитель избежал превышения нагрузки на одного сотрудника, важно правильно делегировать полномочия и обязанности в отделе. Из сотрудника можно сделать универсального исполнителя, который будет поверхностно знать и понимать всю работу отдела и все процессы, за которые отдел отвечает, но при этом такой сотрудник не будет знать определённых тонкостей работы. Так же стоит учитывать, что это за тонкости работы – это нюансы и мелкие детали, которые не видны с стороны. При выполнении базовой работы на каждодневной основе, человек доводит её до автоматизма и выполняет мелкие детали механически, не задумываясь об их важности, точно так же и в оформлении документов. Речь идёт о механическом исполнении деятельности, которое возникает, когда человек выполняет задачи без глубокого понимания их смысла, не видит связи между целями, действиями и конечным результатом.

При всем выше сказанном, стоит учитывать, что человек, который много работает в режиме многозадачности, рассчитывает на то, что он будет много зарабатывать, но не у всех организаций под такой режим рассчитан бюджет. Так же стоит учитывать эмоциональный аспект здоровья сотрудников, чем больше человек выполняет задач, тем быстрее (если он работает в режиме многозадачности, то есть выполняет сразу несколько задач одновременно) сотрудник с большей вероятностью получит эмоциональное выгорание. Состояние эмоционального, умственного и физического истощения, вызывает длительный стресс. По сути, это механизм психологической защиты: психика «притупляет» эмоции в ответ на травмирующие или напряжённые обстоятельства.

Все выше перечисленные проблемы ведут к понижению уровня эффективности, как и отдельно взятого сотрудника, так и к понижению эффективности работы всего отдела [5].

Для решения данной проблемы необходимо максимально оптимизировать рабочий и обучающий процесс. Сама суть предложения заключается в том, чтобы прописать работу отдела в виде пошаговой инструкции – плаката (рис. 2).

Во-первых, плакат один из древнейших способов взаимодействия и общения людей, и наиболее понятный.

Во-вторых, пошаговая прорисовка создания мероприятия или документа укрепит память тех сотрудников, которые ответственны за мероприятие или направление в отделе.

В-третьих, плакат-инструкция, это игровая форма общения между сотрудниками. Она упростит процесс обучения новых сотрудников и будет выступать памяткой для опытных работников.

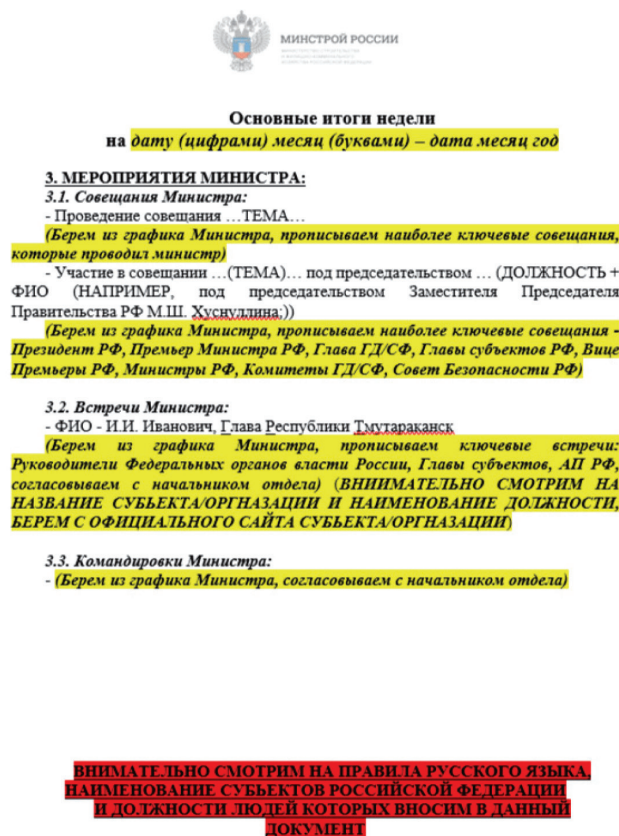

Рис. 2. Схема инструкция по созданию документа – «Итоги за неделю»

Источник: составлено авторами

Дополнительно, такая система уберёт разногласия и недопонимания в работе коллектива, в процессе обучения новых сотрудников [2]. Молодой специалист может сослаться на то, что его не обучали составлению документа или подготовке мероприятия, и что он не знает, как выполнить поставленную задачу, тем самым будет выявлена ложная недоработка старшего сотрудника, наставника. Плакат-инструкция нивелирует данную проблему, так как инструкция, что как делать (рис. 3) висит в кабинете на видном месте, и молодой специалист может в любое время её изучить для выполнения поставленной задачи. Помимо этого, данная система уберёт разногласия в вопросе выполнения задачи между сотрудниками и руководством. Такой единый стандарт под каждое мероприятие, должен быть утверждён руководством, и эта мера также сократит разногласия в коллективе.

Помимо всего выше сказанного, можно вспомнить опыт предприятий общепита, например, McDonald's, Burger King, KFC или Lego, IKEA, где простыми, но понятными картинками-инструкциями показано, что можно делать, а что нельзя, чтобы получить необходимый результат.

В случае работы с документами, можно также использовать систему плакатов. На данном информационном плакате будет размещен документ-образец с выделением ключевых пунктов, а также неизменяемых пунктов. Кроме того, в нем будут систематизированы сведения о том какие данные, в какой форме, и в какие разделы документа необходимо вносить (рис. 4). Одним из самых лучших примеров данной методики могут стать МФЦ, поликлиники и прочие места, где гражданину необходимо заполнить тот или иной документ самостоятельно.

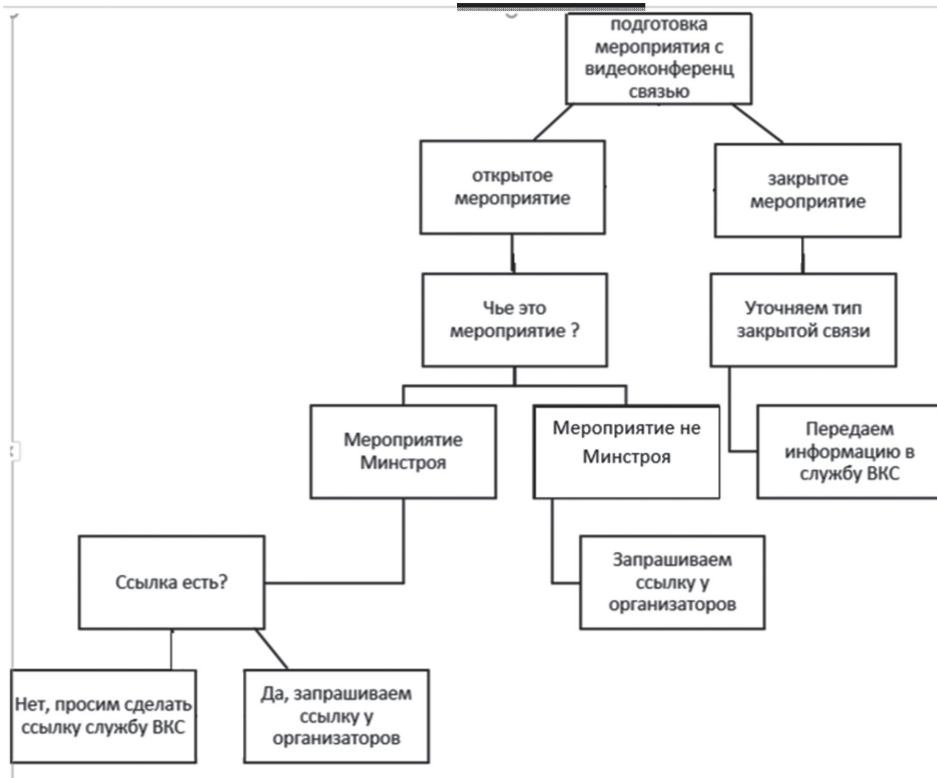

Рис. 3. Пример превращение процесса запроса ссылки для Видеоконференции в пошаговый алгоритм действий
 Источник: составлено авторами

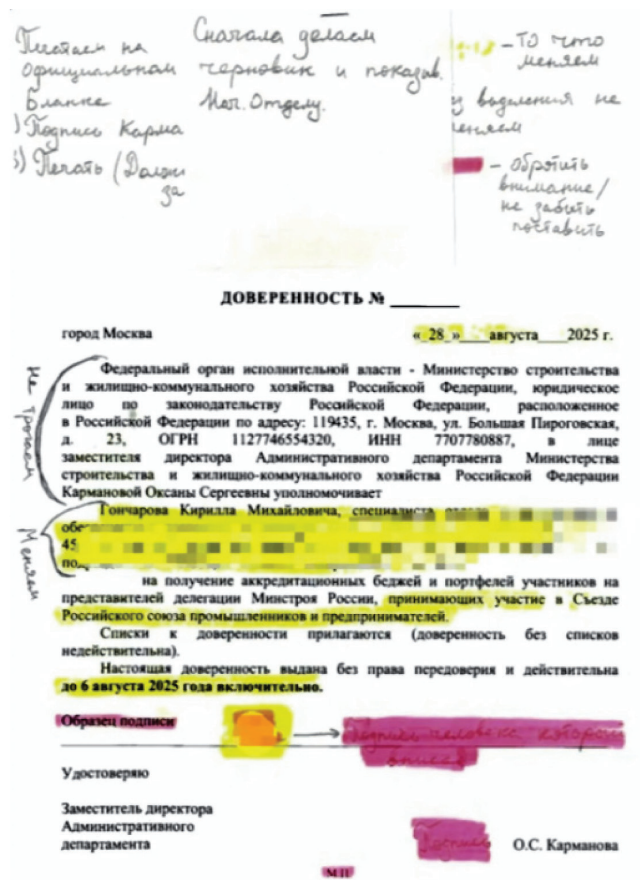

Рис. 4. Образец документа – Доверенность на получение аккредитации
 Источник: составлено авторами

Таким образом, можно рутинную деятельность трансформировать в структурированный процесс, напоминающий работу с конструктором, где каждое задание представлено в виде набора чётко определённых элементов. Данные плакаты станут системой подсказок для опытных сотрудников, а также снимут с них нагрузку по многократному объяснению одного и того же новым сотрудникам, а для новых сотрудников данная система станет наглядным пособием того, как работает и функционирует отдел.

На примере данной программы можно провести эксперимент, сначала на уровне отдела, посмотреть – на сколько вырастет производительность труда отдельно взятой ячейки структуры, далее – на уровне управления или департамента регионального органа власти, а затем на самом верхнем уровне федерального органа власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проанализировав основные причины нежелания молодых кадров поступать на государственную службу в региональные органы власти, были выявлены основные тормозящие факторы, а также разработаны механизмы оптимизации трудового процесса. Предложена универсальная программа унификации документооборота, которая будет полезна как старшим сотрудникам региональных подразделений, так и молодым специалистам. Данная программа способствовать:

1. Оптимизации рабочего процесса отделов и управлений в региональных и федеральных органах власти.

2. Оптимизации, упрощению и ускорению обучающего процесса новых кадров во всех органах власти.

3. Более быстрому втягиванию новых сотрудников в рабочие процессы за счёт оптимизации и упрощения работы.

4. Снятие нагрузки на кадры, которые уже работают в органах власти.

5. Ускорение процесса обучения кадров, которые идут на повышение.

6. В дальнейшем, в ходе развития программы, это приведёт к единообразию документов внутри различных органов власти и на межведомственном и межрегиональном уровне.

7. За счёт единообразия документов сотрудники будут лучше понимать, за какое конкретно направление отвечает тот или иной отдел внутри организации.

При всех выше сказанных плюсах оптимизации процесса, стоит заметить, что данная программа не настроена на финансовые вложения и большие ресурсные затраты, а в первую очередь, на структурирование, делегирование рабочих обязанностей внутри самих отделов силами самого отдела. Предложенный механизм поможет органам власти всех уровней оптимизировать свою работу и удержать молодых специалистов в регионах.

Список литературы

1. *Анфимова А.Ю.* Совершенствование системы социальной поддержки граждан в рамках национального проекта «Демография» // Вестник Московского Международного университета. – 2024. – № 2 (2). – С 11-15. – Текст : непосредственный.

2. *Анфимова А.Ю., Кирнарская С.В.* Ресурсные составляющие профессионализма будущих руководителей: развитие в процессе командообразования и проектной деятельности // Муниципальная Академия. – 2021. – № 1. – С. 2-1. – Текст : непосредственный.

3. *Кирнарская С.В., Анфимова А.Ю.* Особенности способов мышления и информационного поведения руководителей при решении командных задач // Муниципальная Академия. – 2024. – № 2. – С. 330-339. – Текст : непосредственный.

4. Нечаева Т.В. «Что такое госслужба?» // URL: https://www.consultant.ru/edu/news/interview/v_pomosh_studentu/gossluzhba/nechaeva/ (дата обращения: 10.04.2026) – Текст : электронный.
5. Склепович, М.В. Механизмы разрешения конфликтов в системе государственного и муниципального управления / М.В. Склепович. – Луганск: ЛГУ им. В. Даля. – 2023. – 150 с. – Текст : непосредственный.
6. Формирование эффективной системы государственного управления на современном этапе развития: коллективная монография / М-во образования и науки Луган. Нар. Республики, Луган. гос. ун-т им. В. Даля; под ред. А.Е. Пожидаева. Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля. – 2023. – 324 с. – Текст : непосредственный.
7. Шуванов И.Б. Особенности эмоционального выгорания сотрудников организации: теоретический аспект / И. Б. Шуванов. Текст: электронный // Скиф. Вопросы студенческой науки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-emotsionalnogo-vygoraniya-sotrudnikov-organizatsii-teoreticheskii-aspekt/viewer> (дата обращения: 16.04.2026). – Текст : электронный.

References

1. Anfimova, A.Yu. (2024). Improving the system of social support for citizens within the national project «Demography.» *Bulletin of Moscow International University*, (2(2)), 11–15.
2. Anfimova, A.Yu., & Kirnarskaya, S.V. (2021). Resource components of the professionalism of future managers: Development through team building and project activities. *Municipal Academy*, (1), 2–11.
3. Kirnarskaya, S.V., & Anfimova, A.Yu. (2024). Features of thinking styles and information behavior of managers when solving team tasks. *Municipal Academy*, (2), 330–339.
4. Nechaeva, T.V. What is civil service? Retrieved April 10, 2026, from https://www.consultant.ru/edu/news/interview/v_pomosh_studentu/gossluzhba/nechaeva/
5. Sklepovich, M.V. (2023). *Mechanisms for resolving conflicts in the system of state and municipal management*. Lugansk: Lugansk State University named after V. Dahl. 150 p.
6. Pozhidaev, A.E. (Ed.). (2023). *Formation of an effective public administration system at the current stage of development: A collective monograph*. Ministry of Education and Science of the Luhansk People's Republic; Lugansk State University named after V. Dahl. Lugansk: LGU Publishing House. 324 p.
7. Shuvanov, I.B. Features of emotional burnout among organizational employees: A theoretical aspect. *Skif. Issues of Student Science*. Retrieved April 16, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-emotsionalnogo-vygoraniya-sotrudnikov-organizatsii-teoreticheskii-aspekt/viewer>

Статья поступила в редакцию: 03.05.2026.

Received: 03.05.2026.

Статья принята к публикации: 25.05.2026.

Accepted: 25.05.2026.

ЛИПЕЦКАЯ ОБЛАСТЬ: ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ТОЧКИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Гурова Ольга Андреевна¹,

магистрант отделения Национальной экономики,

e-mail: gurova.lg.15@yandex.ru

ORCID: 0009-0004-1454-6431

Наумова Полина Дмитриевна¹,

магистрант отделения Национальной экономики,

e-mail: polina.naumova.03@mail.ru

ORCID: 0009-0007-1942-0899

Новиков Александр Анатольевич²,

доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и финансов,

e-mail: a.novikov@mmti.ru

ORCID: 0000-0003-0503-7980

¹ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Москва, Россия

²АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

Актуальность исследования обусловлена вызовами современной макроэкономической обстановкой связанной с продолжающимся санкционным давлением на отрасли экономики России. Цель исследования найти и предложить точки опережающего развития для конкретного региона РФ – Липецкой области. Методологическую основу составили системный и институциональный подходы, методы сравнительного и статистического анализа. Эмпирическую базу исследования сформировали данные федеральной и региональной статистики, данные, представленные на официальном сайте Правительства Липецкой области, а также аналитические материалы в научных периодических изданиях. В статье рассматриваются основные аспекты инвестиционного потенциала Липецкой области, приводятся основные экономические показатели региона, выделяются позиции области в сравнении с другими субъектами Российской Федерации. Предлагаются точки опережающего роста для Липецкой области. Материалы статьи могут быть полезны органам государственной власти, научному сообществу при оценке и прогнозах регионального развития.

Ключевые слова: инвестиции, санкции, пандемия, структурная трансформация, субъект Российской Федерации, чёрная металлургия, сельское хозяйство, новые вызовы и возможности.

LIPETSK: INVESTMENT POTENTIAL AND PRIORITY DEVELOPMENT POINTS

Gurova O.A.¹,

Graduate student of the Department of National Economics,

e-mail: gurova.lg.15@yandex.ru

ORCID: 0009-0004-1454-6431

Naumova P.D.¹,

Graduate student of the Department of National Economics,

e-mail: polina.naumova.03@mail.ru

ORCID: 0009-0007-1942-0899

Novikov A.A.²,*doctor of economics, associate professor, head of the department of economics and finance,**e-mail: a.novikov@mmu.ru**ORCID: 0000-0003-0503-7980*¹*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia*²*ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY*

The relevance of the study is due to the challenges of the current macroeconomic situation, which is caused by the ongoing sanctions pressure on Russia's economy. The purpose of the study is to identify and propose areas of advanced development for a specific region of the Russian Federation, namely the Lipetsk Region. The study is based on a systematic and institutional approach, as well as comparative and statistical analysis methods. The empirical base of the study includes data from federal and regional statistics, data provided on the official website of the Lipetsk Region Government, and analytical materials from scientific periodicals. The article discusses the main aspects of the Lipetsk Region's investment potential, provides the main economic indicators of the region, and highlights the region's position in comparison with other constituent entities of the Russian Federation. The article suggests factors for the Lipetsk Region's accelerated growth. The materials of the article can be useful for government authorities and the scientific community.

Keywords: investments, sanctions, pandemic, structural transformation, subject of the Russian Federation, ferrous metallurgy, agriculture, new challenges and opportunities.

ВВЕДЕНИЕ

За последние несколько лет экономика нашей страны претерпела значительные изменения макроэкономической среды, которые можно охарактеризовать как структурную трансформацию, ориентированную на импортозамещение и достижение технологического суверенитета не только в масштабе всей страны, но и на уровне отдельных регионов. На данном этапе вопросы инвестиционного развития и потенциала субъектов Российской Федерации приобретают особую значимость. Липецкая область всегда была уникальным регионом для исследования инвестиционной активности, последовательно демонстрируя высокие экономические показатели. В условиях ужесточения денежно-кредитной политики и общего замедления экономики на фоне роста инфляционного давления, исследования инвестиционной устойчивости и точек возможного опережающего развития представляют высокую научно-практическую ценность.

Липецкая область многие десятилетия остается одним из ключевых центров черной металлургии нашей страны. В период действия антироссийских санкций и реализации политики импортозамещения именно Липецкая область стала одним из базовых регионов России, ее «промышленным сердцем», обеспечивающим технологический суверенитет страны. Такой промышленный статус региона во многом определяет Новолипецкий металлургический комбинат (ПАО «НЛМК»), обеспечивающий порядка 18% общего объема производства стали в стране¹. Однако именно в доминировании одной из отраслей экономики кроется проблемность исследования региона с точки зрения возможного инвестиционного потенциала, который может обеспечить долгосрочное и устойчивое развитие Липецкой области [13, с. 442].

Целью исследования является анализ инвестиционного потенциала Липецкой области и оценка эффективности функционирования точек опережающего развития как инструментов диверсификации региональной экономики.

¹ Официальный сайт Группы НЛМК. URL: <https://nlmk.com/ru/> (дата обращения: 27.03.2026).

В современной экономической науке подходы к оценке инвестиционного потенциала регионов базируются на сочетании макроэкономического, инфраструктурного и институционального подходов, позволяющие выявить как количественные, так и качественные факторы, определяющие точки роста и закладывающие тренды опережающего развития территории. Основоположниками фундаментального регионального анализа в аспекте теории размещения промышленности принято считать немецкого экономиста и социолога А. Вебера [20]. Среди отечественных исследователей значительный вклад в развитие данной методологии внесли А.Г. Гранберг [2], Г.Б. Клейнер [6]. Современные инструменты оценки инвестиционного потенциала регионов в условиях экономической неопределенности предложены С.Г. Пеньковой, Л.А.-Н. Байжановой, [15]. Актуальные эмпирические исследования И.В. Мурадова по оценке корреляционной связи между динамикой инвестиций и валового регионального продукта обосновывают важность и значимость данного индикатора в качестве ключевой метрики оценки эффективности экономики региона [10].

Анализ темпов роста и прироста валового регионального продукта (ВРП) является одним из важнейших макроэкономических инструментов для проведения исследования экономики Липецкой области. Данный анализ прежде всего служит индикатором общего благосостояния и динамики развития региона, а также позволяет оценить интенсивность расширения инвестиционных возможностей и выявить общую тенденцию.

Проанализировав имеющиеся данные о валовом региональном продукте (ВРП) субъектов Центрального Федерального округа и России в целом за период с 2016 по 2023 годы, можно сделать следующие выводы о динамике ВРП Липецкой области и о месте, которое она занимает среди субъектов Российской Федерации (рис. 1).

Рис. 1. ВРП Липецкой области с 2016 по 2023 годы (в сопоставимых ценах), в млрд руб.²

В абсолютном выражении ВРП Липецкой области демонстрировал общий рост за рассматриваемый период с 501,3 млрд рублей в 2016 году до 950,3 млрд рублей в 2023 году. Однако динамика была волатильна, с заметными спадами в 2019 и 2022 годах и резкими скачками в 2021 и 2023 годах [3, с. 5]. Данная динамика может объясняться несколькими факторами. Во-первых, это скорее всего связано с цикличностью в промышленности, когда после спада наблюдается некоторое оживление, а во-вторых, с вызванными пандемией ограничениями и общим периодом восстановления экономики и ростом цен на сырьевые товары в постковидный период. В 2022 году заметно очередное снижение показателя

² Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 27.03.2026).

ВРП Липецкой области на фоне обострения геополитической ситуации и санкционного давления, оказавшего негативное влияние, в первую очередь, на экспортоориентированные производства.

Липецкая область стабильно занимает лидирующие позиции в рейтинге регионов Российской Федерации по валовому региональному продукту, уступая в Центральном Федеральном округе только Воронежской, Белгородской, Тульской и периодически Ярославской областям, а также Москве и Московской области, как наиболее развитым регионам нашей страны в целом (табл. 1).

Таблица 1

Доля ВРП Липецкой области в ВРП ЦФО и РФ³

	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Доля ВРП Липецкой области в ВРП ЦФО	1,93%	1,87%	1,94%	1,72%	1,81%	2,05%	1,68%	1,76%
Доля ВРП Липецкой области в ВРП РФ	0,68%	0,65%	0,67%	0,60%	0,65%	0,70%	0,56%	0,60%
Доля ВРП Липецкой области в ВРП ЦФО без учета Москвы и МО	8,13%	7,96%	8,44%	7,52%	7,84%	8,83%	7,62%	8,21%

Представленные в таблице 1 данные о доле и рейтинге ВРП Липецкой области свидетельствуют о ее устойчивом положении и достаточно специфической роли в экономической системе России. Вклад региона в экономику Центрального федерального округа и страны в целом остается стабильно значимым, несмотря на определенную волатильность, обусловленную структурой его хозяйства.

В регионе проживает около 1,1 млн человек, что в масштабе всей страны составляет менее 0,8% от всего населения Российской Федерации. И даже с учетом этого Липецкая область входит в топ-регионов по ключевым направлениям промышленности, что свидетельствует о высокой производительности и эффективности экономики, значительно превышающей среднероссийский уровень.

В структуре ВРП Липецкой области (рис. 2) основную роль играет промышленность. Вторая по значимости отрасль экономики региона – сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство. Эта сфера демонстрирует стабильный рост на протяжении всего периода (с 58,8 млрд руб. в 2016 году до 79,4 млрд руб. в 2023 году). При этом отрасль сельского хозяйства менее подвержена волатильности, чем обрабатывающий сектор, что позволяет балансировать экономику области [18, с.284]. Также в экономике региона поступательно возрастает вклад сектора услуг (торговля и операции с недвижимостью), который увеличился практически в два раза с 2016 года, что свидетельствует об опережающем развитии внутреннего потребительского спроса в регионе.

Анализ структуры промышленного производства Липецкой области показывает, что среди обрабатывающих отраслей основную долю занимает металлургическое производство (57,6%), на втором месте – производство пищевых продуктов (24,8%) [1, с.20], [14, с.64]. Доля иных отраслей промышленности в области незначительна и не превышает 3,8%. Прямая зависимость региона от металлургической отрасли делает экономику Липецкой области достаточно предсказуемой и уязвимой в периоды шоков.

Однако не стоит забывать о том, что регион серьезно зависим от экспортно-сырьевого сектора и напрямую коррелирует с изменениями в нем. К примеру, можно наблюдать пиковые значения для экономики региона в 2018 и 2021 годах, когда была благоприятная конъюнктура на мировом рынке [16, с. 291]. И, соответственно, напротив, в периоды общего спада в 2022 году Липецкая область продемонстрировала недостаточную диверсифицированность и серьезную зависимость от экспор-

³ Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 27.03.2026).

тно-сырьевого сектора, в первую очередь – металлургической промышленности. Поэтому экономический рост региона достаточно импульсивен, с ускорением в период роста цен на сырье и металлы и достаточно серьезным проседанием в менее благоприятные периоды.

ВРП Липецкой области по видам экономической деятельности в 2023 году

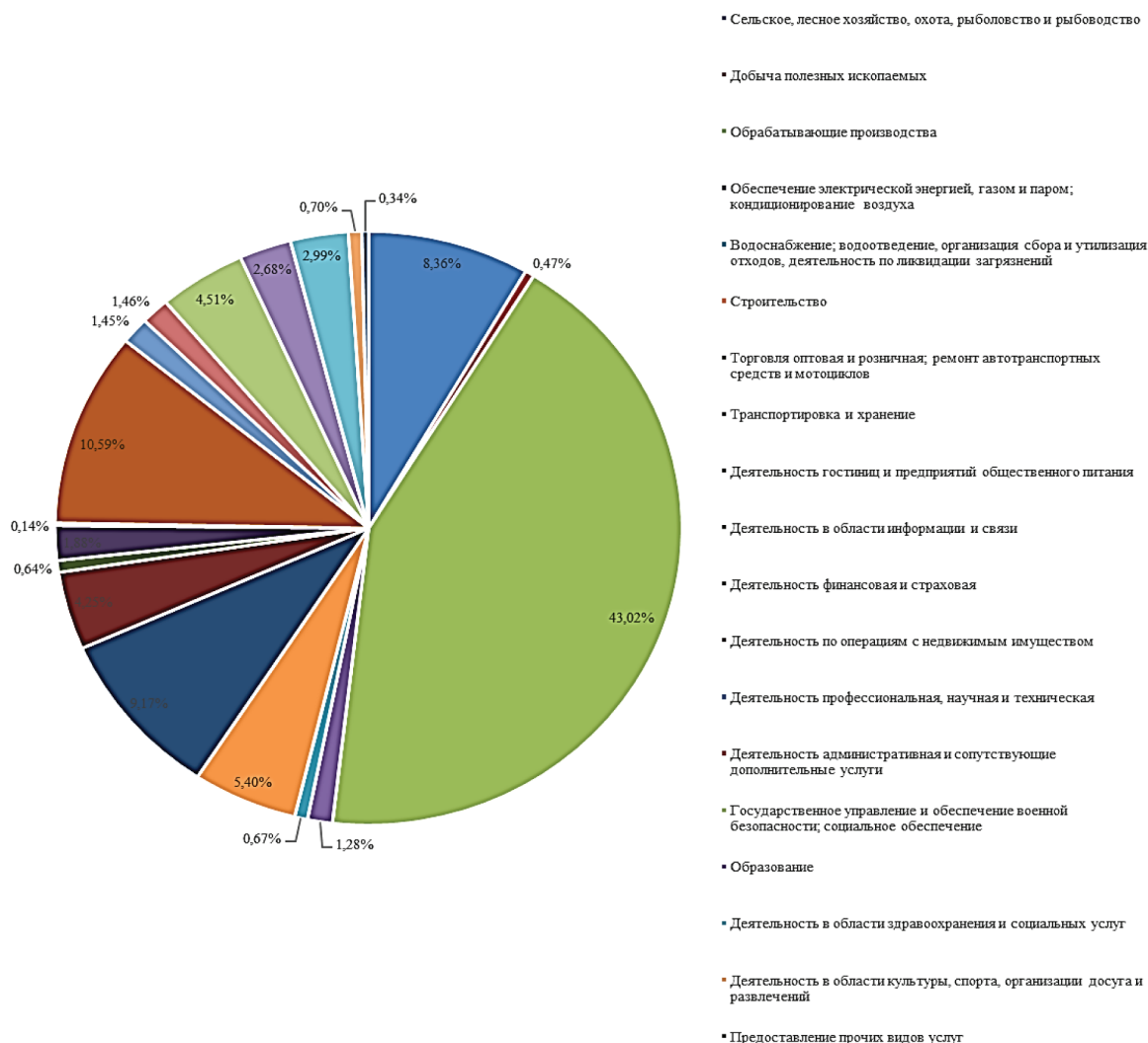

Рис. 2. ВРП Липецкой области по видам экономической деятельности в 2023 году⁴.

Инвестиционная активность в регионе демонстрирует устойчивую положительную динамику (рис. 3): общий объем инвестиций вырос со 128,5 млрд рублей в 2018 году до 217 млрд рублей в 2025 году. Анализ инвестиций по видам экономической деятельности показывает, что около 50% инвестиций традиционно приходится на обрабатывающее производство, в первую очередь, на металлургическую промышленность [17, с.221].

Так, одним из основных драйверов экономики региона на протяжении ряда лет является Новолипецкий металлургический комбинат (ПАО «НЛМК») – одно из крупнейших металлургических предприятий в России. Основной деятельностью предприятия является производство стального проката различной номенклатуры⁵. При этом продукция комбината реализуется не только на внутреннем, но и на внешнем рынках, что обуславливает его зависимость от мировой конъюнктуры металлов и возможности экспорта продукции.

⁴ Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 27.03.2026).

⁵ Официальный сайт Группы НЛМК. URL: <https://nlmk.com/ru/> (дата обращения: 27.03.2026).

Рис. 3. Объем инвестиций в Липецкую область⁶.

В период санкций и действующих ограничений со стороны ряда зарубежных стран, предприятие сталкивается с трудностями, в том числе связанными с логистикой и возможностью осуществления расчетов в иностранной валюте, что существенно осложняет ведение нормальной хозяйственной деятельности. На фоне сложившейся ситуации и снижения выручки от реализации продукции, ПАО «НЛМК» вынужденно сокращает инвестиционную программу, что неизбежно оказывает негативное влияние на экономику Липецкой области [7, с.87].

Таким образом, перед руководством региона стоит первоочередная задача по поиску новых точек роста экономики, не связанных с металлургическим производством [19, с.688]. В целях диверсификации экономики региона реализуются мероприятия, направленные на привлечение инвестиций в Липецкую область и создание новых производств. Созданы территории с особыми условиями, что призвано стимулировать приток инвесторов в регион.

Так, на территории Липецкой области действуют 3 индустриальных парка и 2 промышленных технопарка. Также сформированы 7 промышленных кластеров, специализирующихся на производстве машин и оборудования (в основном станков, спецтехники и роботов), химическом производстве и автомобилестроении [9, с.130]. Кроме того, в Липецкой области успешно функционирует особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Липецк» (ОЭЗ ППТ «Липецк») ⁷.

Реализуемые в области меры поддержки способствуют привлечению новых инвесторов в целях реализации перспективных инвестпроектов. Так, например, ООО «Амкодор-ЛТЗ» реализует проект по строительству завода по производству прицепного оборудования сельскохозяйственных машин. Инвестиции в проект составят около 32 млрд рублей, будет создано 2500 новых рабочих мест, а инвестор получил статус резидента ОЭЗ ППТ «Липецк» [6, с.93] Также ООО «Моторинвест» реализует проект по созданию производства электромобилей и их компонентов. Инвестиции в данный проект составят 13 млрд рублей, будет создано 1900 новых рабочих мест⁸.

Кроме того, созданию новых производств в регионе способствует созданный региональный фонд развития промышленности, который по итогам анализа финансово-экономических моделей

⁶ Официальный сайт Правительства Липецкой области. URL: <https://липецкаяобласть.рф/?yandex-source=desktop-maps> (дата обращения: 27.03.2026)

⁷ ОЭЗ Липецк. URL: <https://sezlipetsk.ru/> (дата обращения: 27.03.2026).

⁸ Официальный сайт Правительства Липецкой области. URL: <https://липецкаяобласть.рф/?yandex-source=desktop-maps> (дата обращения: 27.03.2026).

проектов предоставляет кредиты организациям на реализацию инвестиционных проектов по приоритетным видам продукции под льготные процентные ставки. При этом инвесторы берут на себя обязательства по достижению определенных результатов по завершению проектов и несут ответственность перед фондом за их успешную реализацию.

На региональном уровне инвесторам предоставляются налоговые льготы и субсидии на возмещение затрат. Так, например, резиденты ОЭЗ ППТ «Липецк» освобождаются от уплаты налога на имущество на 10 лет, от уплаты земельного налога на 5 лет, применяют пониженную налоговую ставку налога на прибыль, освобождаются от уплаты транспортного налога на 10 лет [3, с.41].

Также Липецкая область активно участвует в реализации национальных проектов по обеспечению технологического лидерства, о чем свидетельствует отраслевая направленность действующих в регионе промышленных кластеров и индустриальных парков. Это такие национальные проекты, как: «Средства производства и автоматизации» (направлен на развитие производства станков различного назначения и промышленных роботов), «Новые материалы и химия» (направлен на создание новых химических производств для выпуска импортозамещающей химической продукции), «Промышленное обеспечение транспортной мобильности» (направлен на развитие новых видов транспорта, в том числе беспилотных) и ряда других. В рамках национальных проектов фокусируются усилия государства и бизнеса по созданию новых инновационных технологий и конкурентных производств современной продукции для достижения технологического суверенитета.

В целях поддержки создания новых производств и обеспечения их кадрами в регионе активно развивается промышленный туризм (индустриальные маршруты, профориентационные программы), что позволяет привлекать в регион высококвалифицированные кадры и молодежь, а также способствует повышению туристической привлекательности Липецкой области. [13, с. 89]. Развитию данной сферы способствует реализация национального проекта «Туризм и гостеприимство», в рамках которого строятся новые гостиницы, осуществляется благоустройство исторических памятников и создается комфортная среда для гостей региона [9, с. 117].

Таким образом, участвуя в реализации национальных проектов, создавая в регионе территории с особыми экономическими условиями, руководство Липецкой области проводит активную работу по снижению зависимости от металлургии и сельского хозяйства, развивая производство инновационной продукции высокой степени технологической готовности, в первую очередь – машиностроения, создавая экономические условия для новых точек роста [12, с. 108].

Липецкая область имеет огромный потенциал для развития своей самостоятельной экономической среды. По данным «Агентства стратегических инициатив» в национальном инвестиционном рейтинге регион занимает 8 позицию среди всех субъектов нашей страны⁹. Область с каждым годом привлекает всё больше инвесторов и заинтересованных лиц в развитии бизнеса именно в Липецке, создавая благоприятные условия и выявляя лучшие практики. Также регион занимает первое место в рейтинге, как самый безопасный для начала и ведения бизнеса, обеспечивая полную защиту всех инициатив.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опираясь на выводы, которые были получены в процессе исследования экономики Липецкой области, можно выделить основные точки опережающего развития для региона, а именно:

⁹ Агентство стратегических инициатив: Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в регионах. URL: https://asi.ru/government_officials/rating/ (дата обращения: 10.04.2026).

- 1) Развитие сельского хозяйства и переработка готовой продукции;
- 2) Туризм;
- 3) Вложения в наукоёмкие технологии, акцент на использовании искусственного интеллекта и роботизации производства;
- 4) Машиностроение и автомобилестроение.

Именно эти экономические сферы могут стать отличными драйверами роста для Липецкой области в кризисные периоды, а также способствуют диверсификации бизнеса, ухода от сырьевой зависимости и обрабатывающего металлургического производства и выходу региона на мировой рынок и лидирующие позиции в нашей стране.

Список литературы

1. Будюкин В.В. Оценка инновационной деятельности АПК Липецкой области как базиса функционирования агропромышленного технопарка // Инновационное развитие экономики. 2025, № 4(86). С. 17-23. DOI: 10.51832/222379842025417. – EDN GSGQJO.
2. Гранберг А.Г. Экономическое пространство России: проблемы целостности и эффективного функционирования. Москва: Гос. ун-т упр. 2006. 26 с.
3. Деркач Н.Е. Потенциал особых экономических зон как драйвер социально-экономического развития национальной экономики // Регион: системы, экономика, управление. 2025, № 3(70). С. 38–49.
4. Зайцев А.Н. Экономический пульс региона: анализ структуры и динамики ВРП Липецкой области в 2023 году // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. 2025, № 4(16). С. 4-21. DOI: 10.24412/2782-4845-2025-16-4-21.
5. Иолтуховская Г.В. Особые экономические зоны как инструмент повышения инвестиционного потенциала региона (на примере Липецкой области) // Основы Российской экономической мысли: из прошлого в будущее: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, Елец, 13–14 ноября 2025 года. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2025. С. 90–94.
6. Клейнер Г.Б. Системная экономика: шаги развития: монография. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Центральный экономико-математический институт Российской академии наук. Москва: Науч. б-ка, 2021. 745 с.
7. Кокухина А.А. Управление региональными экономическими системами в условиях глобальных вызовов: кейс Липецкой области // Проектное управление социально-экономическим развитием региона: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Липецк, 29 апреля 2025 года. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского. 2025. С. 87–90.
8. Лантева Л.А. Экономический анализ состояния и перспективы развития туризма Липецкой области // Проектное управление социально-экономическим развитием региона: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Липецк, 29 апреля 2025 года. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского. 2025. С. 115–117.
9. Матвеева А.А. Формирование инновационной экосистемы Липецкой области // Проектное управление социально-экономическим развитием региона: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Липецк, 29 апреля 2025 года. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. С. 130-134.
10. Мурадов И.В. Инвестиционная привлекательность регионов России: анализ взаимовлияния инвестиций и валового регионального продукта // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025, №4. С.18–29. DOI: 10.26726/rppe2025v4iaorr.
11. Новохацкий В.С. Современное состояние и перспективы развития промышленности Липецкой области / В. С. Новохацкий // Шаг в науку : Сборник статей по материалам IX научно-практической

- конференции молодых ученых (VII Всероссийской), Москва, 18 декабря 2025 года. Москва: Медиа-группа «ХАСК», 2026. С. 107–111.
12. Опыт развития промышленного туризма в российских регионах (на примере Липецкой области) / Л. А. Бурняшева, Н. В. Григорьева, О. М. Маслова [и др.] // Современные проблемы сервиса и туризма. 2025. Т. 19, № 4. С. 88–99. DOI: 10.5281/zenodo.18015745.
13. Полканова И.Е. Ключевые риски экономического развития Липецкой области / И. Е. Полканова, Е. В. Усман // Инновационные механизмы управления цифровой и региональной экономикой: Материалы VII Международной студенческой научной конференции, Москва, 21–22 мая 2025 года. Москва: Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, 2025. С. 437–447.
14. Правдина Н.В. Формирование суверенитета промышленности монопрофильных регионов: анализ разрывов и поиск возможностей // Государственное и муниципальное управление в федеративной экономике: Сборник научных трудов Третьей Международной научно-практической конференции, Челябинск, 05 декабря 2024 года. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2025. С. 62–75.
15. Пьянкова С.Г., Бажанова Л.А.-Н. Методические возможности оценки инвестиционного потенциала регионов РФ в условиях экономической неопределенности // Проблемы развития территории. 2025. Т. 29. №6. С.45–65.
16. Селезнева А.С. Особенности социально-экономического развития Липецкой области / А.С. Селезнева // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2025, № 6(106). С. 288–298.
17. Сизинцева К.А. Анализ динамики валового регионального продукта (ВРП) Липецкой области // Актуальные проблемы общественных наук : материалы научно-практической конференции студентов и преподавателей, посвященной 80-летию Великой Победы советского народа над фашизмом и 70-летию исторического образования в ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, 22 апреля 2025 года. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. С. 220–224.
18. Шаров Д.С. Анализ социально-экономического положения Липецкой области за 2024 год // Актуальные проблемы общественных наук : материалы научно-практической конференции студентов и преподавателей, посвященной 80-летию Великой Победы советского народа над фашизмом и 70-летию исторического образования в ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, 22 апреля 2025 года. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. С. 283–285.
19. Якушова К.А. Анализ и оценка инновационных кластеров в Липецкой области // Московский экономический журнал. 2024. Т. 9, № 5. С. 688–704. DOI 10.55186/2413046X_2024_9_5_275.
20. Weber A. Theory of the Location of Industries. Chicago: The University of Chicago Press, 1929. Weber A. Theory of the Location of Industries. Chicago: The University of Chicago Press, 256 p.

References

1. Budyukin, V.V. (2025). Assessment of innovative activity of the agro-industrial complex of Lipetsk Oblast as the basis for the functioning of an agro-industrial technopark. *Innovative Development of the Economy*, (4(86)), 17–23. DOI: 10.51832/222379842025417. EDN GSGQJO.
2. Granberg, A.G. (2006). *Economic space of Russia: Problems of integrity and effective functioning*. Moscow: State University of Management. 26 p.
3. Derkach, N.E. (2025). The potential of special economic zones as a driver of socio-economic development of the national economy. *Region: Systems, Economics, Management*, (3(70)), 38–49.
4. Zaitsev, A.N. (2025). The economic pulse of the region: Analysis of the structure and dynamics of the GRP of Lipetsk Oblast in 2023. *EFO: Economics. Finance. Society*, (4(16)), 4–21. DOI: 10.24412/2782-4845-2025-16-4-21.
5. Ioltukhovskaya, G.V. (2025). Special economic zones as a tool for enhancing the investment potential of a region (the case of Lipetsk Oblast). In *Foundations of Russian economic thought: From the past to the*

- future: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference* (Yelets, November 13–14, 2025) (pp. 90–94). Yelets: Yelets State University named after I. A. Bunin.
6. Kleiner, G.B. (2021). *System economics: Steps of development: A monograph*. Moscow: Nauchnaya Biblioteka. 745 p.
7. Kokukhina, A.A. (2025). Management of regional economic systems in the context of global challenges: The case of Lipetsk Oblast. In *Project management of socio-economic development of the region: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference* (Lipetsk, April 29, 2025) (pp. 87–90). Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semyonov-Tyan-Shansky.
8. Lapteva, L.A. (2025). Economic analysis of the state and prospects for tourism development in Lipetsk Oblast. In *Project management of socio-economic development of the region: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference* (Lipetsk, April 29, 2025) (pp. 115–117). Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semyonov-Tyan-Shansky.
9. Matveeva, A.A. (2025). Formation of the innovation ecosystem of Lipetsk Oblast. In *Project management of socio-economic development of the region: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference* (Lipetsk, April 29, 2025) (pp. 130–134). Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semyonov-Tyan-Shansky.
10. Muradov, I.V. (2025). Investment attractiveness of Russian regions: Analysis of the interrelationship between investment and gross regional product. *Regional Problems of Economic Transformation*, (4), 18–29. DOI: 10.26726/rppe2025v4iaorr.
11. Novokhatsky, V.S. (2026). Current state and prospects for industrial development of Lipetsk Oblast. In *Step into science: Proceedings of the 9th Scientific and Practical Conference of Young Researchers (7th All-Russian)* (Moscow, December 18, 2025) (pp. 107–111). Moscow: Media Group “KHASK”.
12. Burnyasheva, L.A., Grigoryeva, N.V., Maslova, O.M., et al. (2025). Experience of industrial tourism development in Russian regions (the case of Lipetsk Oblast). *Modern Problems of Service and Tourism*, 19(4), 88–99. DOI: 10.5281/zenodo.18015745.
13. Polkanova, I.E., & Usman, E.V. (2025). Key risks of economic development of Lipetsk Oblast. In *Innovative mechanisms for managing the digital and regional economy: Proceedings of the 7th International Student Scientific Conference* (Moscow, May 21–22, 2025) (pp. 437–447). Moscow: National Research Nuclear University MEPhI.
14. Pravdina, N.V. (2025). Formation of industrial sovereignty in single-industry regions: Gap analysis and search for opportunities. In *State and municipal management in a federal economy: Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference* (Chelyabinsk, December 5, 2024) (pp. 62–75). Chelyabinsk: South Ural State University.
15. Pyankova, S.G., & Bazhanova, L.A.-N. (2025). Methodological approaches to assessing the investment potential of Russian regions under economic uncertainty. *Problems of Territory Development*, 29(6), 45–65.
16. Selezneva, A.S. (2025). Features of socio-economic development of Lipetsk Oblast. *Skif. Issues of Student Science*, (6(106)), 288–298.
17. Sizintseva, K.A. (2025). Analysis of the dynamics of the gross regional product (GRP) of Lipetsk Oblast. In *Current problems of social sciences: Proceedings of the Scientific and Practical Conference of Students and Faculty, dedicated to the 80th anniversary of the Great Victory and the 70th anniversary of history education at LSPU* (Lipetsk, April 22, 2025) (pp. 220–224). Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semyonov-Tyan-Shansky.
18. Sharov, D.S. (2025). Analysis of the socio-economic situation of Lipetsk Oblast for 2024. In *Current problems of social sciences: Proceedings of the Scientific and Practical Conference of Students and Faculty, dedicated to the 80th anniversary of the Great Victory and the 70th anniversary of history education at LSPU* (Lipetsk, April 22, 2025) (pp. 283–285). Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semyonov-Tyan-Shansky.

19. Yakushova, K.A. (2024). Analysis and assessment of innovation clusters in Lipetsk Oblast. *Moscow Economic Journal*, 9(5), 688–704. DOI: 10.55186/2413046X_2024_9_5_275.
20. Weber, A. (1929). *Theory of the location of industries*. Chicago: The University of Chicago Press. 256 p.

Статья поступила в редакцию: 06.05.2026.

Received: 06.05.2026.

Статья принята к публикации: 14.05.2026.

Accepted: 14.05.2026.

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ
«КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ»****Айдын Олжас¹,***магистрант,**e-mail: OLZhasmmu03@gmail.com***Лаптев Сергей Вениаминович¹,***доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономики и финансов,**e-mail: s.laptev@mmu.ru**ORCID: 0000-0003-3193-5071*¹*АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия*

В статье раскрывается содержание и сущность понятия «конкурентоспособность» применительно к микроуровню экономики. В качестве цели проведения исследования заявлено раскрытие понятия, свойств и видов конкурентоспособности организации. Методологической основой написания стали научные труды отечественных и зарубежных специалистов по затрагиваемому направлению научной мысли. Методами раскрытия темы исследования стали методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. Автор проводит сравнительный анализ подходов к определению конкурентоспособности от ведущих экспертов в сфере управления показателями рыночной деятельности предприятий и организаций. Описывается содержание понятия «конкурентоспособность организации» в юридической плоскости со ссылками на основные нормативно-правовые акты РФ, регулирующие функционирование и развитие отечественной рыночной среды. Описываются внешние и внутренние аспекты конкурентоспособности. Приводится описание основных видов конкурентоспособности. На основе приведенного в тексте материала формулируются выводы. Обоснована необходимость ранжирования факторов конкурентоспособности организации в конкретной среде и системного воздействия на соответствующие факторы, а также международной унификации подхода к исследованию конкурентоспособности.

Ключевые слова: глобализация, конкуренция, факторная конкурентоспособность, оценка конкурентоспособности на основе ранжирования факторов и унификации подхода к исследованию.

**ECONOMIC CONTENT OF THE CONCEPT
OF «ORGANIZATION'S COMPETITIVENESS»****Olzhas Ajdyn¹,***master's student,**e-mail: OLZhasmmu03@gmail.com***Laptev S.V.¹,***Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of Economics and Finance,**e-mail: s.laptev@mmu.ru**ORCID: 0000-0003-3193-5071*¹*ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia*

The article reveals the concept and essence of the concept of «competitiveness» in relation to the micro level. The purpose of the study is to reveal the concept, properties, and types of an organization's competi-

tiveness. The article is based on the scientific works of domestic and foreign experts in the field of scientific thought. The methods used to explore the topic include analysis and synthesis, induction, and deduction. The author conducts a comparative analysis of the approaches to defining competitiveness from leading experts in the field of managing the performance of enterprises and organizations. The article describes the content of the concept of "organization's competitiveness" in the legal context, with references to the main regulatory acts of the Russian Federation that govern the functioning and development of the domestic market environment. The article also describes the external and internal aspects of competitiveness. The article provides a description of the main types of competitiveness. Based on the material presented in the text, conclusions are formulated. Based on the material presented in the text, conclusions are drawn. The necessity of ranking the competitiveness factors of an organization in a specific environment and systematically influencing the corresponding factors, as well as the international unification of the approach to studying competitiveness, is justified.

Keywords: globalization, competition, factorial competitiveness, assessment of competitiveness based on the ranking of factors and the unification of the research approach.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность раскрытия темы обуславливается тем, что рассмотрение конкурентоспособности позволяет получать ясное представление о своих преимуществах и недостатках, а также о преимуществах и недостатках компаний-конкурентов, тем самым, давая возможность в дальнейшем разрабатывать эффективные методы устранения проблем.

Научная новизна работы заключается в получении комплексного представления о понятии «конкурентоспособность организации» на основе научных работ ведущих экспертов в сфере управления показателями рыночной деятельности экономических субъектов.

Цель исследования – раскрыть понятие, свойства и виды конкурентоспособности организации.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрение, анализ и оценка конкурентоспособности того или иного экономического субъекта служит прочной основой для дальнейшей выработки и реализации эффективных рыночных стратегий, направленных на повышение эффективности его функционирования в разных плоскостях (повышение производительности труда персонала, повышение уровня отдачи на вложенный капитал и т.д.) и укрепление рыночных позиций.

Для современной экономики, функционирующей на уровне предприятий и организаций, характерно увеличение количества и действия факторов неопределенности. В этой ситуации ведение деятельности по управлению показателями конкурентоспособности часто преследует цель минимизации рыночных рисков. Поскольку серьезный вклад в развитие теории управления конкурентоспособностью предприятий и организаций внес М. Портер, профессор кафедры делового администрирования Гарвардской школы бизнеса [9, с. 6; 10, с. 7], то автор данной работы предлагает начать обзор современных представлений о предмете исследования с описания научных взглядов именно данного специалиста. М. Портер первым описал теорию конкурентного преимущества, позволяющую любого отраслевого игрока рынка подвергнуть экспертизе на предмет состояния его конкурентоспособности.

Согласно научным мировоззрениям М. Портера [11, с. 9] понятие конкурентоспособности – это комплексная экономическая категория, способная быть изученной на макроуровне (в отраслевом

и общенациональном разрезе) и на микроуровне (в ассортиментном и бизнес-разрезе). Ниже приведены обоснования развития научных мировоззрений М. Портера.

Конкурентоспособность любого бизнеса является объектом для оказания воздействия факторов социально-экономического, политико-правового и иного порядка, влияя, в конечном счете, на позиции страны в целом на внешних рынках. Глобализация экономики позволяет определять конкурентоспособности в виде возможности страны или отдельно взятой компании эффективно отражать негативное влияние международной конкуренции на внутриэкономические и внешнеэкономические позиции.

Согласно утверждениям самого М. Портера, конкурентоспособность для любого экономического субъекта является сравнительным преимуществом. При этом категория «сравнительность» означает невозможность определения конкурентоспособности любого экономического субъекта без его сравнения с одной или несколькими компаниями из аналогичной отрасли.

Профессор международного маркетинга Келлоггской школы менеджмента Северо-Западного университета Ф. Котлер [6, с. 7; 7, с. 8] приводит довольно лаконичное определение понятия конкурентоспособности. По его мнению, данное понятие означает способность соответствующего субъекта конкурировать в своем сегменте. Кроме того, он отмечает тождественность понятий «конкурентоспособность» «конкурентная позиция».

Доктор экономических наук, профессор и автор более 100 научных работ Н.А. Нагапетьянц [8, с. 8; 4, с. 8] в свое определение понятия «конкурентоспособность», по сути, добавляет в определение Ф. Котлера влияние такого фактора, как динамичная рыночная среда, а также необходимость наличия целей повышения эффективности ведения финансово-хозяйственной деятельности при обладании при этом соответствующими ниже представленными атрибутами:

- способность генерирования выручки;
- способность расширения базы клиентов;
- способность наращивать занимаемую рыночную долю.

Руководитель кафедры «Торговое дело и торговое регулирование» ФГАОУ ВО «МГИМО (Университет) – МИД РФ», кандидат технических наук, доцент Н.В. Еремеева [5, с. 9], в своих научных трудах существенное место отводит категории «конкурентоспособность товара».

Обращая внимание на работы вышеуказанного автора Н.В. Еремеевой, необходимо отметить, что тот под конкурентоспособностью товара понимает значения описывающих его экономических показателей и потребительских характеристик, способные соперничать с другими действующими игроками рынка.

В российской системе нормативно-правового регулирования вопросов, связанных с обеспечением функционирования конкурентной среды в разных сегментах отечественного народного хозяйства, для примера необходимо отметить следующее. В пункте 1 статьи 10 главы 2 подраздела 1 раздела I части I ГК РФ [1] утверждается о наличии запрета на совершение действий противоправного характера, а также о наличии запрета на осуществление деятельности на конкурентных рынках с использованием недобросовестных инструментов.

Таким образом, необходимо отметить введение запрета действующими нормами отечественного гражданского права на установление любых препятствий проявлению конкурентных сил, а также на недопущение доминантными позициями на рынке [15]. При этом необходимость следования пункту 5 статьи 10 главы 2 подраздела 1 раздела I части I ГК РФ накладывает на любые экономические субъекты обязанность по соблюдению принципов добросовестности и разумности.

На рисунке 1. приведены ключевые аспекты отечественного конкурентного права, сформировавшиеся в стране к текущему моменту времени.

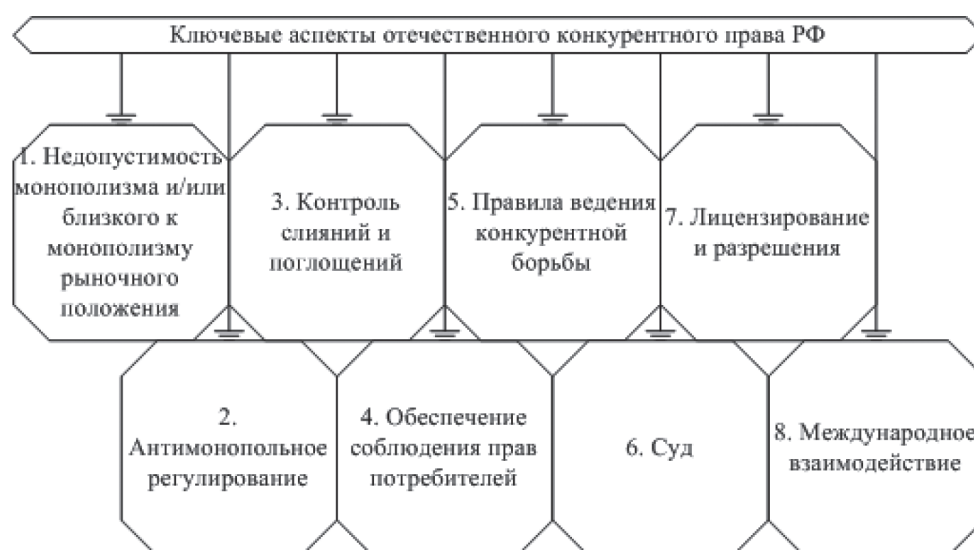

Рис. 1. Ключевые аспекты отечественного конкурентного права РФ

Используя положения статьи 4 главы 1 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [2], на рисунке 2 представлены основные элементы, определяющие содержание рассматриваемого термина «конкурентоспособность».

Рис. 2. Основные элементы, определяющие содержание термина «конкурентоспособность»

При этом из всех представленных на рисунке 2 элементов автор данного исследования хочет обратить внимание на конкуренцию в виде соперничества экономических субъектов при отсутствии разрешения или при наличии ограничений для них в одностороннем порядке оказывать влияние на общие для всех рыночные условия деятельности.

Таким образом, рассмотрев определения ведущих зарубежных и одних из ведущих отечественных экспертов в области управления конкурентоспособностью экономических субъектов и основных нормативно-правовых актов РФ по данной тематике, необходимо отметить следующее. В основании содержания понятия «конкурентоспособность организации» находится предпринимательская деятельность. В связи с этим в данной работе необходимо вспомнить британского писателя и публициста Даниэля Дефо [12, с. 7], первого в своей работе «Эссе о проектах» от 1697 г. использовавшего термин «проектор», ставший прародителем понятия «предприниматель». А один из ведущих современных европейских специалистов в сфере истории исследований предпринимательства Ханс Ландстрем [13, с. 9] указывает на приход в английский язык термина «entrepreneur» («предприниматель») из французского языка и приводится в первом выпуске словаря «Dictionnaire de la Langue Francaise» еще в 1863 г. Также здесь можно вспомнить британского экономиста английского происхождения, одного из основоположников неоклассического направления в экономике, Альфреда Маршалла [14, с. 7], выделившего в 1890 г. четыре фактора производства (земля, капитал, труд, организация).

Свойства конкурентоспособности включают в себя внешние и внутренние аспекты.

Ниже представлены внешние аспекты конкурентоспособности:

1) факторы производства – воздействуют на создание преимущества перед конкурентами на протяжении всего производственного процесса, допустим, в виде внедрения/использования имеющейся в наличии в стране или отрасли какой-либо передовой технологии, финансовых возможностей, серьезной IT-основы;

2) факторы спроса – описывают спрос, его уровень и динамику изменения, допустим, эластичность спроса по цене;

3) активность конкурентов – способность экономического субъекта анализировать цели, стратегии и совершаемые конкурентами действия, а также находить новые источники получения преимуществ перед ними.

Ниже представлены внутренние аспекты конкурентоспособности:

1) способность определять потребительские запросы и адекватно выявлять тренды в поведении потребителей;

2) способность организовать производственную деятельность согласно потребительским запросам по критерию «цена – качество». Здесь принимаются во внимание помимо потребительских характеристик товара/услуги еще и его/ее маркетинговые свойства (цена и пр.);

3) воплощение результативной маркетинговой политики;

4) поиск и формирование условий для уменьшения расходов на обеспечение факторами ведения производственной деятельности (кадры, капитал, материалы, сырье, энергия);

5) способность формировать и удерживать технологическое преимущество на рынке;

6) способность формировать и реализовывать основывающуюся на инновациях результативную маркетинговую и производственную стратегию;

7) высокий HR-потенциал – способность формировать персонал для эффективного освоения и применения передовых технологий. [3, с. 17-25]

Ниже представлены основные виды конкурентоспособности экономических субъектов:

1. Ресурсная конкурентоспособность – эффективность работы поставщиков и подрядчиков, наличие качественного сырья и прочих предметов труда и т.д.

2. Структурная конкурентоспособность – эффективность выстроенной производственно-хозяйственной и организационно-управленческой структуры, а также производственной специализации и концентрации.

3. Техническая конкурентоспособность – уровень инновационности предлагаемого рынку товара или услуги, технологий и технологических решений, производительность станков, качество создаваемых товаров и услуг.

4. Управленческая конкурентоспособность – эффективность работы административно-управленческого аппарата, состояние дисциплины труда и организации поставок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, понятие конкурентоспособности – это комплексная экономическая категория, способная быть изученной на макроуровне (в отраслевом и общенациональном разрезе) и на микроуровне (в ассортиментном и бизнес-разрезе). Существование большого количества подходов к определению данного понятия при отсутствии законодательно установленной трактовки позволяет всем заинтересованным сторонам (собственникам бизнесов, высшим и линейным руководителям) выбирать наиболее необходимый для себя акцент в ходе текущего управления и в дальнейшем при разработке мер по повышению уровня конкурентоспособности.

Практически значимый для исследования вывод: анализ конкурентоспособности не отделим от конкретной среды, состава и значимости конкретных влияющих на нее факторов. Поэтому его, как минимум надо проводить в три этапа. На первом – выявлять и ранжировать ключевые факторы, влияющие на конкретный вид конкурентоспособности. На втором – проводить системный анализ с учетом международной унификации оценки ранга факторов. На третьем – разрабатывать рекомендации, учитывая специфику и значимость влияния ключевых факторов.

Список литературы

1. Гражданский кодекс РФ. Ч. 1 от 30.11.1994 №51-ФЗ (в ред. Постановления КС РФ от 25.03.2026 №18-П).
2. Федеральный закон от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции» (в ред. Постановления КС РФ от 29.04.2026 №29-П).
3. *Анисимова В.Ю.* Анализ конкурентоспособности бизнеса: учебное пособие. Самара: Издательство Самарского университета, 2023. 84 с.
4. *Васильев Г.А., Романов А.А., Поляков В.А.* Маркетинг розничного торгового предприятия: учебное пособие. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2024. 159 с.
5. *Еремеева Н.В.* Конкурентоспособность товаров и услуг: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 242 с.
6. *Котлер Ф., Картаджайя Х.* [и др.] Маркетинг 6.0. Будущее за иммерсивностью, слиянием цифрового и физического миров; [Переводчик: В. Шереметьева]. М.: Бомбора, Эксмо, 2024. 212 с.
7. *Котлер Ф.* [и др.] Маркетинг от А до Я: 80 концепций, которые должен знать каждый менеджер: учебное пособие. 10-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2021. 211 с.
8. *Нагапетьянц Н.А.* Маркетинг в отраслях и сферах деятельности: учебное пособие / под ред. д-ра экон. наук, проф. Н.А. Нагапетьянца. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2024. 282 с.
9. *Портер М.* Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран. М.: Альпина Паблишер, 2025. 948 с.
10. *Портер М.* Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов: методические рекомендации. 6-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2026. 456 с.

11. *Porter M.* Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость: практическое руководство. 4-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2026. 716 с.
12. *Defoe D.* An Essay Upon Projects. Moscow: Litres, 2021. 21 p.
13. *Landström H.* Advanced Introduction to Entrepreneurial Finance: Second Edition (Elgar Advanced Introductions series). 2nd edition. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2023. 246 p.
14. *Marshall A.* Principles of Economics. Illustrated. kindle edition. Kyiv: Strelbytskyy Multimedia Publishing, 2021. 1163 p.
15. *Цкаева, Л.В.* Конституционно-правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации / Л.В. Цкаева // StudNet. 2021. Том 4. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoe-regulirovanie-konkurentsii-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 28.05.2026).

References

1. Civil Code of the Russian Federation. Part 1 of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended by the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 25, 2026, No. 18-P).
2. Federal Law of July 26, 2006, No. 135-FZ «On Protection of Competition» (as amended by the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 29, 2026, No. 29-P).
3. *Anisimova, V.Yu.* (2023). *Analysis of business competitiveness: A study guide*. Samara: Samara University Press. 84 p.
4. *Vasiliev, G.A., Romanov, A.A., & Polyakov, V.A.* (2024). *Marketing of a retail trade enterprise: A study guide*. Moscow: Vuzovsky Uchebnik: INFRA-M. 159 p.
5. *Eremeeva, N.V.* (2024). *Competitiveness of goods and services: A textbook and practical guide for universities* (2nd ed., rev. and enl.). Moscow: Yurayt Publishing House. 242 p.
6. *Kotler, Ph., Kartajaya, H., et al.* (2024). *Marketing 6.0: The future is immersive* (V. Sheremetyeva, Trans.). Moscow: Bombora, Eksmo. 212 p.
7. *Kotler, Ph., et al.* (2021). *Marketing from A to Z: 80 concepts every manager should know: A study guide* (10th ed.). Moscow: Alpina Publisher. 211 p.
8. *Nagapetyants, N.A.* (Ed.). (2024). *Marketing in industries and spheres of activity: A study guide* (2nd ed., rev. and enl.). Moscow: Vuzovsky Uchebnik: INFRA-M. 282 p.
9. *Porter, M.* (2025). *The competitive advantage of nations*. Moscow: Alpina Publisher. 948 p.
10. *Porter, M.* (2026). *Competitive strategy: Techniques for analyzing industries and competitors: Methodological guidelines* (6th ed.). Moscow: Alpina Publisher. 456 p.
11. *Porter, M.* (2026). *Competitive advantage: Creating and sustaining superior performance: A practical guide* (4th ed.). Moscow: Alpina Publisher. 716 p.
12. *Defoe, D.* (2021). *An essay upon projects*. Moscow: Litres. 21 p.
13. *Landström, H.* (2023). *Advanced introduction to entrepreneurial finance* (2nd ed., Elgar Advanced Introductions series). Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 246 p.
14. *Marshall, A.* (2021). *Principles of economics* (Illustrated, Kindle ed.). Kyiv: Strelbytskyy Multimedia Publishing. 1163 p.
15. *Tskaeva, L.V.* (2021). Constitutional and legal regulation of competition in the Russian Federation. *StudNet*, 4(5). Retrieved May 28, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoe-regulirovanie-konkurentsii-v-rossiyskoy-federatsii>

Статья поступила в редакцию: 24.02.2026.

Received: 24.02.2026.

Статья принята к публикации: 26.05.2026.

Accepted: 26.05.2026.

**ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ СТАРТАПОВ ПО СРАВНЕНИЮ С ДРУГИМИ
РАЗВИВАЮЩИМИ ЭКОСИСТЕМАМИ****Макаров Данила Анатольевич¹,***аспирант,**e-mail: Da_makarov@outLook.comr***Романова Марина Владимировна¹,***доктор экономических наук, доцент,**профессор кафедры экономики и финансов,**e-mail: m.romanova@mmu.ru*¹*АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия*

Цифровизация экономики, санкционное давление и курс на технологический суверенитет формируют принципиально новую инновационную среду в России. В статье рассматриваются понятия, классификация и история становления экосистем – от корпоративных и банковских до цифровых платформенных систем и стартап-ландшафтов. Особое внимание уделяется феномену инновационной экосистемы как сложной сети взаимодействующих субъектов: государственных структур, корпораций, малого и среднего бизнеса, научно-образовательных учреждений и инвестиционных институтов. В современных условиях стартапы занимают особое место среди развивающихся экосистем: они обладают высокой адаптивностью, способностью оперативно заполнять рыночные ниши и формировать новые технологические решения. В статье проводится сравнительный анализ стартапов и альтернативных форм экосистем по параметрам гибкости, устойчивости, инвестиционной привлекательности и потенциала масштабирования. Рассматриваются риски стартапов и условия их синергетического взаимодействия с корпоративными, региональными и академическими структурами в целях максимизации инновационного эффекта.

Ключевые слова: экосистема, цифровая экосистема, инновационная экосистема, стартап, человеческий капитал.

**ATTRACTIVENESS OF STARTUPS IN COMPARISON
WITH OTHER DEVELOPING ECOSYSTEMS****Makarov D.A.¹,***postgraduate student,**e-mail: Da_makarov@outLook.comr***Romanova M.V.¹,***Doctor of Economics, Associate Professor,**Professor of the Department of Economics and Finance,**e-mail: m.romanova@mmu.ru*¹*ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia*

Digitalisation, sanctions pressure, and the pursuit of technological sovereignty are shaping a fundamentally new innovation environment in Russia. This article examines the concepts, classification, and historical development of ecosystems – from corporate and banking models to digital platform systems and startup landscapes. Special attention is given to the phenomenon of the innovation ecosystem as a complex network of interacting actors: government bodies, corporations, small and medium-sized enterprises, academic and research institu-

tions, and investment organisations. In the current environment, startups occupy a distinctive position among developing ecosystems owing to their high adaptability, capacity to rapidly fill market gaps, and ability to generate new technological solutions. The article provides a comparative analysis of startups and alternative ecosystem forms across the dimensions of flexibility, resilience, investment attractiveness, and scaling potential. The risks inherent to startups are examined alongside the conditions that enable synergistic collaboration with corporate, regional, and academic structures in order to maximise the overall innovation impact.

Keywords: ecosystem, digital ecosystem, innovation ecosystem, startup, human capital.

Цифровизация, глобализация экономики и иных социальных процессов, времена пандемии, смещение ценностного вектора в обществе диктуют потребность в перестройке стратегий в области бизнеса и управления ресурсами.

Каждая экосистема отрасли имеет свои особенности, которые в научном плане рассматривались в различных публикациях следующим образом: в части экономики персонала компании выделяются штатные, внештатные сотрудники и сотрудники, выполняющие работу дистанционно [2] банковской экосистемы [3, 4, 5]. Корпоративная экосистема связана с глобализацией рынков и усложнением моделей взаимодействия между организациями [6], предпринимательской экосистемой [7], интеграционной цифровой экосистемой [8, 9]. Осуществляемая цифровизация экономики приводит к возникновению на более высоком уровне развития цифровой экосистемы [10].

В Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017 – 2030 гг. под экосистемой цифровой экономики понимается «партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти РФ, организаций и граждан» [1].

В рамках цифровой экосистемы действуют сразу несколько самостоятельных участников: холдинговая компания (владелец цифровой экосистемы); операторы цифровых платформ, осуществляющие организационно-технологическую деятельность по поддержанию функционирования цифровой платформы и посредническую деятельность по установлению контактов между производителями продуктов и пользователями; партнеры операторов цифровых платформ, реализующие свои продукты через цифровые платформы (страховщики, рестораны, такси, аптеки и т.п.); пользователи – потребители реализуемых продуктов и посреднических услуг операторов цифровых платформ.

Основные модели развития цифровой экосистемы конкретной отрасли должны включать:

1. Развитие клиентоориентированных цифровых сервисов, оптимизирующих взаимодействие с пользователями в рамках доменной модели. Обеспечить эффективное исполнение контрольных функций регуляторными органами за счет использования цифровых платформ, позволяющих установить бесперебойный контакт с различными категориями контролируемых организаций, конечными потребителями и иными госструктурами.

2. Формирование экосистемы технологического суверенитета и лидерства требует разработки привлекательных экономических стимулов и ликвидации административных препятствий, направленных на повышение притока инвестиций в создание и масштабное производство отечественных высокотехнологичных решений и оборудования, соответствующих мировым стандартам. Необходимо создать инфраструктуру, способную привлекать инвестиции в развитие национальных технологий на базе инновационных разработок. Разработка передовых технологий, позволяющих перевести экономику на отечественную основу, а также формирование компетенций для эксплуатации и адаптации импортного оборудования – ключевые шаги.

3. Обеспечение высокой степени надёжности и безопасности систем в отдельных отраслях требует комплексного подхода. Системное управление процессами должно осуществляться через специально созданный координационный орган.

4. Формирование привлекательной инвестиционной среды предполагает: поддержку научно-производственных союзов по приоритетным направлениям; развитие специализированных инжиниринговых центров с государственной помощью и централизованной закупочной деятельностью, применяя единые профессиональные требования; обеспечение плотной связи между фундаментальными исследованиями, практическими разработками и промышленным производством. Успешная реализация указанных мер приведёт к постоянному росту количества внедрённых отечественных технологий, оборудования и программного обеспечения.

5. Ключевым элементом успеха является развитие человеческого капитала. Основная задача кадровой политики – привлечение и удержание высококвалифицированных специалистов, а также создание условий для их непрерывного профессионального роста. Необходимо: анализировать и прогнозировать состояние рынка труда с учётом потребностей различных сфер экономики; внедрять профессиональные стандарты, покрывая 80% работников к 2036 году и 100% – к 2050 году; усиливать взаимодействие университетов и предприятий, в том числе через целевую подготовку и практики; создавать условия для профориентации с раннего возраста, активно продвигать востребованные специальности, развивать молодёжные сообщества и трудовые семьи; расширять социальное партнёрство, гарантировать справедливую зарплату и комфортные условия работы; разрабатывать программы удержания персонала на каждом этапе профессионального пути, включая наставничество и межрегиональную мобильность; обеспечивать непрерывное повышение квалификации за счёт средств, составляющих не менее 1% фонда оплаты труда к 2036 году и не менее 1,5% – к 2050 году.

Теперь проанализируем основные факторы, определяющие место, роль стартапов.

1. Привлекательность стартапов по сравнению с другими развивающимися экосистемами. В условиях современной российской экономики стартапы играют ключевую роль в формировании динамично развивающихся инновационных экосистем.

2. Актуальность изучения изменяющейся действительности. Российская экономика переживает период глубокой трансформации под влиянием санкционного давления, разрывов в международных цепочках поставок, а также реализации курса на замещение импортных товаров и обеспечение технологической независимости. Одновременно наблюдается стремительное внедрение цифровых решений во всех сферах – от коммерческой деятельности до системы госуправления и бытовой сферы. Подобные процессы порождают устойчивый запрос на новые технологии, инновационные модели взаимодействия и передовые бизнес-процессы. Поиск направлений развития В таких условиях возрастает важность выявления новых потенциальных очагов роста, способных компенсировать утерю ранее существовавших рынков и зависимостей от внешних источников технологий. Особое внимание обращается на инновационные формы предпринимательства, особенно стартапы – они оперативно проверяют идеи, заполняют незанятые ниши, создают новые рыночные ниши. Исследование привлекательности стартапов имеет как научную, так и практическую ценность, поскольку позволяет корректно выстраивать экономическую политику и разрабатывать стратегии развития предприятий.

3. Терминология: «стартап» и «инновационная экосистема». Стартап Молодая технологическая организация, реализующая инновационный продукт в условиях высокой неопределенности.

Характеризуется следующими чертами: постоянная проверка допущений; гибкий, экспериментальный метод развития; поиск повторяемой бизнес-модели; склонность к быстрой адаптации продукта, целевой аудитории или стратегии; фокус на масштабировании и стремительном росте, а не на обеспечении стабильного дохода. Инновационная среда представляет собой сложную сеть взаимодействующих субъектов: государственных структур, крупных компаний, малого и среднего бизнеса, научно-образовательных учреждений, инвестиционных фондов и организаций инфраструктурной поддержки. Ключевые черты такой системы: зависимость от сетевых связей; коллективное производство полезных решений и активный обмен экспертизой; быстрое распространение новых технологий и моделей; стартапы выступают в роли движущей силы или центрального элемента, задающего направление инновационного развития.

4. Цель и задачи исследования стартапов. Цель – продемонстрировать преимущество стартапов как модели инновационного предпринимательства по сравнению с альтернативными формами экосистем в контексте современной экономической действительности.

Задачи: – теоретическое осмысление ключевых терминов: «стартап», «инновационная экосистема», «бизнес-экосистема»; – классификация видов динамично развивающихся систем: стартап-ландшафты, корпоративные инновационные платформы, территориальные кластеры и технопарки, сектор МСП, цифровые экосистемы на основе платформ; – сравнительная оценка различных моделей по параметрам адаптивности, надежности, привлекательности для капиталовложений и перспективам масштабирования; – анализ рисков, характерных для стартапов, и условий, способствующих синергетическому взаимодействию между различными типами экосистем.

5. Основные формы развивающихся экосистем

5.1. Стартап-экосистема – объединяет инкубаторы, акселераторы, венчурные капиталы, бизнес-ангелов, предпринимательские сети и специализированные инфраструктурные решения. 5.2. Корпоративные инновационные платформы – включают внутренние акселераторы, корпоративные фондовые структуры, проекты совместного тестирования с молодыми компаниями, инициативы открытых инноваций. 5.3. Региональные кластеры и технопарки – обеспечивают доступ к оборудованию, рабочей площади, налоговым преференциям, способствуя формированию местных сообществ инноваторов. 5.4. Экосистема малого и среднего предпринимательства – сфокусирована на устойчивых бизнес-процессах, играет важную роль в обеспечении трудовой занятости и пополнении бюджета за счет налогов. 5.5. Цифровые платформенные системы – представлены крупными IT-корпорациями и онлайн-маркетплейсами, объединяющими разработчиков, поставщиков сервисов и партнеров в едином пространстве.

6. Значение стартапов в процессе экономических изменений

Создание собственных технологических решений через стартапы способствует преодолению технологических пробелов, заполняя нишу, оставшуюся после вывода иностранных продуктов. Благодаря минимальной административной нагрузке, стартапы демонстрируют высокую оперативность и способность оперативно перестраивать свои продукты в ответ на изменения законодательства. Эффективное распространение успешных моделей на новые территории и за рубежные рынки обеспечивает их широкое применение. Кроме того, стартапы становятся источником передовых решений для государства и крупных компаний, предлагая инновационные подходы, реализация которых в рамках больших структур затруднена или экономически невыгодна.

7. Отличия стартапов от других экосистем

Рост: стартапы обладают значительным потенциалом масштабирования при низких предельных издержках, тогда как платформы достигают эффективности за счет сетевых преимуществ. Гибкость: стартапы принимают решения быстро, активно тестируют идеи, в то время как корпорации замедлены процессами внутреннего управления. Устойчивость: стартапы подвержены высокому уровню рисков, зависят от притока финансирования, тогда как корпорации, малый бизнес и кластеры имеют прочную финансовую базу и механизмы контроля рисков. Привлечение инвесторов: стартапы предлагают высокую доходность при большом уровне неопределенности, в отличие от других форм, где показатели более стабильны, хотя и скромнее. Мотивация сотрудников: в стартапах ценится автономия, влияние на развитие продукта и возможность участия в доле компании, в корпорациях же важны стабильность, соцпакеты и четкая карьерная траектория.

8. Большие возможности и существующие риски стартапов. Ключевые вызовы для стартапов: высокая вероятность закрытия, зависимость от изменений нормативной среды, колебания инвестиционного климата и напряженность на рынке кадров, включая риск ухода талантливых специалистов. Для успешного развития им необходима комплексная система поддержки – включающая государственную политику, партнёрство с корпорациями, развитие региональных инфраструктур и взаимодействие с научными учреждениями.

9. Стартапы в союзе с корпоративными, региональными и академическими структурами. Стартапы выступают ключевыми драйверами инновационных процессов в рамках корпораций – обеспечивают интеграцию и распространение новшеств. Региональные территории становятся площадками для сотрудничества и формирования необходимой инфраструктуры. Университеты концентрируются на научном исследовании, подготовке квалифицированных кадров и передаче технологий. Совместное взаимодействие этих звеньев усиливает результативность каждого и способствует преобразованию высокого инновационного потенциала стартапов в осязаемые технологические прорывы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стартапы – самый мобильный компонент инновационной среды, опережающий остальные по темпам роста, гибкости и новаторству. Однако их возможности ограничены без поддержки других секторов экосистемы. В сравнении с крупными организациями, они проигрывают в финансовой прочности и потреблении ресурсов. Критически важна слаженная работа всей инновационной цифровой экосистемы. Для успешного решения поставленных задач целесообразно провести актуализацию стратегических и нормативно-технических документов в сфере цифровой трансформации, обновив список приоритетных технологических направлений и решений с применением искусственного интеллекта и автоматизированного оборудования. Необходимо формировать условия для развития собственных компетенций в области создания цифровых решений, ориентированных на специфику отрасли, у российских организаций – при наличии достаточных ресурсов: научных разработок, технической документации, прав на интеллектуальную собственность, материально-технической базы, квалифицированных кадров и финансовых возможностей, включая участие в международных проектах. Следует организовать развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта в отраслевых предприятиях, создавая специализированные центры компетенций. Обеспечить переход к управлению на основе анализа больших данных через реализацию цифрового мониторинга.

Список литературы

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.
2. Волкова А. Экосистема персонала компании: правовое регулирование и управление // ЭЖ-Бухгалтер. – 2023. – № 9.
3. Яковлева П.А. Банковские экосистемы: перспективы правового регулирования // Право и бизнес. – 2025. – № 1.
4. Узденов Ш.Ш. Понятие «банковская экосистема» // Банковское право. – 2022. – № 3. – С. 46–54.
5. Экосистемы: подходы к регулированию : доклад Банка России для общественных консультаций. – Москва : Банк России, 2021. – URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/119960/consultation_paper_02042021.pdf (дата обращения: 05.02.2026).
6. Паршин И.Д. Корпоративная экосистема: правовая природа и специфика применения в холдинговых объединениях // Гражданское право. – 2025. – № 4.
7. Агамагомедова С.А. Государство в предпринимательской экосистеме: правовое обоснование // Предпринимательское право. – 2025. – № 2.
8. Ионина М.В. Предпосылки создания цифровой экосистемы информационной безопасности таможенных органов Российской Федерации // Вестник Российской таможенной академии. – 2024. – № 1 (66). – С. 125–133.
9. Аксенов И.А. Анализ роли цифровых экосистем в налоговой и таможенной деятельности // На-логи. – 2025. – № 4.
10. Бурова А.Ю. Цифровые экосистемы: необходимость и содержание законодательного регулирования // Журнал российского права. – 2024. – № 1.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 203 of 9 May 2017 «On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030.» Collection of Legislation of the Russian Federation, 2017, No. 20, Art. 2901.
2. Volkova, A. Personnel Ecosystem of a Company: Legal Regulation and Management. EZh-Bukhgalter, 2023, No. 9.
3. Yakovleva, P.A. Banking Ecosystems: Prospects for Legal Regulation. Law and Business, 2025, No. 1.
4. Uzdenov, Sh.Sh. The Concept of «Banking Ecosystem.» Banking Law, 2022, No. 3, pp. 46–54. Legal reference system ConsultantPlus.
5. Bank of Russia. Public Consultation Report «Ecosystems: Approaches to Regulation.» Available at: https://www.cbr.ru/content/document/file/119960/consultation_paper_02042021.pdf
6. Parshin, I.D. Corporate Ecosystem: Legal Nature and Specifics of Application in Holding Associations. Civil Law, 2025, No. 4.
7. Agamagomedova, S.A. The State in the Entrepreneurial Ecosystem: Legal Justification. Entrepreneurial Law, 2025, No. 2.
8. Ionina, M.V. Prerequisites for Creating a Digital Ecosystem of Information Security in the Customs Authorities of the Russian Federation. Bulletin of the Russian Customs Academy, 2024, No. 1(66), pp. 125–133.
9. Aksenov, I.A. Analysis of the Role of Digital Ecosystems in Tax and Customs Activities. Taxes (Journal), 2025, No. 4.
10. Burova, A.Yu. Digital Ecosystems: The Necessity and Content of Legislative Regulation. Journal of Russian Law, 2024, No. 1.

Статья поступила в редакцию: 17.02.2026.

Received: 17.02.2026.

Статья принята к публикации: 21.05.2026.

Accepted: 21.05.2026.

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ТРУДНОДОСТУПНОЙ МЕСТНОСТИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ**Семенов Данила Елисеевич¹,***магистрант,**e-mail: SemenovDE@admhmao.ru***Бураев Федор Владимирович^{1,2,3},***кандидат экономических наук, доцент,**e-mail: f.buraev@mtu.ru*¹*АНОVO МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия*²*ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В.Плеханова», Москва, Россия*³*АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского», Москва, Россия*

В статье рассматривается специфика формирования и развития кадрового потенциала муниципальных образовательных учреждений в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, которые отличается географической удаленностью и суровыми климатическими условиями. В ходе проведенного анализа были определены структурные диспропорции в обеспечении педагогическими кадрами отдаленных территорий. В результате была произведена оценка эффективности действующих мер социальной поддержки работников образования. Особое внимание было уделено факторам, сдерживающим приток молодых специалистов в отдаленные муниципальные образования, т.к. данная категория педагогов рассматривается в качестве основного резерва обновления кадрового состава. По итогам была обусловлена необходимость перехода от унифицированных инструментов кадровой политики к дифференцированным механизмам, которые учитывают территориальную специфику конкретных районов. В заключительной части исследования представлены конкретные рекомендации по оптимизации системы муниципального управления кадровым потенциалом образовательных учреждений, функционирующих в северных регионах.

Ключевые слова: кадровый потенциал, муниципальное управление, образовательные учреждения, труднодоступная местность, ХМАО-Югра, педагогические кадры, текучесть персонала, кадровая политика.

THE SPECIFICS OF DEVELOPING THE HUMAN RESOURCES POTENTIAL OF MUNICIPAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN REMOTE AREAS OF THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG – YUGRA**Semenov D.E.¹,***master's student,**e-mail: SemenovDE@admhmao.ru***Buraev F.V.^{1,2,3},***Candidate of Economic Sciences, Associate Professor**e-mail: f.buraev@mtu.ru*¹*ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia*²*FGBOU VO "Rossyiskiy ekonomicheskij universitet imeni G.V.Plekhanova", Moscow, Russia*³*ANO VO "Universitet mirovykh tsivilizatsiy imeni V.V.Zhirinovskogo", Moscow, Russia*

The article examines the specifics of the formation and development of the human resources potential of municipal educational institutions in the conditions of geographical remoteness and harsh climatic conditions of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra. The analysis reveals structural imbalances in the provision of teaching staff in remote areas, based on which the effectiveness of existing social support measures for education workers is assessed. Special attention is paid to the factors constraining the influx of young professionals to remote municipalities, since this category of teachers is considered as the main reserve for personnel renewal. The results obtained make it possible to substantiate the need for a transition from unified personnel policy tools to differentiated mechanisms that take into account the territorial specifics of specific areas. In the final part of the work, practice-oriented directions for improving municipal personnel management in educational organizations of the northern territories are proposed.

Keywords: human resources, municipal administration, educational institutions, remote areas, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra, teaching staff, staff turnover, personnel policy.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования – обеспечение общеобразовательных организаций квалифицированными педагогическими кадрами относится к числу стратегических приоритетов государственной образовательной политики Российской Федерации. Особо остро данная проблема проявляется в регионах, территории которых отнесены к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям. В этих регионах объективные природно-климатические, инфраструктурные и демографические ограничения формируют специфические условия функционирования муниципальной системы образования.

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра занимает лидирующие позиции по уровню социально-экономического развития среди субъектов Уральского федерального округа. Также наблюдается существенная внутрирегиональная дифференциация уровня кадрового обеспечения образовательных учреждений. В административном центре и крупных городах ситуация с педагогическими кадрами оценивается как относительно благополучная, тогда как отдаленные муниципальные районы – Березовский, Кондинский, Нижневартовский – на протяжении длительного времени испытывают устойчивый дефицит учителей-предметников и узких специалистов. Сохранение указанного дисбаланса актуализирует потребность в углубленном научном осмыслении факторов, препятствующих эффективному развитию кадрового потенциала муниципальных образовательных учреждений в труднодоступной местности, и выработке соответствующих управленческих решений.

СТЕПЕНЬ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Отдельные аспекты формирования и развития кадрового потенциала муниципального управления рассматриваются в трудах С.А. Авакьяна [1], Е.А. Погребцовой [6], О.Ю. Максимовой [5]. Специфика управления кадровыми ресурсами в образовательной сфере нашла отражение в исследованиях Е.В. Грязновой, Е.А. Вересовой, В.В. Михеевой [3], а также Р.А. Долженко и соавторов [4]. Региональные особенности функционирования рынка труда и проблемы профессионального образования в северных территориях проанализированы в публикациях М.А. Терентьевой [7]. Социологический анализ кадрового состава образовательных организаций представлен в учебном пособии Ф.Э. Шереги и А.Л. Арфьева [9]. Вместе с тем комплексных исследований, посвященных выявлению территориальной специфики развития кадрового потенциала муниципальных образовательных учреждений ХМАО-Югры в контексте труднодоступности и удаленности населенных пунктов, в настоящее время недостаточно, что предопределяет научную новизну настоящей работы.

Цель исследования заключается в выявлении структурных диспропорций кадровой обеспеченности муниципальных образовательных учреждений ХМАО-Югры и обосновании направлений совершенствования управления кадровым потенциалом с учетом фактора территориальной удаленности.

Для достижения поставленной цели решались следующие **задачи**:

- систематизировать теоретические подходы к определению кадрового потенциала муниципального управления в сфере образования;
- провести количественный анализ кадровой обеспеченности системы общего образования ХМАО-Югры в разрезе отдельных должностей и возрастных групп;
- дать оценку эффективности действующих мер социальной поддержки педагогических работников применительно к условиям труднодоступной местности;
- выявить устойчивые тенденции, сдерживающие развитие кадрового потенциала отдаленных муниципальных районов;
- предложить практико-ориентированные направления совершенствования муниципальной кадровой политики.

Теоретико-методологическую основу исследования составили научные труды отечественных ученых в области управления человеческими ресурсами, муниципального менеджмента и экономики образования. Использовались общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительного и статистического анализа, а также метод систематизации данных.

Эмпирическая база исследования включает данные «дорожной карты» по кадровому обеспечению системы общего образования ХМАО-Югры [14], официальные сведения Департамента образования и науки ХМАО-Югры о реализации мер поддержки педагогов [13], [11], аналитические материалы о выполнении программы «Земский учитель» [15], а также статистическую информацию о численности работников муниципальных учреждений Березовского района [12].

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных выводов и рекомендаций при разработке муниципальных программ кадрового обеспечения образовательных организаций, функционирующих в условиях географической удаленности и суровых климатических условий.

Обеспечение образовательных учреждений квалифицированными педагогическими кадрами выступает одним из ключевых приоритетов государственной политики в сфере образования. Для муниципальных образований, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, данная проблема приобретает особую остроту вследствие наложения объективных географических, климатических и инфраструктурных ограничений [1, с. 14-15]. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, будучи одним из наиболее экономически развитых субъектов Российской Федерации, демонстрирует относительно благополучную ситуацию с кадровым обеспечением школ по сравнению с другими регионами Уральского федерального округа. Вместе с тем внутрирегиональная дифференциация остается весьма существенной: отдаленные муниципальные районы, такие как Березовский, Кондинский, Нижневартовский, испытывают устойчивый дефицит педагогических работников, особенно по узким специальностям [9, с. 119]. Сложившаяся ситуация требует углубленного анализа причин кадрового дисбаланса и выработки адресных управленческих решений на муниципальном уровне.

Кадровый потенциал муниципального управления в сфере образования представляет собой совокупность количественных и качественных характеристик персонала, определяющих способ-

ность образовательных организаций эффективно реализовывать возложенные на них функции. В научной литературе подчеркивается, что результативность деятельности муниципальных органов власти, а, следовательно, и качество жизни граждан напрямую зависит от профессионализма специалистов, занятых в бюджетной сфере. Исследователи выделяют трехуровневую модель развития кадрового потенциала (высокий, средний, низкий) с соответствующими характеристиками для каждого уровня, а также определяют этапы планирования кадрового потенциала при подборе, оценке, развитии и стимулировании профессионального роста специалистов. Применительно к системе образования особое значение приобретает «комплексный подход, включающий создание благоприятной рабочей среды, укрепление корпоративной культуры, инвестиции в обучение и развитие сотрудников, а также внедрение прозрачных и справедливых систем оценки и стимулирования» [6, с. 25-27].

Специфика кадрового обеспечения северных территорий накладывает дополнительные требования к управленческим механизмам. Отсутствие научных основ управления человеческими ресурсами в условиях экстремальных природно-климатических факторов, низкая эффективность используемых кадровых технологий и неразработанность адаптированных теоретических моделей существенно осложняют решение кадровых проблем [3, с. 14]. Традиционные инструменты привлечения персонала, успешно апробированные в регионах с благоприятным климатом и развитой инфраструктурой, в условиях труднодоступной местности демонстрируют ограниченную результативность. Требуется разработка специальных подходов, учитывающих особенности формирования мотивационного профиля работников, принимающих решение о переезде и долгосрочной занятости в северных муниципалитетах [9, с. 150-152].

Анализ количественных показателей кадровой обеспеченности системы общего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры позволяет выявить ключевые структурные диспропорции. Согласно данным, представленным в «дорожной карте» по кадровому обеспечению, общая численность педагогических работников, реализующих программы начального, основного и среднего общего образования в регионе, характеризуется неравномерным распределением по возрастным группам и предметным областям [14]. Систематизация сведений о фактическом количестве педагогических работников в разрезе отдельных должностей представлена в табл. 1.

Представленные в табл. 1 данные свидетельствуют о неравномерности кадрового дефицита в разрезе предметных областей. Наибольшая доля вакантных должностей фиксируется по таким предметам, как физика (4,2%), математика (3,2%), русский язык и литература (2,7%). Обращает на себя внимание и возрастная структура педагогического корпуса: по учителям математики доля работников в возрасте 61 год и старше достигает 10,8% от общего числа, по учителям русского языка и литературы – 10,2%, тогда как по учителям иностранного языка данный показатель составляет лишь 5,0%. Подобная диспропорция свидетельствует о грядущем обострении кадрового голода по мере выхода на пенсию значительной части опытных педагогов-предметников [9, с. 119-120].

Проведенный анализ показывает, что при относительно благополучной ситуации с обеспеченностью учителями начальных классов (доля вакансий 0,9%) по ряду ключевых предметов наблюдается устойчивый дефицит. Особую тревогу вызывает положение с учителями физики, где сочетаются высокая доля вакантных должностей (4,2%) и низкий удельный вес молодых специалистов в возрасте до 35 лет (всего 45 человек на весь регион). Воспроизводство кадрового потенциала по данному направлению происходит крайне медленными темпами.

Обеспеченность педагогическими кадрами системы общего образования ХМАО-Югры по отдельным должностям

Должность	Общее количество, чел.	В т.ч. в возрасте до 35 лет, чел.	В т.ч. в возрасте 61 год и старше, чел.	Число вакантных должностей, ед.	Доля вакантных должностей, %
Учитель начальных классов	3403	768	166	30	0,9
Учитель русского языка и литературы	1230	225	126	33	2,7
Учитель математики	980	208	106	31	3,2
Учитель физики	287	45	27	12	4,2
Учитель информатики и ИКТ	349	107	8	6	1,7
Учитель иностранного языка	1184	453	59	18	1,5

Источник: составлено автором на основе данных «дорожной карты» по кадровому обеспечению системы общего образования ХМАО-Югры [14].

В целях преодоления кадрового дефицита на федеральном, региональном и муниципальном уровнях реализуется комплекс мер социальной и материальной поддержки педагогических работников. Программа «Земский учитель», инициированная в 2020 году, предусматривает единовременную выплату в размере одного миллиона рублей специалистам, переезжающим на работу в сельские населенные пункты и малые города с численностью населения до 50 тысяч человек. За шесть лет реализации программы в ХМАО-Югре 66 педагогов стали ее участниками. В 2026 году планируется закрыть 7 вакантных должностей в рамках данного проекта. Кроме того, в регионе действуют дополнительные проекты: региональный проект «Педагоги и наставники» и национальный проект «Молодежь и дети» [13]. Сводный перечень мер поддержки педагогических работников в ХМАО-Югре систематизирован в табл. 2.

Таблица 2

Система мер поддержки педагогических работников в ХМАО-Югре

Категория мер	Содержание меры поддержки	Уровень установления
Единовременные выплаты при переезде	Пособие в размере двух должностных окладов; пособие на членов семьи; оплата переезда и провоза багажа; отпуск 7 дней для обустройства	Региональный
Компенсация жилищных расходов	Компенсация расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг; компенсация расходов по найму жилья	Муниципальный
Стимулирование молодых специалистов	Единовременная выплата в размере двух окладов с учетом районного коэффициента и северной надбавки	Региональный
Регулярные доплаты	Ежемесячная доплата за работу в сельской местности – 2000 рублей	Региональный

Северные надбавки	Процентная надбавка с первого дня работы: 80% в Белоярском и Березовском районах, 50% в остальных муниципальных образованиях	Федеральный
Пенсионные гарантии	Единовременное вознаграждение при выходе на пенсию (25 окладов) при наличии 10-летнего стажа в регионе	Региональный
Программа «Земский учитель»	Единовременная выплата 1 млн рублей при переезде в сельский населенный пункт или малый город	Федеральный

Источник: составлено автором на основе данных Департамента образования и науки ХМАО-Югры и материалов о реализации программы «Земский учитель» [13],[11].

Несмотря на внушительный перечень мер поддержки, их эффективность в отдаленных муниципальных образованиях остается ограниченной. Эксперты указывают на недостаточность единовременной выплаты в один миллион рублей для решения жилищного вопроса: за эти средства в ХМАО-Югре невозможно приобрести даже 10 квадратных метров жилья. Жилищная проблема признается ключевым барьером для участия в программе «Земский учитель», наряду с бюрократическими сложностями и непростыми условиями работы. Мониторинг Общероссийского профсоюза образования показал, что получить субсидии на приобретение жилья, служебную квартиру или место в общежитии педагога могли лишь в 64 регионах, причем данные меры далеко не всегда носили системный характер [15].

Оценивая результативность предпринимаемых усилий, следует признать, что существующий набор инструментов поддержки педагогических кадров далеко не всегда приводит к желаемому результату в удаленных населенных пунктах. Проблема заключается не только в объеме финансирования, но и в слабой адаптации управленческих решений к реальным условиям жизни и труда на конкретной территории [7, с. 112]. Аналитики отмечают, что даже при формальной занятости вакантных ставок в отдаленных школах значительная часть учебной нагрузки закрывается за счет внутреннего совмещения, переработок действующих сотрудников и эпизодического привлечения специалистов из других муниципалитетов [5, с. 7-8]. Подобная практика маскирует истинные масштабы нехватки персонала, однако неизбежно ведет к нарастанию профессиональной усталости педагогов и снижению качества образовательных услуг.

Исследователи кадровых процессов в бюджетной сфере неоднократно указывали на существование так называемых «ловушек удаленности», когда дополнительные выплаты и надбавки перестают играть стимулирующую роль по мере увеличения транспортной изолированности территории [7, с. 117-118]. В небольших посёлках и сёлах северных районов к числу критически значимых факторов, определяющих решение специалиста остаться на рабочем месте или уволиться, относятся не столько уровень заработной платы, сколько доступность социальной инфраструктуры, возможность получения качественной медицинской помощи, наличие досуговой среды и перспектив для членов семьи. Игнорирование данных аспектов при разработке муниципальных кадровых программ приводит к тому, что даже существенные финансовые вливания не обеспечивают долгосрочного закрепления персонала [6, с. 26-27].

Обобщение накопленного в северных субъектах Российской Федерации опыта позволяет выделить несколько устойчивых тенденций, тормозящих развитие кадрового потенциала образовательной отрасли. Первая тенденция связана с углубляющейся поляризацией между городскими и сельскими педагогическими коллективами: в то время как в административных центрах наблюдается относительно стабильная ситуация, периферийные школы вынуждены функционировать в режиме хронического кадрового голода. Вторая тенденция проявляется в постепенном снижении престижа

педагогической профессии среди выпускников школ, проживающих в малых населённых пунктах, что сокращает возможности для воспроизводства кадров за счёт местных ресурсов [7, с. 124]. Третья тенденция выражается в запаздывающем характере управленческих решений: меры, признаваемые эффективными на момент их внедрения, к моменту получения первых результатов уже не в полной мере соответствуют изменившимся социально-экономическим условиям [5, с. 9].

Преодоление обозначенных негативных тенденций требует пересмотра сложившихся подходов к муниципальному регулированию кадровых процессов в образовании. Первостепенное значение приобретает формирование долгосрочных прогнозов потребности в педагогических кадрах с учётом демографической динамики конкретных районов и планов по развитию их инфраструктуры. Параллельно необходимо расширять практику заключения договоров о целевом обучении, предусматривающих не только финансовую поддержку студента в период получения образования, но и гарантированное предоставление жилья по окончании вуза [4, с. 43]. Ещё одним важным направлением становится создание в отдалённых муниципалитетах опорных методических центров, которые могли бы взять на себя функции повышения квалификации педагогов без необходимости их длительного выезда за пределы района [5, с. 11]. Наконец, требуется внедрение механизмов регулярной обратной связи с педагогическим сообществом, позволяющих своевременно корректировать содержание и объём предоставляемых мер поддержки в зависимости от меняющихся запросов работников [3, с. 52].

Реализация перечисленных инициатив способна придать новый импульс развитию кадрового потенциала муниципальных образовательных учреждений, расположенных в труднодоступной местности Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Принципиально важным представляется смещение акцента с краткосрочного материального стимулирования на создание комплексных условий, обеспечивающих профессиональную самореализацию педагога и достойное качество жизни его семьи в северном населённом пункте [7, с. 153-154]. Системная работа в данном направлении позволит не только стабилизировать численность педагогических коллективов, но и сформировать устойчивую мотивацию молодых специалистов к долговременной трудовой деятельности в образовательных организациях отдалённых территорий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило получить следующие основные результаты. **Во-первых**, систематизированы теоретические представления о сущности кадрового потенциала муниципального управления в образовательной сфере. Обосновано, что применительно к территориям с экстремальными природно-климатическими условиями традиционные подходы к управлению персоналом требуют существенной адаптации, учитывающей территориальную изолированность и ограниченность социальной инфраструктуры. **Во-вторых**, в результате количественного анализа выявлены структурные диспропорции в обеспечении педагогическими кадрами системы общего образования ХМАО-Югры. Доказано, что дефицит педагогических работников носит дифференцированный характер: максимальная доля вакантных должностей зафиксирована по таким предметам, как физика (4,2%), математика (3,2%), русский язык и литература (2,7%). Одновременно обнаружен существенный возрастной дисбаланс педагогического корпуса, проявляющийся в высокой доле работников пенсионного возраста при недостаточном притоке молодых специалистов. **В-третьих**, дана оценка эффективности действующей системы мер социальной поддержки педагогов. Установлено, что при

формально широком перечне инструментов стимулирования, включающем программу «Земский учитель», северные надбавки, региональные доплаты и жилищные компенсации, их результирующее воздействие на привлечение кадров в отдаленные муниципальные образования остается ограниченным. Ключевой проблемой признано несоответствие размера единовременных выплат реальной стоимости приобретения жилья на территории округа. **В-четвертых**, идентифицированы три устойчивые тенденции, сдерживающие развитие кадрового потенциала в труднодоступной местности: углубляющаяся поляризация между городскими и сельскими педагогическими коллективами; снижение престижа педагогической профессии среди выпускников малых населенных пунктов; запоздавающий характер управленческих решений относительно меняющихся социально-экономических условий.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу кадрового потенциала муниципальных образовательных учреждений ХМАО-Югры, учитывающем не только количественные показатели обеспеченности педагогическими кадрами, но и специфику мотивационного профиля работников в условиях труднодоступной местности. Введено в научный оборот понятие «ловушек удаленности» применительно к анализу эффективности кадровой политики в северных муниципальных образованиях. На основе проведенного анализа впервые предложена система дифференцированных управленческих мер, включающая долгосрочное прогнозирование кадровой потребности, расширение целевого обучения с жилищными гарантиями, создание опорных методических центров и внедрение механизмов обратной связи с педагогическим сообществом.

Практическая значимость полученных результатов состоит в возможности их использования органами муниципального управления при разработке и корректировке программ кадрового обеспечения образовательных организаций. Предложенные рекомендации ориентированы на переход от унифицированных инструментов кадровой политики к адресным механизмам, учитывающим транспортную доступность, уровень развития социальной инфраструктуры и локальные особенности рынка труда конкретных территорий.

Перспективы дальнейших исследований связаны с проведением углубленных эмпирических исследований мотивационного профиля педагогов отдаленных муниципальных районов на основе анкетирования и глубинных интервью, а также с разработкой математических моделей прогнозирования кадровой потребности образовательных организаций северных территорий с учетом демографических и миграционных факторов.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Кадровый потенциал органов публичной власти как фактор устойчивости управления // Государственное управление. Электронный вестник. – 2024. – № 105. – С. 12-28.
2. Волкова И.А. Развитие кадрового и научно-образовательного потенциала цифровой экономики в ХМАО-Югре // Актуальные проблемы гуманитарных наук : Всероссийская научно-практическая конференция, Нижневартовск, 20 февраля 2021 года. – Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2021. – С. 150-153.
3. Грязнова Е.В., Вересова Е.А., Михеева В.В. Проблемы управления развитием кадрового потенциала в системе образования // Современное педагогическое образование. – 2021. – № 1. – С. 50-53.
4. Долженко Р.А., Корчагин Р.Н., Занко Т.А., Скоробогатова В.И. Развитие системы подготовки кадров для муниципалитетов // Государственная служба. – 2024. – № 3 (149). – С. 39-48.
5. Максимова О.Ю. Социальные механизмы развития кадрового потенциала муниципальной службы в России : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08. – Москва, 2016. – 28 с.

6. Погребцова Е.А. Специфика развития кадрового потенциала современной системы муниципального управления // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – № 5. – С. 14-28.
7. Терентьева М.А. Трудовой потенциал северного региона и проблемы профессионального образования // Вопросы образования. – 2015. – № 1. – С. 118-136.
8. Устюжанцева, А.Н. Анализ транспортного и логистического потенциалов муниципального образования и формирование стратегически значимых направлений его развития (на примере Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) / А. Н. Устюжанцева, А. И. Паненко // Вестник Югорского государственного университета. – 2022. – № 3(66). – С. 173-186.
9. Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л. Кадры управления образованием. Социологический анализ : учебное пособие / под ред. Г.В. Осипова. – 2-е изд., пер. и доп. – Москва : Юрайт, 2024. – 229 с.
10. Carl B. Applying a Talent Analytics Approach to «Grow Your Own» Educator Initiatives in Rural School Districts / B. Carl, J. Seelig // Journal of Education Human Resources. – 2025. – Vol. 43, No. 2. – P. 422-431.
11. Все меры поддержки для педагогов в ХМАО: от 2000 до 200 000 рублей [Электронный ресурс] // ФедералПресс. – 2025. – 13 июня. – URL: <https://fedpress.ru/news/86/society/3384298> (дата обращения: 20.04.2026).
12. Информация о численности муниципальных служащих, работников муниципальных учреждений и затратах на их денежное содержание по МО Березовский район за 2 квартал 2025 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации Березовского района. – 2025. – 21 авг. – URL: <https://berezovo.ru/inform/messages/177061/> (дата обращения: 20.04.2026).
13. Педагоги-миллионеры или как в Югре учителя становятся земскими [Электронный ресурс] // ОТПК «Югра». – 2026. – 21 фев. – URL: https://ugra-tv.ru/news/society/pedagogi_millionery_ili_kak_v_yugre_uchitelya_stanovyatsya_zemskimi/ (дата обращения: 20.04.2026).
14. План мероприятий («дорожная карта») по кадровому обеспечению системы общего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [Электронный ресурс] // Гарант.Ру : информ.-правовой портал. – URL: <https://base.garant.ru/19045552/> (дата обращения: 20.04.2026).
15. Программа «Земский учитель» закрыла лишь 62 % вакансий в сельских школах [Электронный ресурс] // КлеверЛаб. – 2025. – 26 сент. – URL: <https://news.clever-lab.pro/programma-zemskij-uchitel-zakryla-lish-62-vakansij-v-selskih-shkolah/> (дата обращения: 20.04.2026).
16. Югра оказалась в числе лучших регионов УрФО, где педагогам предлагают самую большую зарплату [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. – 2025. – 2 сент. – URL: <https://ugra.mk.ru/social/2025/09/02/yugra-okazalas-v-chisle-luchshikh-regionov-urfo-gde-pedagogam-predlagayut-samuyu-bolshuyu-zarplatu.html> (дата обращения: 20.04.2026).

References

1. Avakyan, S.A. (2024). Personnel potential of public authorities as a factor of management stability. *Public Administration. Electronic Bulletin*, (105), 12–28.
2. Volkova, I.A. (2021). Development of human and scientific-educational potential of the digital economy in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra. In *Current problems of the humanities: All-Russian Scientific and Practical Conference* (Nizhnevartovsk, February 20, 2021) (pp. 150–153). Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University.
3. Gryaznova, E.V., Veresova, E.A., & Mikheeva, V.V. (2021). Problems of managing the development of personnel potential in the education system. *Modern Pedagogical Education*, (1), 50–53.
4. Dolzhenko, R.A., Korchagin, R.N., Zanko, T.A., & Skorobogatova, V.I. (2024). Development of the personnel training system for municipalities. *Public Service*, (3(149)), 39–48.
5. Maksimova, O.Yu. (2016). *Social mechanisms for developing the personnel potential of municipal service in Russia* (Abstract of Candidate of Sociological Sciences dissertation, 22.00.08). Moscow. 28 p.
6. Pogrebtsova, E.A. (2025). Specifics of developing the personnel potential of the modern municipal management system. *Economics and Management: Problems and Solutions*, (5), 14–28.

7. Terentyeva, M.A. (2015). Labour potential of the northern region and problems of professional education. *Educational Studies*, (1), 118–136.
8. Ustyuzhantseva, A.N., & Panenko, A.I. (2022). Analysis of the transport and logistics potential of a municipal entity and the formation of strategically significant directions for its development (the case of Nizhnevartovsk District of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra). *Bulletin of Yugra State University*, (3(66)), 173–186.
9. Sheregi, F.E., & Arefyev, A.L. (2024). *Education management personnel: A sociological analysis: A textbook* (G.V. Osipov, Ed., 2nd ed.). Moscow: Yurayt. 229 p.
10. Carl, B., & Seelig, J. (2025). Applying a talent analytics approach to “grow your own” educator initiatives in rural school districts. *Journal of Education Human Resources*, 43(2), 422–431.
11. All support measures for teachers in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug: From 2,000 to 200,000 rubles. (2025, June 13). *FederalPress*. Retrieved April 20, 2026, from <https://fedpress.ru/news/86/society/3384298>
12. Information on the number of municipal employees and staff of municipal institutions and the costs of their remuneration in Berezovsky District for the 2nd quarter of 2025. (2025, August 21). *Official Website of the Administration of Berezovsky District*. Retrieved April 20, 2026, from <https://berezovo.ru/inform/messages/177061/>
13. Millionaire teachers, or how teachers in Yugra become zemstvo workers. (2026, February 21). *OTRK “Yugra”*. Retrieved April 20, 2026, from https://ugra-tv.ru/news/society/pedagogi_millionery_ili_kak_v_yugre_uchitelya_stanovyatsya_zemskimi/
14. Action plan (“road map”) for staffing the general education system of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra. *Garant.Ru: Legal Information Portal*. Retrieved April 20, 2026, from <https://base.garant.ru/19045552/>
15. The “Zemsky Teacher” program filled only 62% of vacancies in rural schools. (2025, September 26). *CleverLab*. Retrieved April 20, 2026, from <https://news.clever-lab.pro/programma-zemskij-uchitel-zakryla-lish-62-vakansij-v-selskih-shkolah/>
16. Yugra ranked among the best regions of the Ural Federal District offering the highest teacher salaries. (2025, September 2). *Moskovsky Komsomolets*. Retrieved April 20, 2026, from <https://ugra.mk.ru/social/2025/09/02/yugra-okazalas-v-chisle-luchshikh-regionov-urfo-gde-pedagogam-predlagayut-samuyu-bolshuyu-zarplatu.html>

Статья поступила в редакцию: 23.04.2026.

Received: 23.04.2026.

Статья принята к публикации: 28.05.2026.

Accepted: 28.05.2026.

**СТРУКТУРНЫЕ ПАРАДОКСЫ ЭКОНОМИКИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ:
ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ****Семивеличенко Матвей Евгеньевич¹,***магистрант отделения Национальной экономики,**e-mail: MatveyS990@yandex.ru**ORCID: 0009-0007-1873-1628***Ильичева Софья Александровна¹,***магистрант отделения Национальной экономики,**e-mail: Sonia.ilishova@yandex.ru**ORCID: 0009-0008-5121-9957***Новикова Елена Валерьевна²,***кандидат экономических наук, доцент,**доцент кафедры экономики и финансов,**e-mail: e.novikova@mtti.ru**ORCID: 0000-0001-9994-6119*

¹ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Москва, Россия

²АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье анализируются структурные парадоксы экономики Свердловской области, возникающие в условиях перехода от экстенсивной к интенсивной модели роста. Показано, что устойчивый рост валового регионального продукта (ВРП) сопровождается рядом противоречивых тенденций, не находящих объяснения в рамках классической макроэкономической теории. Цель исследования – выявить и объяснить структурные парадоксы экономики региона. Методологическую основу составили методы факторного и сравнительного анализа. Эмпирическую базу исследования сформировали данные федеральной и региональной статистики, нормативно-правовые акты и проектная документация. Основные результаты заключаются в идентификации четырёх ключевых парадоксов: снижение доли обрабатывающей промышленности при сохранении инвестиционной активности в отрасли; рост ВРП при сокращении трудовых ресурсов и числа предприятий; устойчивость инвестиций в условиях жёсткой денежно-кредитной политики; снижение безработицы в условиях инфляционного давления. В заключении представлен прогноз дальнейшего развития региона и предложены меры государственной поддержки с учётом выявленных структурных особенностей. Полученные выводы могут быть использованы органами государственной власти и местного самоуправления при корректировке региональной экономической политики, а также при разработке программ модернизации промышленности и развития человеческого капитала.

Ключевые слова: структурные парадоксы, Свердловская область, валовой региональный продукт, инвестиции, интенсивный экономический рост, денежно-кредитная политика, региональная экономика.

**STRUCTURAL PARADOXES OF THE SVERDLOVSK REGION'S ECONOMY:
FACTOR ANALYSIS OF SOCIO-ECONOMIC DYNAMICS****Semivelichenko M.E.¹,***Master's student of the Department of National Economy,**e-mail: MatveyS990@yandex.ru**ORCID: 0009-0007-1873-1628*

Ilicheva S.A.¹,*Master's student of the Department of National Economy,**e-mail: Sonia.ilishova@yandex.ru**ORCID: 0009-0008-5121-9957***Novikova E.V.²,***Candidate of economic sciences, associate professor,**Department of Economics and Finance,**e-mail: e.novikova@mmu.ru**ORCID: 0000-0001-9994-6119**¹Federal State-funded Institution of higher education «The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», Moscow, Russia**²ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia*

The article analyzes the structural paradoxes of the economy of the Sverdlovsk region that arise in the context of the transition from an extensive to an intensive growth model. It is shown that sustainable growth of the gross regional product (GRP) is accompanied by a number of contradictory trends that cannot be explained within the framework of classical macroeconomic theory. The purpose of the study is to identify and provide a factor-based explanation of the structural paradoxes of the region's economy. The methodological basis includes methods of factor and comparative analysis. The empirical base is formed by data from the Federal State Statistics Service (Rosstat), the territorial body of Rosstat for the Sverdlovsk Region, official reports of the Ministry of Finance and the Ministry of Economic Development of the region. The main results consist in the identification of four key paradoxes: a decrease in the share of manufacturing while maintaining investment activity in the industry; GRP growth amid a reduction in labor resources and the number of enterprises; sustainability of investment under tight monetary policy; a decrease in unemployment amid inflationary pressure. The conclusion presents a forecast for the further development of the region and proposes government support measures taking into account the identified structural features. The findings can be used by public authorities and local governments in adjusting regional economic policy, as well as in developing programs for industrial modernization and human capital development.

Keywords: structural paradoxes, Sverdlovsk region, gross regional product, investment, intensive economic growth, monetary policy, regional economy.

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития российской экономики характеризуется радикальным переходом от состояния глубокой импортозависимости к стратегии кардинального импортозамещения и технологического суверенитета. В реализации задач промышленной политики государства ключевым звеном становятся региональные экономические системы. В этой связи особый научный практический интерес представляет экономика Свердловской области. Данный регион является не только крупнейшим промышленным центром Российской Федерации, но «стресс-тестом» для всей политики импортозамещения, поскольку высокая концентрация предприятий тяжелого машиностроения и металлургии делает регион критически значимым в замещении высокотехнологичного импорта. Однако для стратегического видения потенциала региона важно учитывать не только промышленные успехи региона, но и оценивать показатели социально-экономической динамики, чтобы избежать односторонних выводов и видеть всю совокупность региональных процессов целиком

Зачастую разнонаправленные тенденции социально-экономического спектра на фоне общей картины экономического роста, определяемые авторами как структурные парадоксы региональной

экономики, не вписываются теоретические постулаты макроэкономики и характеризуют собственные причинно-следственные связи. В этой связи примечательным является тот факт, что российские исследователи неоднократно обращали внимание на парадоксальные явления, характерные для экономики российских регионов. Так, профессор МГУ Н.В. Зубаревич [5], [6], чьи исследования направлены на глубокое изучение социально-экономических особенностей территориального развития России, отмечает, что в динамике макропроцессов российских регионов нередко можно встретить такие парадоксы реальной экономической практики, когда рост реальных доходов населения происходит на фоне промышленного спада и структурных дисбалансов¹. В свою очередь профессор и главный научный сотрудник ИЭОПП СО РАН Е.А. Коломак на обширном эмпирическом материале также подчеркивает расхождения между модельными прогнозами макроэкономической теории и реальными экономическими траекториями регионов: рост межрегионального неравенства на фоне общего экономического роста страны [7], [8], [9].

СТЕПЕНЬ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Теоретической основой для анализа парадоксов регионального развития служат работы, посвящённые проблемам измерения эффективности экономического роста, соотношения экстенсивных и интенсивных факторов. В российской науке значительный вклад в этом направлении внес отечественный классик А.Г. Гранберг [4]. Современные исследования связаны с трудами Д.А. Тартаркина [11], О.С. Сухарева [10], Д.Р. Белоусова [1], С.Ю. Глазьева [2],[3], А.А. Френкеля [12] и др. В зарубежной литературе фундаментальными являются труды Р. Солоу (модель экономического роста с учётом технологического прогресса) [16], П. Ромера (эндогенный рост) [15], а также работы по парадоксу Фельдштейна-Хориоки, описывающие взаимосвязь между национальными сбережениями и внутренними инвестициями [14].

Цель настоящего исследования – выявить факторные особенности, дающие объяснение структурным парадоксам экономики Свердловской области в контексте перехода от экстенсивной к интенсивной модели роста.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Оценить динамику и структурные сдвиги ВРП Свердловской области за 2012–2023 гг.;
2. Провести факторный анализ экономического роста с выделением вклада капитала, труда и технологической эффективности;
3. Идентифицировать ключевые парадоксы и предложить их экономическую интерпретацию.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ОЦЕНКА ЕЕ ФАКТОРНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ

На протяжении 2012–2023 гг. экономика Свердловской области демонстрировала устойчивую положительную динамику. Объём валового регионального продукта (ВРП) в текущих ценах увеличился с 1,48 трлн руб. в 2012 г. до 4,13 трлн руб. в 2023 г., что в сопоставимых ценах означает рост более чем в 2,7 раза. При этом среднегодовой темп прироста ВРП составил около 9–10%, что превышает общероссийские показатели.

Однако за этой внешне благополучной картиной скрываются довольно разнонаправленные процессы и противоречивые тенденции. Так, несмотря на значительный экономический рост, чис-

¹ EAnews. Промышленность падает, а люди едят и строят: профессор МГУ – о парадоксах региональной экономики//Интервью EАН.- 2025.- 7 ноября URL: <https://eanews.ru> (дата обращения: 18.04.2026).

ленность занятых в регионе сократилась с 2,29 млн человек в 2012 г. до 2,13 млн человек в 2023 г. (индекс 0,93), а количество предприятий уменьшилось со 119 тыс. до 115 тыс. (на 3,3%). Доля обрабатывающих производств в структуре ВРП снизилась с 31,8% до 29,6%, тогда как инвестиции в основной капитал в эту отрасль оставались стабильно высокими (21–23%). Наконец, в условиях ужесточения денежно-кредитной политики Банка России (рост ключевой ставки с 4,25% в 2020 г. до 16% в 2023 г.) инвестиционная активность не только не снизилась, но и возросла: объём инвестиций в основной капитал увеличился с 416,9 млрд руб. в 2020 г. до 720,3 млрд руб. в 2023 г.²

На фоне данной статистики, можно утверждать, что выявленные тренды макроэкономической динамики исследуемого субъекта РФ со всей очевидностью демонстрируют парадоксальную разнонаправленность, что требует более детально подхода к оценке структурных особенностей экономики региона и факторных детерминант ее роста.

Экономика Свердловской области традиционно имеет индустриальную специализацию. Крупнейший вклад в формирование ВРП вносят обрабатывающие производства (около 30%), оптовая и розничная торговля (около 15%), операции с недвижимостью (около 11%), транспортировка и хранение (около 7,5%) (табл. 1).

Таблица 1

Структура ВРП по основным видам деятельности 2020–2023 гг., %

Вид экономической деятельности	2020	2021	2022	2023	Изменение за период (п.п.)
Обрабатывающие производства	31,8	31,4	30,0	29,6	-2,2
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств	13,1	15,7	15,2	15,6	+2,5
Операции с недвижимым имуществом	10,4	10,1	10,7	11,2	+0,8
Транспортировка и хранение	5,9	6,0	6,2	7,5	+1,6
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	6,1	5,2	5,2	5,0	-1,1

Источник: составлено авторами по данным Росстата³.

За анализируемый период усиливается роль капиталоемких отраслей: металлургии, машиностроения, логистики. Одновременно растёт удельный вес отраслей, связанных с цифровизацией и сервисами, что свидетельствует о постепенной диверсификации экономической структуры.

Для оценки вклада факторов производства в экономический рост был проведён расчёт базисных индексов ВРП, численности занятых, основных фондов, фондовооружённости и фондоотдачи (табл. 2).

Таблица 2

Базисные индексы ключевых показателей (2012 = 1,0)

Год	I(ВРП)	I(Ч)	I(ФВ)	I(ФО)
2012	1,00	1,00	1,00	1,00
2013	1,06	1,01	1,08	1,07
2014	1,12	0,99	1,29	1,29

² Министерство экономического развития Свердловской области. Итоги социально-экономического развития Свердловской области за 2023 год. Екатеринбург, 2024. С. 45–47.

³ Федеральная служба государственной статистики. Структура валового регионального продукта по видам экономической деятельности (Свердловская область, 2020–2023). URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2026).

2015	1,23	1,00	1,41	1,41
2016	1,42	0,97	1,66	1,71
2017	1,52	0,95	1,69	1,77
2018	1,63	0,94	1,76	1,88
2019	1,71	0,93	2,17	2,34
2020	1,69	0,92	2,23	2,43
2021	2,08	0,93	3,06	3,30
2022	2,32	0,91	3,17	3,48
2023	2,78	0,93	3,40	3,65

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁴.

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что рост ВРП в 2,78 раза достигнут при сокращении численности занятых (индекс 0,93) и увеличении основных фондов в 3,4 раза. Фондоотдача выросла в 3,65 раза, что является прямым индикатором повышения эффективности использования капитала.

2. ИДЕНТИФИКАЦИЯ СТРУКТУРНЫХ ПАРАДОКСОВ

На основе проведённой факторной оценки были выделены четыре ключевых парадокса экономики Свердловской области.

Парадокс 1: снижение доли обрабатывающей промышленности в ВРП при сохранении высоких инвестиций в неё.

Как следует из табл. 1, доля обрабатывающих производств в ВРП сократилась на 2,2 процентных пункта. Однако доля инвестиций в основной капитал в эту отрасль оставалась стабильно высокой – на уровне 21–23% от общего объёма инвестиций. Объяснение данного парадокса заключается в том, что инвестиции направлялись преимущественно не на экстенсивное расширение мощностей, а на их модернизацию и автоматизацию. Рост фондоотдачи (в 3,65 раза) подтверждает, что новые инвестиции имеют качественный, технологический характер. Другие секторы экономики (торговля, транспорт) росли опережающими темпами, что изменило относительную структуру ВРП.

Парадокс 2: рост ВРП при сокращении численности занятых и числа предприятий.

За 2020–2023 гг. ВРП увеличился на 64%, тогда как численность занятых сократилась на 3,7%, а количество предприятий – на 3,3%. При этом ВРП в расчёте на одно предприятие вырос на 70% (с 21,1 млн до 35,8 млн руб.). Данный парадокс объясняется, во-первых, ростом производительности труда вследствие технологической модернизации; во-вторых, консолидацией бизнеса – уходом с рынка низкоэффективных предприятий и укреплением позиций более крупных и производительных организаций. Этот процесс сопровождался снижением доли убыточных организаций с 28,5% до 22,4%⁵. Внешние источники также фиксируют тенденцию к укрупнению бизнеса в регионе: в Свердловской области запущено несколько крупных промышленных проектов на десятки миллиардов рублей⁶.

Парадокс 3: рост инвестиционной активности в условиях ужесточения денежно-кредитной политики.

В период 2020–2023 гг. наблюдалось существенное повышение ключевой ставки Банка России – с 4,25% до 16%. В классической макроэкономической логике это должно было привести к

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Основные фонды и фондоотдача по субъектам РФ (Свердловская область). URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2026).

⁵ Территориальный орган Росстата по Свердловской области. Доля убыточных организаций в Свердловской области. – Екатеринбург, 2024.

⁶ РБК Екатеринбург. Свердловская область укрепила отношения с промышленниками. URL: <https://ekb.rbc.ru> (дата обращения: 18.04.2026).

сдерживанию инвестиционной активности за счёт удорожания заёмных ресурсов. Однако фактические данные региона демонстрируют иную картину: объём инвестиций в основной капитал увеличился с 416,9 млрд руб. до 720,3 млрд руб., при этом возрос и инвестиционный мультипликатор. Это во многом объясняется структурой финансирования: около 60% инвестиций обеспечиваются собственными средствами предприятий, тогда как доля банковских кредитов остаётся сравнительно небольшой (14% в 2023 г.)⁷. В результате инвестиционная активность в регионе меньше зависит от стоимости заёмных ресурсов и сохраняется даже при ужесточении денежно-кредитной политики.

Парадокс 4: снижение безработицы на фоне инфляции.

За 2020–2023 гг. уровень безработицы в Свердловской области сократился практически вдвое – с 5,8% до 2,9%⁸. Одновременно с этим экономика сталкивалась с заметным инфляционным ростом, пик которого пришёлся на 2022 г. (11,9%). На первый взгляд, подобное сочетание не вполне укладывается в традиционное представление о взаимосвязи инфляции и безработицы. В рамках классической интерпретации кривой Филлипса предполагается наличие обратной зависимости между этими показателями, однако в макросреде Свердловской области наблюдается отклонение от ожидаемой взаимосвязи. Это позволяет предположить, что решающую роль в формировании региональной макро-конъюнктуры играют не циклические, а структурные факторы. К числу таких факторов можно отнести рост загрузки мощностей, процессы импортозамещения, увеличение числа самозанятых и сокращение предложения рабочей силы. Это позволяет сохранять низкую безработицу даже при повышенной инфляции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый аналитический обзор и выявление ключевых экономических парадоксов развития Свердловской области позволяет сформулировать несколько ключевых выводов о текущем состоянии экономики Свердловской области, а также представить сценарные прогнозы её развития и комплекс рекомендуемых мер поддержки.

1. Экономика Свердловской области в рассматриваемый период демонстрирует устойчивый сдвиг в сторону интенсивной модели роста. Основное значение приобретают факторы, связанные с повышением эффективности использования ресурсов и технологическим обновлением, а не простое наращивание объёмов производства.

2. Выявленные в работе структурные парадоксы в целом не свидетельствуют о наличии кризисных явлений. Скорее, они отражают происходящие изменения в экономике региона – модернизацию производственной базы, укрупнение бизнеса и постепенную перестройку рынка труда.

3. Отдельные наблюдаемые процессы не полностью укладываются в рамки классических экономических моделей. Это говорит о том, что при анализе регионального развития целесообразно учитывать влияние структурных и институциональных факторов, а не ограничиваться только стандартными зависимостями.

С учётом выявленных структурных парадоксов и сложившихся трендов можно выделить три наиболее вероятных сценария развития региона:

Базовый сценарий (вероятность 60–70%): продолжение интенсивного роста с ежегодными темпами прироста ВРП на уровне 4–6% в сопоставимых ценах. Сохранится опережающий рост про-

⁷ Министерство финансов Свердловской области. Отчёт о структуре инвестиций в основной капитал по источникам финансирования за 2023 год. – Екатеринбург, 2024.

⁸ Федеральная служба государственной статистики. Уровень безработицы по субъектам РФ (Свердловская область). URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2026).

изводительности труда (на 5–7% в год) при стагнации или незначительном сокращении численности занятых. Доля обрабатывающей промышленности в ВРП стабилизируется на уровне 28–29% за счёт завершения активной фазы модернизации и переключения инвестиций в сектор услуг и высокотехнологичные производства. Инвестиционная активность останется высокой (ежегодный прирост 5–8%), но будет всё больше зависеть от собственных средств предприятий, так как долговое финансирование останется дорогим. Безработица зафиксирована на уровне 2,5–3,0% (фактическая полная занятость), а инфляционное давление постепенно снизится до 5–6% по мере адаптации экономики к новым условиям.

Оптимистичный сценарий (вероятность 20–25%): ускорение технологической модернизации за счёт крупных инвестиционных проектов в машиностроении и металлургии (производство промышленных роботов, аддитивные технологии, новые материалы). Возможен рост ВРП на 7–9% ежегодно при сокращении занятости ещё на 5–7% (высвобождение низкоквалифицированных кадров) и параллельном создании высокопроизводительных рабочих мест. Этот сценарий требует значительных бюджетных стимулов и льготного кредитования.

Пессимистичный сценарий (вероятность 10–15%): исчерпание эффекта от импортозамещения к 2026–2027 гг., замедление инвестиционной активности из-за сохранения высоких ставок и ухудшения внешнеэкономической конъюнктуры. Возможна стагнация промышленности при сохранении роста в секторе услуг, что приведёт к снижению темпов роста ВРП до 1–2% в год и росту социальной напряжённости из-за дефицита рабочих мест для неквалифицированных кадров.

С учётом выявленных особенностей развития региона (высокая фондоотдача, консолидация бизнеса, низкая безработица, слабая зависимость инвестиций от кредитных ставок) органам государственной власти и местного самоуправления целесообразно сосредоточиться на следующих направлениях:

1. Поддержка технологической модернизации. Поскольку инвестиции уже дают высокую отдачу (рост фондоотдачи в 3,65 раза), необходимо расширить субсидирование НИОКР и внедрение цифровых платформ управления производством (например, через компенсацию затрат на приобретение промышленного ПО и роботизированных комплексов). Это позволит закрепить интенсивную модель роста.

2. Стимулирование создания новых предприятий в нишевых сегментах. Парадокс сокращения числа предприятий при росте ВРП указывает на недостаток малых и средних инновационных фирм. Рекомендуется запустить региональную программу «Промышленный стартап» с предоставлением льготных займов до 50 млн руб. под 3–5% годовых для создания малых серийных производств в кооперации с крупным бизнесом.

3. Адаптация рынка труда к дефициту кадров. При безработице в 2,9% и сокращении трудовых ресурсов необходимо: а) запустить программы переподготовки высвобождаемых работников (финансирование через региональный центр занятости); б) создать условия для привлечения трудовых мигрантов из других регионов (субсидирование найма и компенсация расходов на жильё); в) внедрить практику «серебряного» наставничества для вовлечения пожилых специалистов.

4. Инфраструктурное обеспечение инвестиций. При сохранении высокой доли собственных средств предприятий в инвестициях (около 60%) государство может стимулировать дополнительный приток капитала за счёт: а) создания промышленных технопарков с готовой инженерной инфраструктурой (снижение капитальных затрат бизнеса на 20–30%); б) предоставления налоговых льгот по налогу на имущество для вновь вводимых основных фондов (освобождение на 3–5 лет).

5. Снижение инфляционного давления через поддержку конкуренции. Парадокс низкой безработицы на фоне инфляции свидетельствует о монопольных эффектах. Региональным антимонопольным органам следует усилить контроль за ценообразованием в социально значимых отраслях (продукты питания, топливо, стройматериалы), одновременно развивая рыночную инфраструктуру (ярмарки, биржевые площадки).

6. Мониторинг структурных сдвигов. Рекомендуется ежегодно обновлять факторный анализ по предложенной в статье методике (расчёт индексов фондоотдачи, производительности труда, инвестиционного мультипликатора) для своевременной корректировки региональной экономической политики.

В целом проведённое исследование показывает, что наблюдаемые в регионе противоречия имеют закономерный характер и связаны с трансформацией экономической структуры, а не с её дестабилизацией. При реализации предложенных мер поддержки Свердловская область сохранит роль одного из локомотивов российской промышленности, перейдя к устойчивому постиндустриальному росту с высокой долей высокотехнологичных услуг и человеческого капитала.

Список литературы

1. Белоусов Д.Р., Матвеев Д.А., Ганичев Н.А., Артеменко В.Г., Аблаев Э.Ю., Волков Р.Г., Солнцев О.Г., Дешко А.В. Пространственный аспект научно-технологического развития: экосистемный подход и формирование межрегиональных партнерств. Научный доклад/ Под. об. ред. к.э.н. Д.Р. Белоусова. М.: Динамик Принт, 2025. 92 с.
2. Глазьев С.Ю., О.С. Сухарев. Экономический рост России и структурная модернизация: проектный поход // Российский экономический журнал. 2024, №2. С.4-30.
3. Глазьев С.Ю., Ильин В.А., Шабунова А.А. и др. Структурно-технологические драйверы стратегического развития региона: монография; Российская академия наук, Научный совет РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, Вологодский научный центр Российской академии наук. Москва: Проспект, 2025. 368 с.
4. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. 95 с.
5. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2019. 384 с.
6. Зубаревич Н.В. Регионы России в конце 2023 г.: удалось ли преодолеть кризисный спад? // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 1. С. 34–47.
7. Коломак Е.А. Пространственное развитие России в XXI веке: тенденции, факторы, механизмы, институты: монография. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН. 2020. 502 с.
8. Коломак Е.А. Пространственное развитие современной России: факторы, механизмы, результаты // Регион: экономика и социология. 2025, № 4. С. 27-51. DOI: 10.15372/REG20250402
9. Коломак Е.А. Пространственное распределение экономической активности на территории Азиатской России // География и природные ресурсы. 2025, № 5. С. 104-109. DOI: 10.15372/GIPR20250514
10. Сухарев О.С. Инвестиции в экономический рост и структурную трансформацию России// Финансы: теория и практика/Finance: Theory and Practice.2025; №29(2). С.181-193. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-2-181-193
11. Татаркин Д.А., Сидорова Е.Н., Трынов А.В. Разработка инвестиционного паспорта региона на основе мультипликаторов матрицы финансовых потоков // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2017. Т. 16, вып. 6. С. 879–902.
12. Френкель А.А., Тихомиров Б.И., Сурков А.А. Социально-экономическое развитие России в 2024–2026 годах: оценка устойчивости и перспектив роста //Вопросы статистики.2025.Т 32, №3.С.16-34. DOI. 34023/2313-6383-2025-32-3-16-34

13. *Acemoglu D., Robinson J.A.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. – New York: Crown Business, 2012. 529 p. (рус. пер.: Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: АСТ, 2016).
14. *Feldstein M., Horioka C.* Domestic Saving and International Capital Flows // *The Economic Journal*. 1980. Vol. 90, No. 358. P. 314–329.
15. *Romer P.M.* Increasing Returns and Long-Run Growth // *Journal of Political Economy*. 1986. Vol. 94, No. 5. P. 1002–1037.
16. *Solow R.M.* A Contribution to the Theory of Economic Growth // *The Quarterly Journal of Economics*. 1956. Vol. 70, No. 1. P. 65–94.

References

1. *Belousov, D.R., Matveev, D.A., Ganichev, N.A., Artemenko, V.G., Ablayev, E. Yu., Volkov, R.G., Solntsev, O.G., & Deshko, A.V.* (2025). *Spatial aspect of scientific and technological development: An ecosystem approach and the formation of interregional partnerships* (Scientific report, D. R. Belousov, Ed.). Moscow: Dinamik Print. 92 p.
2. *Glazyev, S.Yu., & Sukharev, O.S.* (2024). Economic growth of Russia and structural modernization: A project-based approach. *Russian Economic Journal*, (2), 4–30.
3. *Glazyev, S.Yu., Ilyin, V.A., Shabunova, A.A., et al.* (2025). *Structural and technological drivers of strategic regional development: A monograph*. Russian Academy of Sciences, Scientific Council of the RAS on Complex Problems of Eurasian Economic Integration, Modernization, Competitiveness and Sustainable Development; Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Prospekt. 368 p.
4. *Granberg, A.G.* (2004). *Fundamentals of regional economics*. Moscow: HSE Publishing House. 95 p.
5. *Zubarevich, N.V.* (2019). *Regions of Russia: Inequality, crisis, modernization*. Moscow: Independent Institute for Social Policy. 384 p.
6. *Zubarevich, N.V.* (2024). Regions of Russia at the end of 2023: Was it possible to overcome the crisis decline? *Issues of Theoretical Economics*, (1), 34–47.
7. *Kolomak, E.A.* (2020). *Spatial development of Russia in the 21st century: Trends, factors, mechanisms, institutions: A monograph*. Novosibirsk: IEIE SB RAS Publishing House. 502 p.
8. *Kolomak, E.A.* (2025). Spatial development of modern Russia: Factors, mechanisms, and outcomes. *Region: Economics and Sociology*, (4), 27–51. DOI: 10.15372/REG20250402.
9. *Kolomak, E.A.* (2025). Spatial distribution of economic activity in Asian Russia. *Geography and Natural Resources*, (5), 104–109. DOI: 10.15372/GIPR20250514.
10. *Sukharev, O.S.* (2025). Investment in economic growth and structural transformation of Russia. *Finance: Theory and Practice*, 29(2), 181–193. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-2-181-193.
11. *Tatarkin, D.A., Sidorova, E.N., & Trynov, A.V.* (2017). Development of a regional investment passport based on financial flow matrix multipliers. *Bulletin of UrFU. Series: Economics and Management*, 16(6), 879–902.
12. *Frenkel, A.A., Tikhomirov, B.I., & Surkov, A.A.* (2025). Socio-economic development of Russia in 2024–2026: Assessment of sustainability and growth prospects. *Issues of Statistics*, 32(3), 16–34. DOI: 10.34023/2313-6383-2025-32-3-16-34.
13. *Acemoglu, D., & Robinson, J.A.* (2012). *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. New York: Crown Business. 529 p. (Russian translation: Acemoglu, D., & Robinson, J. Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty. Moscow: AST, 2016).
14. *Feldstein, M., & Horioka, C.* (1980). Domestic saving and international capital flows. *The Economic Journal*, 90(358), 314–329.
15. *Romer, P.M.* (1986). Increasing returns and long-run growth. *Journal of Political Economy*, 94(5), 1002–1037.

16. *Solow, R.M.* (1956). A contribution to the theory of economic growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 70(1), 65–94.

Статья поступила в редакцию: 06.05.2026.

Received: 06.05.2026.

Статья принята к публикации: 14.05.2026.

Accepted: 14.05.2026.

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ В ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЕ РФ: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Пивкин Александр Валерьевич¹,
магистр кафедры экономики и финансов,
e-mail: cool230301@mail.ru
ORCID: 0009-0006-1572-8055

Терехов Сергей Викторович¹,
магистр кафедры экономики и финансов,
e-mail: sergeyterehovv@yandex.ru
ORCID: 0009-0005-7092-9477

Новикова Елена Валерьевна¹,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики и финансов,
e-mail: e.novikova@mtu.ru
ORCID: 0000-0001-9994-6119

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

Актуальность исследования обусловлена переходом к этапу массового внедрения цифрового рубля в Российской Федерации и необходимостью комплексной оценки его влияния как на инструменты макроэкономического регулирования, так и на процесс адаптации общества к новым финансовым технологиям. Цель исследования – оценить потенциал цифрового рубля как инструмента адресного регулирования экономических процессов и обосновать необходимость формирования институциональной среды для социальной поддержки граждан в период перехода. Методологическую основу составили системный и институциональный подходы, методы сравнительного и статистического анализа, а также изучение глобальных тенденций внедрения цифровых валют центральных банков. Основные результаты заключаются в систематизации макроэкономических рисков (включая угрозу банковской дезинтермедиации), анализе потенциала смарт-контрактов для точечного государственного контроля и целевого финансирования, а также выявлении ключевых барьеров адаптации населения (цифровое неравенство, когнитивные ограничения пожилых людей, дефицит общественного доверия). Полученные выводы могут быть использованы органами государственной власти и регулятором при разработке программ комплексного внедрения цифровых финансовых инноваций и минимизации сопутствующих социальных рисков.

Ключевые слова: цифровой рубль, цифровая валюта центрального банка, CBDC, макроэкономическое регулирование, смарт-контракты, финансовая система РФ, социальная адаптация, цифровое неравенство.

THE DIGITAL RUBLE IN THE FINANCIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: MACROECONOMIC REGULATION AND SOCIO-ECONOMIC FACTORS OF POPULATION ADAPTATION

Pivkin A.V.¹,
Master's student of the department of Economics and Finance,
e-mail: cool230301@mail.ru
ORCID: 0009-0006-1572-8055

Terekhov S.V.¹,*Master's student of the department of Economics and Finance,**e-mail: sergeyterehovv@yandex.ru**ORCID: 0009-0005-7092-9477***Novikova E.V.¹,***Candidate of economic sciences, associate professor,**associate professor of the department of Economics and Finance,**e-mail: e.novikova@mmu.ru**ORCID: 0000-0001-9994-6119*¹*ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia*

The relevance of the study is determined by the transition to the stage of mass implementation of the digital ruble in the Russian Federation and the need for a comprehensive assessment of its impact on both macroeconomic regulation instruments and the process of social adaptation to new financial technologies. The purpose of the study is to assess the potential of digital ruble as an instrument for targeted regulation of economic processes and to justify the need to form an institutional environment for the social support of citizens during the transition period. The methodological basis includes systemic and institutional approaches, methods of comparative and statistical analysis, as well as the study of global trends in the implementation of central bank digital currencies. The main results include the systematization of macroeconomic risks (including the threat of bank disintermediation), the analysis of the potential of smart contracts for point-to-point state control and targeted financing, and the identification of key barriers to population adaptation (the digital divide, cognitive limitations of the elderly, and the deficit of public trust). The findings can be used by public authorities and the regulator in developing programs for the comprehensive implementation of digital financial innovations and minimizing associated social risks.

Keywords: digital ruble, central bank digital currency, CBDC, macroeconomic regulation, smart contracts, financial system of the Russian Federation, social adaptation, digital divide.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие глобальной финансовой системы характеризуется активным переходом государств к разработке и внедрению цифровых валют центральных банков (Central Bank Digital Currency, CBDC) [10]. В Российской Федерации цифровой рубль представляет собой новую разновидность национальной валюты, эмитируемую Банком России. Данный финансовый инструмент функционирует на базе специализированной платформы регулятора и выступает третьей формой денег, обращаясь параллельно с традиционными наличными и безналичными средствами¹² [4].

Правовая основа для интеграции нового инструмента была заложена Федеральным законом № 340-ФЗ от 24 июля 2023 года, который законодательно закрепил равноценность цифрового рубля наличным и безналичным деньгам при жесткой фиксации курса в соотношении 1:1³ [2, 4]. После успешного завершения серии пилотных проектов полномасштабное внедрение цифровой валюты запланировано на 1 сентября 2026 года, а к 2028 году ожидается полная адаптация финансовой инфраструктуры всеми организациями страны [15]. При этом использование цифрового рубля физи-

¹ Багреева рассказала о преимуществах цифрового рубля для госсектора // РИА Новости. – 2025. – 8 октября. – URL: <https://ria.ru/20251008/bagreeva-2047113300.html>

² Будущее денег: цифровой рубль и трансформация финансов // Росконгресс. – URL: <https://roscongress.org/materials/budushchee-deneg-pereydet-li-rossiya-na-tsifrovoy-rubl-v-blizhayshe-gody/>

³ Зарплату и пенсии будут платить цифровыми рублями! Вся правда о цифровом рубле // НАПФ. – URL: https://www.napf.ru/news/napf_news_market/zarplatu-i-pensii-budut-platit-tsifrovymi-rublyami-vsya-pravda-o-tsifrovom-ruble/

ческими лицами носит исключительно добровольный характер, оставляя гражданам право выбора предпочтительной формы расчетов⁴⁵.

По заявлениям Банка России, ключевыми задачами внедрения цифровой валюты выступают повышение удобства платежей, развитие конкурентной среды на рынке платежных услуг, а также расширение доступа к финансовой инфраструктуре, в том числе для жителей отдаленных регионов. Принципиальное отличие цифрового рубля от децентрализованных криптовалют: он обладает статусом фиатных денег и полностью контролируется государственным регулятором⁶.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Ключевой технологической особенностью платформы цифрового рубля является возможность интеграции смарт-контрактов – алгоритмов, обеспечивающих автоматическое исполнение транзакций при соблюдении заранее заданных условий [3]. Это наделяет национальную валюту свойством программируемости, что позволяет настраивать правила ее использования под конкретные задачи. Хотя в рамках данного исследования технология смарт-контрактов рассматривается как базовый функционал платформы, основной фокус работы направлен на изучение принципиально новых механизмов точечного регулирования экономики. Данные механизмы открывают государству широкие возможности для управления экономическими процессами с момента введения цифровой валюты, однако их успешная реализация невозможна без формирования соответствующих институтов для адаптации населения к новым финансовым условиям.

В рамках исследования методологическую основу составили системный и институциональный подходы, методы сравнительного и статистического анализа, а также изучение международного опыта внедрения CBDC. Внедрение цифрового рубля открывает перед регуляторами принципиально новые возможности для реализации государственной экономической политики [5, 11]. Ключевым преимуществом выступает высокая степень прозрачности финансовых потоков как на макро-, так и на микроуровне. Поскольку каждая единица цифровой валюты обладает уникальным цифровым кодом, транзакции становятся полностью прозрачными для Банка России. Данная технологическая особенность позволяет эффективно выявлять неучтенные доходы организаций и систематически противодействовать теневому сектору экономики. Формируется база для внедрения механизмов точечного контроля над распределением финансовых ресурсов по конкретным отраслям и государственным проектам [15]. Повышение качества мониторинга расходования бюджетных средств, по оценкам экспертов, способно существенно снизить коррупционные риски. В то же время анализ международных моделей показывает, что тотальное внедрение розничной цифровой валюты способно трансформировать трансмиссионные механизмы монетарной политики и спровоцировать риск дезинтермедиации коммерческих банков [7]. Переток средств в цифровую форму снижает объем стабильного депозитного фондирования, что может привести к сжатию банковской маржи и удорожанию кредитов для бизнеса [7]. В кризисные периоды наличие CBDC может выступать катализатором быстрого изъятия вкладов (набегов на банки), если не будут внедрены жесткие лимиты на переводы [6]. В противовес этому, микрообоснованные модели общего равновесия указывают на то,

⁴⁵ Багреева рассказала о преимуществах цифрового рубля для госсектора // РИА Новости. – 2025. – 8 октября. – URL: <https://ria.ru/20251008/bagreeva-2047113300.html>

⁵ Кому с 1 октября пособия и пенсии начнут выдавать цифровыми рублями // ФОНТАНКА.ру. – 2025. – 16 сентября. – URL: <https://www.fontanka.ru/2025/09/16/76030182/>

⁶ Багреева рассказала о преимуществах цифрового рубля для госсектора // РИА Новости. – 2025. – 8 октября. – URL: <https://ria.ru/20251008/bagreeva-2047113300.html>

что цифровой рубль разрушает монополию коммерческих банков на рынке депозитов, стимулируя их улучшать качество сервиса и повышать процентные ставки для удержания клиентов [9].

Таблица 1

Сравнительная характеристика форм российской национальной валюты

Критерий	Наличные Р	Безналичные Р	Цифровые Р
Эмитент	Банк России	Коммерческие банки	Банк России
Форма хранения	Бумажные, металлические деньги	Электронная (записи на счетах в банках)	Цифровая (уникальный цифровой код на платформе ЦБ РФ)
Начисление процентов на остаток / кешбэк	Нет	Да (в зависимости от условий банков)	Нет
Комиссии за переводы для граждан	Нет	Есть (свыше лимитов СБП)	Бесплатно
Офлайн переводы	Только офлайн	Недоступно	Планируется реализация офлайн-режима
Программируемость (смарт-контракты)	Невозможно	Нет	Да

Источник: составлено авторами на основе данных ЦБ⁷

В отличие от традиционных фиатных денег, подверженных риску нецелевого использования, цифровой рубль обладает свойством программируемости [3]. Эмиссия субсидий и государственных ассигнований в цифровой форме позволяет устанавливать жесткие ограничения на их расходование: средства могут быть направлены исключительно на оплату товаров и услуг, предусмотренных целевой программой, что технически исключает возможность их нецелевого использования. Интеграция смарт-контрактов в системы социальной защиты (Social Safety Nets) позволяет связать национальные реестры с цифровыми кошельками граждан, обеспечивая высокую скорость и автоматизацию гражданского оборота [13].

В контексте государственного регулирования предполагается, что использование цифрового рубля может стать обязательным условием для государственных служащих, сохраняя при этом принцип добровольности для рядовых граждан. В долгосрочной перспективе данный инструмент обладает потенциалом для масштабного замещения наличного оборота, что будет способствовать полной легализации экономических процессов («обелению» экономики).

Законодательная база уже учитывает возможность применения подобных ограничительных механизмов. Программируемость цифрового рубля позволяет алгоритмически ограничивать переводы⁸ [2]. В качестве примера приводится механизм исполнения государственных контрактов: поэтапная разблокировка финансирования осуществляется исключительно по факту выполнения определенных этапов работ, а в случае неисполнения обязательств средства автоматически возвращаются в бюджет. На микроуровне данная технология может быть реализована в форме целевого контроля (например, родительского), когда смарт-контракты ограничивают категории доступных расходов, разрешая оплату исключительно базовых потребностей и образовательных материалов. Использование смарт-контрактов рассматривается как перспективный инструмент цифровизации финансово-юридических операций, обеспечивающий высокий уровень безопасности сделок при условии авторизации участников через государственные реестры юридических лиц и самозанятых [3]. Пример механизма смарт контрактов приведен на рисунке 1.

⁷ Цифровой рубль: что это такое и как им пользоваться // Банк России. – URL: <https://www.cbr.ru/faq/dr/>

⁸ Положение Банка России от 3 августа 2023 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля» // Официальный сайт Банка России. – URL: <https://cbr.ru/crosscut/lawacts/file/6291>

Рис. 1. Механизм точечного регулирования с помощью смарт-контрактов
 Источник: составлено авторами на основе данных статьи⁹

Практическая значимость цифрового рубля для реализации гибкой отраслевой политики уже находит свое подтверждение на региональном уровне. По оценкам Правительства Москвы, внедрение цифровой валюты обеспечивает сквозной мониторинг целевого использования бюджетных средств юридическими лицами в режиме реального времени [7]. Расчеты в цифровых рублях делают прозрачными для контрольно-надзорных органов даже те средства городских программ, которые ранее не подлежали строгому казначейскому сопровождению. Это существенно повышает эффективность контроля за распределением грантов и субсидий предприятиям, поскольку условия государственной поддержки соблюдаются автоматически. Кроме того, агрегирование транзакционных данных в ресурсоемких отраслях позволяет осуществлять высокоточный мониторинг ценообразования. Анализ расходов подрядчиков формирует репрезентативную базу данных о себестоимости, инфляционных ожиданиях и сезонных колебаниях цен, что является критически важным для тарифного регулирования [15].

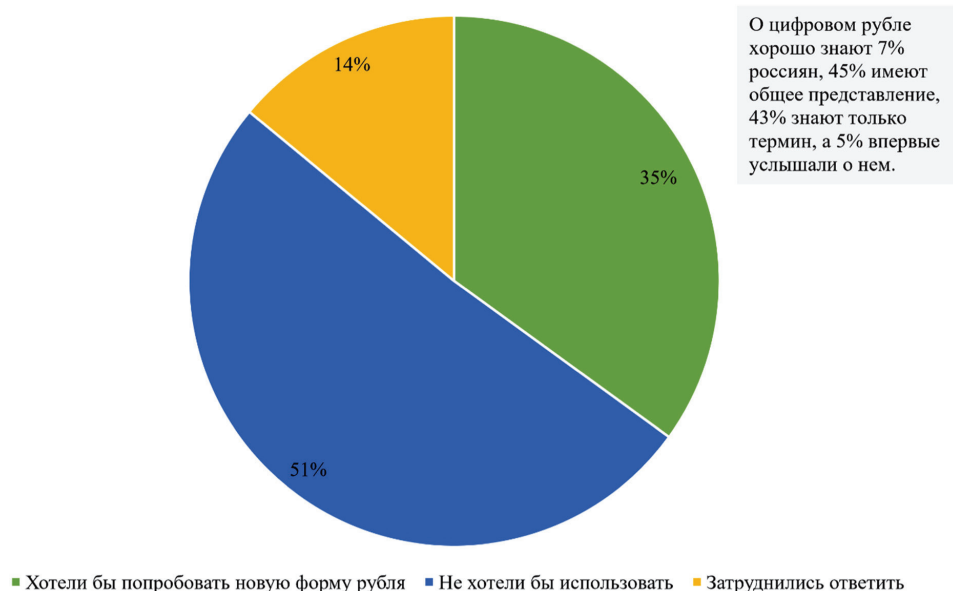
Однако оборотной стороной расширения контрольно-надзорных функций сопряжено с рядом социально-экономических рисков. Абсолютная прозрачность транзакций актуализирует дискуссии о защите финансовой приватности и допустимых границах государственного вмешательства [8]. Риск формирования систем чрезмерного контроля беспокоит гражданское общество и является предметом активных международных дебатов, в ходе которых подчеркивается, что базовая архитектура CBDC не должна служить инструментом тотального ограничения операций [8]. В российских реалиях успешная реализация потенциала цифрового рубля как инструмента адресной поддержки возможна исключительно при условии разработки институционально прозрачных правил [2].

Таким образом, цифровой рубль замыкает эволюционный цикл национальной денежной системы. Интегрируя свойства наличных (отсутствие процентного дохода на остаток, исключение посредников платежей) и безналичных (дистанционность, технологичность) денег, новая форма валюты привносит качественно иные характеристики – управляемость и прослеживаемость. При грамотном подходе это позволит существенно повысить качество государственного управления.

Несмотря на значительный макроэкономический потенциал, успешная интеграция цифрового рубля в финансовую систему Российской Федерации в определяющей степени зависит от уровня его

⁹ Digital ruble CBDC: Senior Russian politician outlines big brother usage of programmable money // Ledger Insights. – 2023. – 30 августа. – URL: <https://www.ledgerinsights.com/digital-ruble-cbdc-big-brother-programmable-money/>

общественного восприятия [10]. В настоящее время наблюдается дефицит доверия к цифровым финансам со стороны населения: социологические опросы демонстрируют низкую степень готовности граждан к использованию нового инструмента, что во многом обусловлено опасениями относительно возможного усиления государственного контроля над личными транзакциями¹⁰ [8]. Рисунок 2 демонстрирует данную степень готовности.

*Рис. 2. Готовность граждан РФ испробовать цифровой рубль
Источник: составлено авторами статьи на основе данных ВЦИОМ¹¹*

Недостаточная информированность порождает в обществе ряд мифов и страхов, связанных с кибербезопасностью, сохранностью средств в случае технологических сбоев инфраструктуры или отсутствия интернет-соединения, а также с угрозой нарушения финансовой приватности. Аналитики выделяют низкий уровень финансовой грамотности населения и недостаточное развитие цифровой инфраструктуры в качестве ключевых барьеров на пути массового внедрения¹².

Особую академическую и практическую значимость приобретает проблема цифрового неравенства. Как показывают полевые исследования институтов развития, игнорирование социокультурного контекста и существующих посредников доверия при внедрении CBDC может привести к эффекту «удвоения цифрового разрыва» (doubling down on the digital divide) [12]. Наиболее уязвимой демографической группой выступают граждане пенсионного возраста, характеризующиеся недостаточным уровнем цифровой грамотности и ограниченным доступом к современным мобильным устройствам и стабильному интернет-соединению [14]. Учитывая, что телекоммуникационная инфраструктура в удаленных регионах зачастую развита слабо, массовый переход пенсионеров на использование цифрового рубля без комплексной институциональной поддержки представляется маловероятным¹³ [10, 14]. Данная проблема усугубляется возрастным когнитивным снижением, которое объективно затрудняет использование новых цифровых интерфейсов пожилыми людьми.

¹⁰ После введения цифрового рубля исчезнет анонимность наличных денег // SmartMoney.one. – URL: <https://smartmoney.one/news/posle-vvedeniya-cifrovogo-rublya-ischeznet/2856757>

¹¹ Цифровой рубль на пороге: в поисках преимуществ и недостатков // ВЦИОМ. – 2025. – 17 июля. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-rubl-na-poroge-v-poiskakh-preimushchestv-i-nedostatkov>

¹² «Потребуется привыкания и помощи внуков»: пенсионерам начнут выдавать пенсию цифровыми рублями // E1.ru. – 2025. – 27 сентября. – URL: <https://www.e1.ru/text/economics/2025/09/27/76047570/>

¹³ Расширяется пилот по цифровому рублю: пресс-релиз от 30 августа 2024 г. // Официальный сайт Банка России. – 2024. – 30 августа. – URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=20960>

Регулятор осознает данные инфраструктурные и социальные ограничения: на начальном этапе внедрения сохраняется выплата пенсий и социальных пособий в традиционных формах, а использование цифрового рубля носит исключительно добровольный характер. Отсутствие планов по принудительному переводу социальных выплат в цифровую форму призвано обеспечить постепенность перехода и минимизировать риски возникновения социальной напряженности¹⁴ [13].

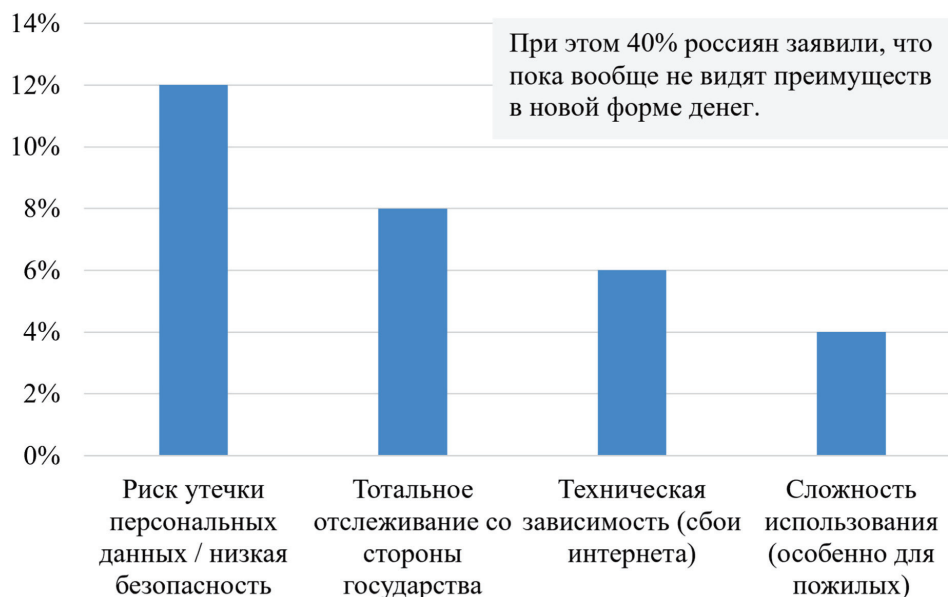

Рис. 3. Основные опасения граждан при внедрении Цифровой валюты
Источник: составлено авторами на основе данных ВЦИОМ¹⁵

Однако в долгосрочной перспективе, во избежание маргинализации отдельных социальных групп и появления «цифровых аутсайдеров», требуется формирование специализированных институтов сопровождения [1, 14]. Управленческая деятельность в сфере цифровизации требует структурной перестройки с обязательным учетом социальных, а не только технологических потребностей общества. Необходима масштабная просветительская работа, включающая программы повышения финансовой грамотности для различных возрастных категорий, организацию горячих линий и сети консультационных центров на базе многофункциональных центров (МФЦ) и коммерческих банков. Целесообразно создание системы профильных финансовых советников при банковских структурах и органах социальной защиты.

Параллельно требуется реализация комплекса мер по противодействию кибермошенничеству. В информационном поле уже фиксируются прецеденты реализации мошеннических схем в отношении уязвимых слоев населения¹⁶. Просветительская кампания должна четко артикулировать, что официальные операции с цифровой валютой не требуют приобретения дополнительных устройств и осуществляются исключительно через авторизованные банковские приложения. Важнейшим направлением является технологическая адаптация инфраструктуры для маломобильных граждан и жителей сельских территорий. Реализация функции офлайн-платежей заявлена государством как один из приоритетов развития платформы.

¹⁴ Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>

¹⁵ Цифровой рубль на пороге: в поисках преимуществ и недостатков // ВЦИОМ. – 2025. – 17 июля. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-rubl-na-poroге-v-poiskakh-preimushchestv-i-nedostatkov>

¹⁶ Цифровой рубль // Официальный сайт Банка России. – 2023. – URL: <https://cbr.ru/>

Преодоление психологического консерватизма граждан и формирование высокого уровня доверия к нематериальным формам стоимости являются не менее значимыми факторами успеха реформы, чем обеспечение технологической надежности IT-платформы. Интеграция инновационных технологий должна осуществляться в неразрывной связи с механизмами социальной поддержки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внедрение цифрового рубля в Российской Федерации осуществляется в русле глобальных трендов цифровизации финансовых систем, однако характеризуется собственной национальной спецификой и масштабом [10]. Данный инструмент обладает значительным потенциалом для повышения макроэкономической эффективности за счет снижения транзакционных издержек, обеспечения сквозной прозрачности финансовых потоков и создания специфических механизмов точечного регулирования экономики [15].

Результаты пилотных проектов и формирование нормативно-правовой базы подтверждают высокий уровень технологической готовности государства к полномасштабному запуску платформы [4]. Базовые сценарии использования, включающие мгновенные переводы без комиссии, прямые бюджетные выплаты и интеграцию смарт-контрактов, формируют технологический фундамент для целенаправленного управления капиталом и реализации долгосрочной экономической стратегии. Анализ промежуточных итогов тестирования системы демонстрирует успешную отработку ключевых пользовательских сценариев (см. табл. 2).

Таблица 2

Готовность платформы цифрового рубля к полномасштабному внедрению

Направление	Достигнутые результаты и утвержденные нормативы
Участники пилотного проекта	В тестировании платформы принимают участие 15 крупнейших банков, 9 000 граждан и 1 200 компаний (включая АЗС, операторов связи и страховые компании).
Протестированные операции	Успешно отработаны переводы между физическими лицами (С2С), оплата товаров и услуг по статическим и динамическим QR-кодам (С2В), возвраты средств, а также переводы между юридическими лицами (В2В).
Транзакционная активность	совершено более 63 тыс. переводов, около 13 тыс. оплат за товары и услуги, а также исполнено более 17 тыс. смарт-контрактов.
Базовое законодательство	Принят Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ, закрепивший правовой статус цифрового рубля как третьей формы национальной валюты.
Правила работы платформы	Утверждено Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля», регламентирующее порядок открытия кошельков и проведения операций.
Информационная безопасность	Разработано и внедрено Положение Банка России № 833-П, устанавливающее жесткие требования к обеспечению криптографической защиты информации для всех участников платформы.
Технологические стандарты	Банк России регулярно выпускает и обновляет стандарты операционно-технологического взаимодействия и требования к интерфейсам банковских приложений (актуализированы версии стандартов на 2025–2026 гг., что обеспечивает бесшовную интеграцию коммерческих банков).

Источники: составлено авторами на основе официальных данных [6, 7, 10, 11]

Очевидно, что успешная реализация данного социально-экономического проекта невозможна без учета человеческого фактора. Интеграция инновационных платежных инструментов неизбежно сталкивается с консерватизмом потребительских привычек, дефицитом доверия и дифференциацией уровня цифровой грамотности населения [8, 12]. Для предотвращения риска усиления социаль-

ного неравенства («цифрового разрыва») критически важно обеспечить комплексное институциональное сопровождение переходного периода [1].

Государственная политика должна быть ориентирована на формирование экосистемы доверия, включающей надежные правовые гарантии защиты конфиденциальности и прав потребителей, а также развертывание широкой сети консультационной и образовательной поддержки на базе профильных учреждений. Таким образом, макроэкономическая эффективность цифрового рубля определяется не только надежностью IT-инфраструктуры, но и уровнем его общественного признания [10, 14]. При условии применения механизмов точечного регулирования без избыточного административного давления и создания комфортной среды для адаптации пользователей, цифровая национальная валюта способна обеспечить качественную модернизацию финансовой системы [5].

Список литературы

1. Дудин Г.А. О цифровом разрыве и цифровых неравенствах // Социологические науки. 2024. С. 1–10.
2. Иванюженко А.Б. Правовые аспекты возможного применения цифрового рубля // Право. 2024. С. 15–22.
3. Мифтяхетдинов А.Т. Цифровой рубль как инструмент исполнения смарт-контракта // Право. 2023. С. 34–40.
4. Самородов Д.А., Мережкина М.С. Цифровой рубль как объект правового регулирования в Российской Федерации: понятие и перспективы применения // Право. 2023. С. 112–119.
5. Чеканов П.Е. Влияние цифровой валюты центрального банка на денежно-кредитную политику Банка России // Финансы и кредит. 2022. Т. 28, № 1. С. 213–234.
6. Bitter L. Banking Crises Under a Central Bank Digital Currency (CBDC) // *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*. 2024. Vol. 244. P. 1–25.
7. Bouis R., Chen S. et al. Central Bank Digital Currency and Bank Intermediation // *IMF Working Papers*. 2024. No. 24/82. P. 1–45.
8. Choi S., Kim B., Kim Y.S., Kwon O. Central Bank Digital Currency and Privacy: A Randomized Survey Experiment // *BIS Working Papers*. 2023. No. 1147. P. 1–40.
9. Jiang J., Fernandez-Villaverde J. et al. A micro-founded general equilibrium model of payments // *Journal of Political Economy*. 2023. Vol. 131, No. 5. P. 173–197.
10. Koponen T. The digital ruble as an important stage in the digitalisation of society // *University of Eastern Finland*. 2025. P. 1–114.
11. Lukonga I. Monetary Policy Implications of Central Bank Digital Currencies: Perspectives on Jurisdictions with Conventional and Islamic Banking Systems // *IMF Working Paper*. 2023. WP/23/60. P. 1–55.
12. Narula N., Swartz L., Frizzo-Barker J. CBDC: Expanding Financial Inclusion or Deepening the Divide? // *MIT Digital Currency Initiative*. 2023. P. 1–30.
13. Nikitin D., Schmalholz J., Bloch C. Can Retail Central Bank Digital Currencies Improve the Delivery of Social Safety Nets? // *IMF Working Papers*. 2025. WP/25/211. P. 1–28.
14. Sutton-Lalani A., Hernandez S., Miedema J. Redefining Financial Inclusion for a Digital Age: Implications for a Central Bank Digital Currency // *Bank of Canada Staff Discussion Paper*. 2023. No. 2023-22. P. 1–35.
15. Vinokurov E. et al. EDB Macroeconomic Outlook 2024–2026 // *Eurasian Development Bank*. 2023. P. 1–50.

References

1. Dudin, G.A. (2024). On the digital divide and digital inequalities. *Sociological Sciences*, 1–10.
2. Ivanyuzhenko, A.B. (2024). Legal aspects of the possible application of the digital ruble. *Law*, 15–22.
3. Miftyakhedtinov, A.T. (2023). The digital ruble as an instrument for executing smart contracts. *Law*, 34–40.

4. Samorodov, D.A., & Merezhkina, M.S. (2023). The digital ruble as an object of legal regulation in the Russian Federation: Concept and prospects for application. *Law*, 112–119.
5. Chekanov, P.E. (2022). The impact of the central bank digital currency on the monetary policy of the Bank of Russia. *Finance and Credit*, 28(1), 213–234.
6. Bitter, L. (2024). Banking crises under a central bank digital currency (CBDC). *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 244, 1–25.
7. Bouis, R., Chen, S., et al. (2024). Central bank digital currency and bank intermediation. *IMF Working Papers*, (24/82), 1–45.
8. Choi, S., Kim, B., Kim, Y.S., & Kwon, O. (2023). Central bank digital currency and privacy: A randomized survey experiment. *BIS Working Papers*, (1147), 1–40.
9. Jiang, J., Fernandez-Villaverde, J., et al. (2023). A micro-founded general equilibrium model of payments. *Journal of Political Economy*, 131(5), 173–197.
10. Koponen, T. (2025). The digital ruble as an important stage in the digitalisation of society. University of Eastern Finland. 114 p.
11. Lukonga, I. (2023). Monetary policy implications of central bank digital currencies: Perspectives on jurisdictions with conventional and Islamic banking systems. *IMF Working Paper*, WP/23/60, 1–55.
12. Narula, N., Swartz, L., & Frizzo-Barker, J. (2023). CBDC: Expanding financial inclusion or deepening the divide? *MIT Digital Currency Initiative*, 1–30.
13. Nikitin, D., Schmalholz, J., & Bloch, C. (2025). Can retail central bank digital currencies improve the delivery of social safety nets? *IMF Working Papers*, WP/25/211, 1–28.
14. Sutton-Lalani, A., Hernandez, S., & Miedema, J. (2023). Redefining financial inclusion for a digital age: Implications for a central bank digital currency. *Bank of Canada Staff Discussion Paper*, (2023-22), 1–35.
15. Vinokurov, E., et al. (2023). EDB macroeconomic outlook 2024–2026. *Eurasian Development Bank*, 1–50.

Статья поступила в редакцию: 13.05.2026.

Received: 13.05.2026.

Статья принята к публикации: 21.05.2026.

Accepted: 21.05.2026.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРАЕКТОРИЙ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КИТАЯ И РОССИИ

Шорникова Наталья Юрьевна¹,

кандидат экономических наук,

доцент кафедры экономики и управления,

e-mail: nashornikova@yandex.ru; n.shornikova@mmu.ru

ORCID: 0009-0003-3094-0300

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

В статье на основе сравнительного анализа процесса цифровой трансформации промышленности Китая и России выявлены как схожие тенденции, так и существенные различия в концептуализации феномена цифровой трансформации двух стран. Цель исследования – исследование механизмов, через которые цифровизация влияет на экономическое развитие. Методологическую основу данной работы составили системный и институциональный подходы, методы сравнительного и статистического анализа. Изучение процессов реализации цифровой трансформации в России и Китае, позволяет выявить и транслировать успешные практические модели и институциональные решения, что ведет к реализации модели взаимовыгодной экономической кооперации и совместного технологического суверенитета. Применение выводов исследования может стать основой для формирования эффективной государственной политики как России, так и Китая в сфере регионального развития и цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая трансформация промышленности, социально-экономическое развитие, цифровые ресурсы, методы оценки экономического развития

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE DIGITAL TRANSFORMATION TRACKS OF CHINA AND RUSSIA

Shornikova N.Yu.¹,

Candidate of Economic Sciences,

Associate Professor of the Department of Economics and Management,

e-mail: nashornikova@yandex.ru; n.shornikova@mmu.ru

ORCID: 0009-0003-3094-0300

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

Based on a comparative analysis of the digital transformation process in China and Russia, the article identifies both similar trends and significant differences in the conceptualization of the digital transformation phenomenon in the two countries. The purpose of the study is to explore the mechanisms through which digitalization affects economic development. The study is based on a systematic and institutional approach, as well as comparative and statistical analysis methods. By examining the processes of digital transformation in Russia and China, the article aims to identify and disseminate successful practical models and institutional solutions, leading to the implementation of a model of mutually beneficial economic cooperation and shared technological sovereignty. The application of the study's findings can serve as a basis for developing effective public policies in both Russia and China for regional development and digital transformation.

Keywords: digital economy, digital transformation of industry, socio-economic development, digital resources, methods for assessing economic development

ВВЕДЕНИЕ

Для современного этапа социально-экономического развития характерна стремительная цифровая трансформация, кардинально изменяющая традиционные модели производства, управления и взаимодействия. Цифровая экономика становится главным драйвером экономического роста и повышения конкурентоспособности на национальном и региональном уровнях.

Цифровая экономика рассматривается как мощный инструмент, способный обеспечить синергетический эффект роста за счет оптимизации распределения ресурсов, стимулирования инноваций и преодоления пространственного неравенства. Вышеперечисленное обуславливает актуальность данной работы.

Объект исследования: цифровая трансформация экономики. Для России цифровая трансформация – это импортозамещение, условие устойчивого развития страны, конкурентоспособность. Цель исследования: проведение сравнительного анализа процесса цифровой трансформации России и Китая.

Изучение опыта цифровизации промышленности Китая формируют научную новизну исследования: анализ представленных в научной литературе взглядов российских и китайских учёных позволяет выявить как схожие тенденции, так и существенные различия в концептуализации феномена цифровой трансформации двух стран.

СРАВНЕНИЕ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ КИТАЯ И РОССИИ К ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

В 1995 году Дон Тапскотт впервые применил термин «цифровая экономика» в работе «Цифровая экономика: обещание и опасность в эпоху сетевого интеллекта», [1] в которой рассматривал данное понятие с точки зрения двух аспектов экономической активности. Где «цифровая экономика» определяется с одной стороны, как выполнение базовых задач и бизнес-процессов предприятия на основе сетевых ресурсов, а с другой стороны, как коммуникации посредством сетевых технологий.

По мере развития информационных технологий и трансформации экономических процессов формируются различные подходы к определению понятия «цифровая экономика» и ее сущности. Обзор наиболее значимых исследований и комплексная классификация подходов к определению концепции цифровой экономики приведены в работе Шорниковой Н.Ю. [2]

Емкое определение «Цифровой экономики» приводится в программе «Цифровая экономика Российской Федерации»: «Цифровая экономика – хозяйственная деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме, и способствующая формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы». [3]

По определению Национального бюро статистики Китая цифровая экономика представляет собой экономическую деятельность, которая использует ресурсы больших данных в качестве ключевых факторов производства и информационно-коммуникационные технологии для повышения эффективности и оптимизации экономической структуры. В соответствии с пояснениями Китайской академии информационных и коммуникационных технологий (CAICT), [4] цифровая экономика опирается на цифровые знания и информацию, использует инновации в цифровых технологиях в

качестве движущей силы для осуществления глубокой интеграции цифровых технологий и реального сектора экономики, цифровой трансформации и интеллектуальной модернизации традиционных отраслей промышленности.

В рамках своего выступления на тему «Эволюция: становление отечественного цифрового предприятия», доктор Ань Сяопэн [5] из Исследовательского института Ali, высказал точку зрения, что цифровая трансформация – это не просто внедрение технологий, а превращение технологий в часть ДНК компании, открывающее бесконечное путешествие по эволюции возможностей.

В широком смысле цифровая экономика использует цифровую информацию в качестве ведущего фактора производства, предоставляет продукты и услуги с помощью цифровых средств и реализует цифровое взаимодействие между производителями и потребителями. Цифровая экономика может задействовать ранее неиспользуемые или недостаточно используемые ресурсы, глубоко изменить модели поведения производителей и потребителей, перерисовать карту экономической географии и помочь смягчить проблему неравномерного регионального развития.

Цифровая экономика опирается на цифровые технологии и ресурсы данных, которые играют в ней центральную роль. Под ресурсами данных в данной работе мы будем понимать совокупность цифровой информации, которая собирается, хранится, обрабатывается и используется для создания экономической, технологической, социальной или научно-инновационной ценности. Исторически, движущие силы экономического роста менялись со временем: земля и рабочая сила были доминирующими в сельскохозяйственной экономике, капитал и технологии имели решающее значение в промышленной экономике, а в эпоху цифровой экономики ресурсы данных называются новыми источниками экономического роста.

В марте 2020 года китайское правительство официально назвало ресурсы данных такими же важными факторами производства, как капитал, рабочая сила, знания и технологии. Национальный исследовательский центр развития промышленной информационной безопасности прогнозирует, что объем ресурсов данных в Китае вырастет с 22,87 Зеттабайт в 2023 году до 100 Зеттабайт к 2030 году, что сделает Китай крупнейшим рынком данных в мире.

Среди российских исследований стоит отметить труды Соловых Н.Н., где определение цифровой экономики основывается именно на «новых технологических возможностях, прежде всего возможности сбора, хранения и передачи огромных массивов данных». [6]

Объем передачи данных в России по данным Росстата отстает от показателей Китая. (1 ZB = 10⁶ PB)

Функционально-экономические характеристики ресурсов данных имеют кардинальные отличия от традиционных факторов производства, а именно:

1. Неисчерпаемость – данные не уничтожаются в процессе использования, а их ценность может даже возрастать при многократном применении.

2. Неэксклюзивность – данные могут использоваться одновременно множеством субъектов без ущерба для их целостности.

3. Возрастающая отдача от масштаба – при росте объема и разнообразия данных возрастает их совокупная ценность и эффективность анализа.

4. Зависимость от контекста – одни и те же данные могут быть чрезвычайно значимыми в одной области и бесполезными в другой.

5. Нематериальность – ресурсы данных, в соответствии с приведённым в данной работе определением, не имеют физической формы, но для хранения и обработки требуют материальной инфраструктуры.

6. Воспроизводимость и комбинируемость – данные можно агрегировать и трансформировать, создавая принципиально новые информационные продукты.

Таблица 1

Объем информации, переданной от/к абонентам сети фиксированной связи отчитывающегося оператора при доступе в Интернет (петабайт) в субъектах Российской Федерации за 2023 год

Федеральный округ	Центральный федеральный округ	Северо-Западный федеральный округ	Южный федеральный округ	Северо-Кавказский федеральный округ	Приволжский федеральный округ	Уральский федеральный округ	Сибирский федеральный округ	Дальневосточный федеральный округ
Объем переданной информации	35698,1	12542,2	10311,2	4110,9	23274,6	10040,2	9697,0	5554,3

Источник: таблица составлена автором

Эти важнейшие характеристики заложили основу для стремительного развития цифровой экономики, существенно опережая развитие традиционных факторов производства. Однако, наличие этих особенностей приводит к необходимости применения нетривиальных подходов для проведения измерений и оценки уровня развития цифровой экономики.

Несмотря на то, что цифровая экономика становится центром внимания большого числа специалистов, до сих пор не существует единого общепризнанного подхода к её измерению. Основные проблемы связаны с различиями в определениях и направлениях цифровой экономики в разных странах, которые отражают их уникальные экономические структуры, политические системы, технологические специализации и национальные приоритеты, а также специфические свойства данных, такие как воспроизводимость, комбинируемость, неэсклюзивность и др., которые значительно увеличивают сложность измерений.

Рассмотрим два наиболее популярных подхода к измерению цифровой экономики: отраслевой и индексный метод.

1. Отраслевой метод. При использовании этого подхода, общий объем цифровой экономики рассчитывается как сумма показателей по отдельным отраслям (секторам экономики). Этот метод позволяет получить детальную и структурную картину цифровизации. Например, Бюро экономического анализа США проводит расчеты с точки зрения цифровой инфраструктуры, цифровых медиа и цифровых транзакций. Исследовательский институт Tencent использует такие переменные, как цифровая индустрия, использование облачных вычислений и применение корпоративного WeChat для оценки с помощью регрессионного анализа. Китайская академия информационных и коммуникационных технологий проводит оценку с точки зрения цифровой индустрии, цифровизации промышленности и цифрового развития экономики. [7] Преимущества такого подхода заключаются в возможности формирования отраслевых государственных политик и бизнес-стратегий. Недостатком же такого подхода является проблема двойного учета цифровых продуктов, сложность и субъективность при определении границ: не всегда четко можно отделить «цифровую» компоненту от «традиционной» в деятельности компании.

2. Метод построения индексов. Индексный метод активно используется многими учёными для оценивания цифровой экономики в регионах Китая. Лю Цзюнь и др. [8] использовали три по-

казателя – информатизацию, доступность Интернета и число цифровых транзакций для построения системы оценки и измерения индекса развития цифровой экономики китайских провинций. У Сяои и Чжан Яцзин [9] в качестве таких показателей использованы развитие мобильных сетей, уровень подготовки кадров и пропускную способность телекоммуникаций. Чжао Тао и др. применяли такие показатели, как уровень проникновения интернета, численность занятых в отрасли и индекс цифрового инклюзивного финансирования. Чунг Сиу Вах и Джордж Чан [10] создали систему оценки с точки зрения инфраструктуры информатизации, интеграции интернета, цифровых талантов и производства цифровых технологий. Ян Хуэймэй и Цзян Лу [11] использовали оценку на основе двух показателей – цифровизации промышленности и цифровой индустрии. Комплексная оценка уровня развития цифровой экономики проводится путем построения системы показателей, отражающих ее особенности. Например, Международный союз электросвязи (МСЭ) использует индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) (IDI), включающий оценку таких показателей, как доступ к ИКТ, использование ИКТ и уровень цифровых навыков. Индекс цифровой экономики и общества (DESI) Европейского Союза охватывает такие направления, как широкополосный доступ, человеческий капитал, цифровизацию бизнеса и цифровые публичные услуги. Шанхайская академия общественных наук, в свою очередь, оценивает конкурентоспособность глобальной цифровой экономики с точки зрения инфраструктуры, цифровых инноваций промышленности и управления. Безусловными преимуществами индексного метода являются сравнимость, простота интерпретации и многоаспектность. К недостаткам следует отнести субъективность в выборе показателей и их весов, а также зависимость от доступности и достоверности статистики по всем выбранным индикаторам.

В России нет устоявшегося, общепризнанного фондового индекса, целиком отражающего цифровую экономику. Поэтому индексный метод применяется фрагментарно. Индексный метод как инструмент переоценки (в рамках затратного подхода). Работы по этой теме носят скорее методический характер и принадлежат специалистам по учету и оценке нематериальных активов, таким как С.В. Валдайцев и его последователи. Индексный метод как бенчмарк (в рамках сравнительного подхода). Это чаще не академические ученые, а аналитики и экономисты компаний и агентств (например, Агафонов А.С. (РАНХиГС, НИФИ), Абрамов А.Е. (РАНХиГС)). [12]

В России методы оценки бизнеса и активов (включая отраслевой и индексный метод) регулируются федеральными стандартами оценки (ФСО) и широко применяются профессиональными оценщиками. Все они в своей практике опираются на Федеральные стандарты оценки (ФСО №1-№4), которые предписывают использование трех основных подходов: сравнительного, доходного и затратного. Применение отраслевых и индексных методов для оценки цифровой экономики в России – это активно развивающаяся область, стоящая перед вызовами новизны бизнес-моделей и дефицита рыночных данных. Российские ученые не просто «используют» отраслевой и индексный методы, они активно их адаптируют, валидируют и систематизируют применительно к особенностям национальной экономики. Основные центры развития этой методологии – МГУ, Финансовый университет, ВШЭ и РЭУ им. Плеханова.

Использование комплексного подхода, в котором методы применяются последовательно и взаимодополняют друг друга, позволяет преодолеть недостатки и сформировать целостную картину. Индексный метод выступает как системообразующая рамка, обеспечивающая многомерную оценку и удобный инструмент для сравнительного анализа. Отраслевой метод выполняет функцию углу-

бленного «зондирования», выявляя структурные драйверы, точки роста и дисбалансы. Критически важным элементом комплексной методики является замыкание аналитического цикла: ключевые индикаторы, полученные в результате отраслевого анализа (например, доля цифровой экономики в ВРП), интегрируются в систему показателей индексной модели, обогащая ее содержательную валидность.

Таким образом, интеграция отраслевого и индексного подходов позволяет не просто суммировать их преимущества, но и получить качественно новое, более полное и объемное представление о состоянии и динамике цифровой экономики, что является необходимым условием для обоснованного формирования эффективной государственной политики в данной сфере.

В России можно выделить две основные школы:

- «школа технологической трансформации» (представители Чернявская Ю.А., Огурцова Н.С., Курочкина А.А.), где акцент делается на технологиях как первичном драйвере изменений;

- «школа реинжиниринга бизнес-процессов» (представители НИУ ВШЭ, Хомякова С.С.), где акцент делается на изменении процессов и создании стоимости.

В соответствии с Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», п.24 [13] была создана Ассоциация инновационных регионов России (АИРР), которая разработала Региональную шкалу развития инноваций – набор интегральных показателей, характеризующих условия для технологического развития и результативность внедрения инноваций. Разработанная шкала позволяет оценить динамику и потенциал развития региона, выявить узкие места, и на основании полученных результатов обосновать управленческие решения, в том числе по разработке мер государственной поддержки в областях технологического развития, для создания в регионе эффективной инновационной инфраструктуры, достижения целей технологического суверенитета, развития субъектов Российской Федерации.

Данные отчета АИРР за 2024 год совпадают с выводами исследования Института статистических исследований и экономики знаний ВШЭ «Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации», который основывается на системе показателей, характеризующих социально-экономические условия инновационной деятельности, научно-технический потенциал, уровни инновационной и экспортной активности, качество региональной инновационной политики, с выделением процесса цифровизации. [14]

В расчетах рейтинга применяется показатель «Валовой региональный продукт (ВРП) – обобщающий показатель экономической деятельности региона, характеризующий процесс производства товаров и услуг для конечного использования. ВРП представляет собой валовую добавленную стоимость, созданную резидентами региона, и определяется как разница между выпуском и промежуточным потреблением». [14]

Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации (РРИИ), составленный ВШЭ, в 2024 году возглавляют Москва и Санкт-Петербург. Для 43.5% субъектов Российской Федерации характерно отставание по инновационному цифровому развитию на 40% от столицы. Равномерное одновременное развитие по всем пяти тематическим индексам-показателям не получается практически ни одного субъекта Российской Федерации. Резкий положительный скачок показателей характерен для тех регионов, которые акцентировались на улучшении социально-экономических условий инновационной деятельности и повышении качества научно-технической и инновационной политики. Например, Омская область поднялась в рейтинге качества научно-технической и инновационной политики на 36

строчек, Хабаровский край – на 33. Положительная динамика использования предприятиями регионов скоростного интернета, увеличение уровня затрат на обучение цифровым навыкам и размера аудитории интернет-пользователей среди взрослого населения, также обеспечили хорошие результаты в рейтинге.

Таблица 2

Структура российского регионального инновационного индекса

Индексы	Укрупненная группа показателей	Наименование показателей
1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	Основные макроэкономические показатели	ВРП в расчете на одного занятого, тыс. руб
		Доля занятых в высокотехнологичных отраслях промышленности региона, %
		Доля занятых в высокотехнологичных наукоемких отраслях сферы услуг в экономике региона, %
	Образовательный потенциал населения	Доля взрослого населения с высшим образованием в общей численности населения региона, % ,
		Численность студентов программ высшего образования на 10 тыс. человек в регионе
		Доля студентов программ высшего образования в области STEM в регионе, %
		Численность студентов программ среднего профессионального образования на 10 тыс. человек в регионе
		Доля студентов программ подготовки специалистов среднего звена в области STEM в регионе, %
		Охват занятого населения непрерывным образованием в регионе, %
		Потенциал цифровизации
	Затраты на сквозные цифровые технологии на одного работника, руб	
	Затраты на обучение персонала цифровым навыкам на одного работника, руб	
	Доля активных пользователей интернета среди взрослого населения региона, %	
	2. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ	Финансирование научных исследований и разработок
Затраты на исследования и разработки на одного исследователя в регионе, тыс. руб		
Доля бизнеса в финансировании исследований и разработок в регионе, %		
Среднемесячная зарплата в науке в процентах к средней в регионе, %		
Кадры науки		Удельный вес занятых исследованиями и разработками в средне годовой численности занятых в экономике региона, %
		Удельный вес лиц в возрасте до 35 лет (включительно) в численности исследователей региона, %
		Доля исследователей, имеющих ученую степень в регионе, %
		Доля выпускников вузов, принятых в научные организации региона, %
		Доля выпускников вузов, принятых в аспирантуру в регионе, %
		Удельный вес аспирантов в регионе, защитивших диссертации в период подготовки, %
		Материально-техническая база науки
Удельный вес машин и оборудования в возрасте до 5 лет в стоимости машин и оборудования региона, %2)		
Результативность научных исследований и разработок		Публикационная активность исследователей региона, в расчете на 10 исследователей, ед.
		Число патентных заявок на изобретения, поданных в Роспатент национальными заявителями, в расчете на 1 млн занятых в экономике региона, ед.

3. ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	Активность в сфере технологических и нетехнологических инноваций	Доля инновационных организаций в регионе, %
		Доля малых инновационных предприятий в регионе, %
		Доля организаций с нематериальными активами, в общем числе обрабатывающих производств региона, %
	Затраты на инновации	Удельный вес затрат в регионе на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %
		Удельный вес затрат на разработку и приобретение программ для ЭВМ и баз данных в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %
		Удельный вес организаций, имевших затраты на приобретение прав на результаты интеллектуальной деятельности, в общем числе организаций, имевших затраты на инновационную деятельность, %
	Результативность инновационной деятельности	Удельный вес в регионе инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %
		Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг малых предприятий региона, %
		Удельный вес в регионе инновационных товаров, работ, услуг, созданных с использованием результатов интеллектуальной деятельности, права на которые принадлежат российским правообладателям, в общем объеме инновационных товаров, работ, услуг, %
4. ЭКСПОРТНАЯ АКТИВНОСТЬ	Экспорт товаров и услуг	Объем экспорта товаров в регионе в расчете на 1 тыс. руб. ВРП, руб.
		Объем несырьевого экспорта товаров в расчете на 1 тыс. руб. ВРП, руб.
		Объем экспорта услуг в экономике региона в расчете на 1 тыс. руб. ВРП, руб.
		Удельный вес экспорта в общем объеме инновационных товаров, работ, услуг в экономике региона, %
	Экспорт знаний	Число патентных заявок на изобретения, поданных за рубежом национальными заявителями, в расчете на 1 млн занятых в экономике региона в возрасте 15–72 лет, ед
		Объем поступлений от экспорта технологий в расчете на 1 тыс. руб. ВРП в экономике региона, руб
5. КАЧЕСТВО ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ	Нормативная правовая база научно-технической и инновационной политики	Доля иностранных студентов программ высшего образования, %
		Наличие стратегии (концепции) научно-технологического и/или инновационного развития (инновационной стратегии) или профильного раздела по научно-технологическому и/или инновационному развитию в стратегии развития региона
		Выделенные в регионе территории развития научно-технической и инновационной деятельности
		Наличие специализированного законодательного акта, определяющего основные принципы, направления и меры государственной поддержки научно-технической и/или инновационной деятельности в регионе
	Организационное обеспечение научно-технической и инновационной политики	Наличие специализированной программы или комплекса мер государственной поддержки развития науки, технологий и инноваций
		Наличие специализированных координационных (совещательных) органов по научной, научно-технической и/или инновационной политике при высшем должностном лице или его заместителях или высшем исполнительном органе государственной власти субъекта РФ
		Наличие специализированных региональных институтов развития (фондов, агентств, корпораций развития и пр.) с функционалом по поддержке субъектов научной, научно-технической и инновационной деятельности и/или реализации научных, научно-технических и инновационных проектов

5. КАЧЕСТВО ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ	Участие в федеральной научно-технической и инновационной политике	Число научных, научно-технических и инновационных проектов, поддержанных федеральными органами власти и институтами развития, в расчете на 1 тыс. занятых в экономике региона, ед.
		Объем финансирования научных, научно-технических и инновационных проектов в субъекте Российской Федерации, привлеченного со стороны федеральных органов власти и институтов развития, в расчете на 1 тыс. руб. ВРП, ед.
		Число территорий развития научно-образовательной деятельности, которым присвоены федеральные статусы, ед
		Число территорий инновационного развития, которым присвоены федеральные статусы, ед
		Число территорий промышленного развития, которым присвоены федеральные статусы, ед.
		Число объектов инновационной инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, получавших поддержку из федерального бюджета, ед

Источник: таблица составлена автором по материалам «Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации»

Республика Мордовия удерживает первенство по наличию интеллектуального потенциала организаций, капитализации инноваций. Республики Татарстан и Мордовия показали максимальные значения (вчетверо превышающие среднероссийские) инновационной продукции крупных и средних организаций. Белгородская и Орловская области получили высокие места в рейтинге благодаря высокой вовлеченности малого бизнеса в инновационные цифровые процессы.

Российские ученые продолжают работать по совершенствованию индикаторов цифрового развития. Но даже на данном методологическом уровне можно увидеть объективную картину развития инновационной цифровой среды в Российских регионах. И прежде всего видна неравномерность развития не только по федеральным округам, но и внутри региона по областям.

Таблица 3

Минимальные и максимальные значения российского регионального инновационного индекса по федеральным округам Российской Федерации

Федеральный округ	Область/республика	Значение РРИИ
Центральный федеральный округ	Москва	0.5795
	Тверская область	0.2710
Северо-Западный федеральный округ	Санкт-Петербург	0.5229
	Ненецкий автономный округ	0.1268
Южный федеральный округ	Ростовская область	0.3980
	Республика Калмыкия	0.2227
Северо-Кавказский федеральный округ	Ставропольский край	0.3513
	Республика Ингушетия	0.0474
Приволжский федеральный округ	Нижегородская область	0.5815
	Республика Башкортостан	0.2867
Уральский федеральный округ	Тюменская область	0.4116
	Ямало-Ненецкий автономный округ	0.0538
Сибирский федеральный округ	Иркутская область	0.4996
	Республика Алтай	0.1485
Дальневосточный федеральный округ	Приморский край	0.4161
	Магаданская область	0.1105

Источник: таблица составлена автором

В Китае, в свою очередь, формируется синтетическая и масштабная «школа системной парадигмальной трансформации». Она интегрирует технологические (Чжоу Цзи – интеллектуальное производство), организационные (У Чанци), экономические (Мэй Хонг – новая экономическая форма) и социотехнические (Син Чжигуан – реформы основ общества) аспекты в единую систему взглядов, согласованную с государственной стратегией.

Российская научная мысль объясняет цифровую трансформацию преимущественно как инструментально-управленческую задачу, направленную на повышение эффективности и конкурентоспособности компаний и экономических отраслей в условиях цифровой эпохи. Это взгляд «изнутри» бизнес-процессов.

Таблица 4

**Российские ученые, исследующие взаимосвязь:
цифровая экономика – экономическая трансформация**

Автор / Коллектив	Аффилиация	Основные положения
Гохберг Л.М., Шашнов С.А.	НИУ ВШЭ	Создание системы измерения (ИЦЭ НИУ ВШЭ). Эмпирический анализ вклада цифровизации в ВВП и производительность.
Амосов А.В., Кадочников П.А.	ИНП РАН	Макромоделирование через производственные функции. Оценка влияния цифрового капитала на TFP и экономический рост.
Макаров В.Л., Бахтизин А.Р.	ЦЭМИ РАН	Имитационное компьютерное моделирование (агент-ориентированные модели). Анализ нелинейных эффектов цифровизации.
Зубаревич Н.В.	МГУ	Анализ региональной дивергенции. Исследование того, как цифровое неравенство влияет на различия в темпах роста регионов.
Кузьминов Я.И.	НИУ ВШЭ	Институциональный анализ. Изучение роли правил, норм и человеческого капитала в реализации потенциала цифровой экономики для роста.
Смирнов С.А., Афанасьев М.Ю.	ИЭ РАН, ЦЭМИ РАН	Анализ производительности (productivity). Исследование цифровизации как фактора выхода из «ловушки низкой производительности».
Жагловская А.В., Елисеева Е.Н.	НИТУ МИСИС	Авторская модель перехода от цифровой экономики к экономике данных с учетом как имеющихся, так и новых ее компонентов.

Источник: таблица составлена автором

Китайская научная мысль формирует видение цифровой трансформации как стратегического цивилизационного проекта, ведущего к формированию принципиально новой – цифровой – экономики и общества.

Таким образом, различие заключается не только в формулировках, но и в исходной рамке восприятия. Для российских исследователей цифровая трансформация – это, в первую очередь, вызов, требующий адаптации и оптимизации. Для китайских – историческая возможность для прорыва и формирования новой глобальной реальности, где технологии становятся ядром национального развития. Это различие отражает более общую диспозицию двух стран в глобальной технологической повестке.

Цифровая трансформация в Китае представляет собой стратегический, государственно-управляемый и системный процесс, глубоко интегрированный в национальную политику развития. Данный процесс характеризуется следующими фундаментальными аспектами:

1. Стратегическое государственное планирование как системный драйвер. Пятилетние планы, в особенности 14-й Пятилетний план (2021-2025) и перспективные цели до 2035 года, выступают центральным институциональным механизмом, задающим долгосрочную траекторию цифровизации. Они реализуют модель синергии между рыночными силами и ролью государства, направляя ресурсы

на преодоление рыночных провалов, формирование цифровой инфраструктуры («новая инфраструктура») и создание нормативно-правовой базы для признания данных фактором производства.

2. Многоуровневая и целостная архитектура трансформации. Подход Китая к цифровой трансформации выстраивается по иерархическому принципу:

- национальный уровень – формирование цифрового фундамента (5G, промышленный интернет, центры больших данных) и разработка отраслевых стратегий («Сделано в Китае 2025», стратегия кибердержавы);

- отраслевой и кластерный уровень – создание экосистемы с «фабриками-маяками» во главе, стимулирование горизонтальной и вертикальной интеграции данных и знаний внутри цепочек создания стоимости, переход от оптимизации отдельных предприятий к синергии производственных кластеров;

- корпоративный уровень – акцент на глубокой организационной и культурной трансформации. Как отмечают китайские эксперты (У Чанци, Ань Сяопэн), суть заключается не во внедрении технологий, а в их интеграции в «ДНК компании», что требует пересмотра бизнес-моделей, структур, корпоративной философии и формирования культуры, основанной на данных, открытости, инновациях и адаптивности.

3. Признание данных ключевым производственным активом. Китай институционализировал роль данных как нового фактора производства. Научный подход к управлению данными, их капитализация и использование для аналитики и принятия решений рассматриваются как краеугольный камень для оптимизации процессов и создания новых бизнес-моделей в цифровой экономике.

4. Интеграция технологических и социально-экономических изменений. Как подчеркивают академические круги Китая [15], цифровая трансформация в Китае осознается как масштабная смена парадигмы, выходящая за рамки технологического обновления. Это системный проект, трансформирующий основы экономики, управления и общества, ведущий к формированию новой экономической формы – цифровой экономики, что подтверждается её растущим вкладом в ВВП и общую факторную производительность.

Таким образом, китайская модель цифровой трансформации демонстрирует уникальный синтез централизованного стратегического планирования, рыночных механизмов и поэтапной реализации на всех уровнях экономики. Её успех основан на способности государства формулировать долгосрочные цели, мобилизовать ресурсы для создания необходимой технологической и институциональной инфраструктуры, одновременно стимулируя глубокие организационные и культурные изменения на уровне предприятий, где данные и технологии становятся основой для эволюции возможностей и устойчивой конкурентоспособности.

В контексте складывающейся геополитической ситуации и внешних санкций Китай и Россия продемонстрировали значительную схожесть своих экономических путей. Рост инноваций в базовые технологии цифровую трансформацию промышленности, позволит им снизить зависимость от импортных товаров и иностранных технологий, укрепить международный потенциал, повысить конкурентоспособность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведение сравнительного анализа траекторий цифровой трансформации промышленных комплексов Китая и России позволяет сформулировать следующие положения:

1. Обмен лучшими практиками и кросс-национальное заимствование институционального опыта, систематическое изучение процессов реализации цифровой трансформации, позволяет выявить и транслировать успешные практические модели и институциональные решения, апробированные в каждой из стран.

2. В контексте отношений всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства между Китаем и Россией, усиление научно-исследовательского диалога и многостороннего технического сотрудничества в сфере промышленной цифровизации выступает катализатором для перевода торгово-экономических связей на качественно новый уровень. Совместные проекты и координация в области стандартов и технологий создают основу для формирования взаимодополняющих и синергетических производственно-технологических цепочек, что ведет к реализации модели взаимовыгодной кооперации и совместного технологического суверенитета.

Список литературы

1. *Tapscott D.* The Digital Economy : Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence / D.Tapscott. – Paperback, 1994. – 368 p.
2. *Шорникова Н.Ю.* Комплексная классификация подходов к определению концепции цифровой экономики. Экономические системы. 2025. Том 18, № 2 С. 29-41.
3. Программа развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 года // Режим доступа URL:<http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/05/strategy.pdf> (дата обращения 24.10.2025)
4. Китайская академия информационных и коммуникационных технологий (CAICT) «White Paper on China’s Digital Economy Development (2023)» – URL: http://www.caict.ac.cn/english/research/whitepapers/202307/t20230717_466096.html (дата обращения 20.10.2025).
5. *Ань Сяопэн.* Эволюция: становление отечественного цифрового предприятия // The Economic Journal, 2016, No. 126, No. 591, pp. 406-441.
6. *Соловых Н.Н.* Цифровая экономика диктует необходимость квалифицированных кадров с новыми компетенциями // Российский следователь. 2018. № 5. С. 64–68.
7. *Сун Ян.* Цифровая экономика и высококачественное развитие с точки зрения теории качества экономического развития // Гуйчжоу Социальные науки, 2019, №11, С. 102-108.
8. *Лю Цзюнь, Ян Юань, Чжан Саньфэн.* Исследование измерения и движущих факторов цифровой экономики Китая // Шанхайские экономические исследования, 2020, №06, С. 81-96.
9. *У Сяои, Чжан Яцзин.* Состояние развития цифровой экономики Китая и международная конкурентоспособность // Управление научными исследованиями, 2020, Вып. 41, №05, С. 250-258.
10. *Чжан Шаохау, Чэнь Чжи.* Исследование идентификации механизмов и неоднородности цифровой экономики и регионального экономического роста // Форум по статистике и информации, 2021, Вып. 36, №11, С. 14-27.
11. *Ян Хуэймэй, Цзян Лу.* Цифровая экономика, пространственные эффекты и общая факторная производительность // Статистические исследования, 2021, Вып. 38, №04, С. 3-15.
12. Российская экономика в 2024 году. Тенденции и перспективы / А.Е. Абрамов, А.С. Агафонов, И.Ю. Арлашкин, Н.Е. Барбашова, В.А. Баринова, А.В. Божечкова, М.А. Баева, Н.П. Воловик, М.А. Гвоздева, И.Г. Дежина, С.П. Земцов, А.В. Зубарев, А.А. Игнатов, О.И. Изряднова, А.С. Каукин, Т.Л. Клячко, А.Ю. Кнобель, М.В. Ларионова, А.В. Макаров, Г.Н. Мальгинов, Е.М. Миллер и др. – Москва, 2025.- Выпуск 46.
13. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

14. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 9 / В. Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, С.В. Артёмов и др.; под ред. Л.М. Гохберга, Е.С. Куценко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 248 с.
15. Ma, Ning Chaoshan. Цифровая экономика, распределение факторов производства и повышение качества обрабатывающей промышленности // Реформа экономической системы, 2020, №3, С. 24-30.

References

1. Tapscott, D. (1994). *The digital economy: Promise and peril in the age of networked intelligence*. Paperback. 368 p.
2. Shornikova, N.Yu. (2025). A comprehensive classification of approaches to defining the concept of the digital economy. *Economic Systems*, 18(2), 29–41.
3. Program for the development of the digital economy in the Russian Federation until 2035. Retrieved October 24, 2025, from <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/05/strategy.pdf>
4. China Academy of Information and Communications Technology (CAICT). (2023). *White paper on China's digital economy development (2023)*. Retrieved October 20, 2025, from http://www.caict.ac.cn/english/research/whitepapers/202307/t20230717_466096.html
5. An, Xiaopeng. (2016). Evolution: The formation of the domestic digital enterprise. *The Economic Journal*, 126(591), 406–441.
6. Solovykh, N.N. (2018). The digital economy dictates the need for qualified personnel with new competencies. *Russian Investigator*, (5), 64–68.
7. Sun, Yang. (2019). The digital economy and high-quality development from the perspective of the theory of economic development quality. *Guizhou Social Sciences*, (11), 102–108.
8. Liu, Jun, Yang, Yuan, & Zhang, Sanfeng. (2020). A study of the measurement and driving factors of China's digital economy. *Shanghai Economic Research*, (6), 81–96.
9. Wu, Xiaoyi, & Zhang, Yajing. (2020). The state of development of China's digital economy and international competitiveness. *Science Research Management*, 41(5), 250–258.
10. Zhang, Shaohua, & Chen, Zhi. (2021). A study of the identification of mechanisms and heterogeneity of the digital economy and regional economic growth. *Statistics and Information Forum*, 36(11), 14–27.
11. Yang, Huimei, & Jiang, Lu. (2021). The digital economy, spatial effects, and total factor productivity. *Statistical Research*, 38(4), 3–15.
12. Abramov, A.E., Agafonov, A.S., Arlashkin, I.Yu., Barbashova, N.E., Barinova, V.A., Bozhechkova, A.V., Baeva, M.A., Volovik, N.P., Gvozdeva, M.A., Dezhina, I.G., Zemtsov, S.P., Zubarev, A.V., Ignatov, A.A., Izryadnova, O.I., Kaukin, A.S., Klyachko, T.L., Knobel, A.Yu., Larionova, M.V., Makarov, A.V., Malginov, G.N., Miller, E.M., et al. (2025). *The Russian economy in 2024: Trends and prospects* (Issue 46). Moscow.
13. On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2024, No. 145. ConsultantPlus Legal Reference System. Electronic text.
14. Abashkin, V.L., Abdrakhmanova, G.I., Artyomov, S.V., et al. (2024). *Innovation development rating of the constituent entities of the Russian Federation. Issue 9* (L.M. Gokhberg & E.S. Kutsenko, Eds.). Moscow: HSE Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge. 248 p.
15. Ma, Ning Chaoshan. (2020). The digital economy, distribution of production factors, and quality improvement of the manufacturing industry. *Economic System Reform*, (3), 24–30.

Статья поступила в редакцию: 08.02.2026.

Received: 08.02.2026.

Статья принята к публикации: 05.05.2026.

Accepted: 05.05.2026.

САМОЦЕННОСТЬ, РЕФЛЕКСИЯ И МЕДИАГРАМОТНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ МЕДИАОБРАЗОВ НА САМООТНОШЕНИЕ ПОДРОСТКОВ

Бербер Наталья Николаевна¹,
*кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
n.berber@mtu.ru*

Комлева Карина Олеговна¹,
магистрант

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

На основе анализа структурных компонентов самооотношения подростков (открытости, самооценности, зависимости от внешней оценки, ригидности Я-концепции) предлагаются практические рекомендации для психологов. Рекомендации направлены на развитие рефлексивности, укрепление самооценности, снижение ориентации на внешнюю оценку и формирование гибкой Я-концепции как основы устойчивости к стереотипным медиа-образам.

Ключевые слова: самооотношение, подростковый возраст, реклама, гендерный образ, рефлексия, самооценность, медиаграмотность.

SELF-WORTH, REFLECTION, AND MEDIA LITERACY AS PSYCHOLOGICAL RESOURCES FOR OVERCOMING THE NEGATIVE IMPACT OF MEDIA IMAGES ON ADOLESCENTS' SELF-ATTITUDE

Berber N.N.¹,
*PhD in Psychology,
Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy,
n.berber@mmu.ru*

Komleva K.O.¹,
Master's student
¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

Based on the analysis of structural components of adolescents' self-attitude (reflexivity, self-worth, dependence on external evaluation, rigidity of self-concept), practical recommendations for psychologists are proposed. The recommendations aim at developing reflexivity, strengthening self-worth, reducing dependence on external evaluation, and forming a flexible self-concept as a basis for resilience to stereotypical media images.

Keywords: self-attitude, adolescence, advertisement, gender image, reflection, self-worth, media literacy.

ВВЕДЕНИЕ

Современный подросток находится в среде, насыщенной разнообразными медийными сообщениями. Реклама выступает одним из активных трансляторов социальных норм и эталонов, в том числе связанных с гендерными ролями [1; 2]. Вопрос о том, как именно восприятие таких образов связано с отношением подростка к себе, остается недостаточно изученным. При относительной раз-

работанности теоретических подходов ощущается дефицит практических программ, адресованных школьным психологам и опирающихся на эмпирически выявленные механизмы этой связи [3]. Цель данной статьи – представить практические рекомендации для психологов по развитию устойчивости подростков к нежелательному влиянию рекламных стереотипов. В основу рекомендаций положены результаты исследования, установившего связи между отдельными компонентами самоотношения и характером восприятия гендерных образов в рекламе.

ХОД И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось на выборке из 60 подростков в возрасте от 14 до 17 лет (32 девушки, 28 юношей). Использовались три методики: методика исследования самоотношения С.Р. Пантिलеева (МИС), шкала самоуважения М. Розенберга в адаптации А.А. Золотаревой и модифицированная методика психотехнического анализа рекламы Е.Е. Прониной. Респондентам демонстрировались шесть рекламных роликов, разделенных на три категории: транслирующие традиционные гендерные образы, прогрессивные (эгалитарные) образы и гендерно-нейтральные. Для каждого ролика оценивался эмоциональный отклик, на основе которого рассчитывались индекс полярности эмоций и индекс нейтральности.

Статистический анализ с использованием критерия Спирмена и регрессионного анализа позволил выявить устойчивые связи между отдельными аспектами самоотношения и оценкой рекламных роликов. Для традиционных гендерных образов значимыми предикторами позитивной оценки выступили самопривязанность (ригидность Я-концепции) и зеркальное Я (ориентация на внешнюю оценку). Для прогрессивных образов основным позитивным предиктором оказалась самооценность – ощущение внутренней значимости, независимой от внешних атрибутов. При этом фактор открытости, отражающий склонность к рефлексии и внутренней честности, вошел в регрессионные модели с отрицательным знаком как для традиционных, так и для прогрессивных роликов. Повышенная рефлексивность выступает фактором, сдерживающим некритичное принятие любых стереотипных образов, независимо от их содержания. Гендерно-нейтральная реклама не продемонстрировала статистически значимых связей с измеряемыми параметрами самоотношения.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Полученные данные позволяют выделить четыре структурных компонента самоотношения, значимых для восприятия рекламных образов: открытость (рефлексивность), самооценность, зависимость от внешней оценки (зеркальное Я) и ригидность Я-концепции (самопривязанность). Каждый из компонентов может выступать как ресурсом подростка, так и фактором уязвимости. На их основе возможно выстраивание психологической работы, направленной на формирование устойчивости подростков к стереотипным медийным влияниям.

Первое направление работы связано с развитием рефлексивности. Способность к самоанализу и внутренней честности позволяет подростку более критично относиться к рекламным сообщениям, распознавать манипулятивные приемы и не принимать стереотипные образы за безусловную норму. В практике школьного психолога могут использоваться упражнения, побуждающие к анализу собственных эмоциональных реакций на рекламу. Эффективным представляется просмотр рекламных роликов с последующим обсуждением вопросов: какие чувства вызывает образ, почему возникает то или иное отношение, хотелось бы подростку быть похожим на героя и по каким причинам. Подобные дискуссии рекомендуется проводить в рамках классных часов или специальных занятий по

медиаграмотности. Важно, чтобы обсуждение не сводилось к морализаторству, а создавало пространство для рефлексии, где подросток сам формулирует свои критерии оценки [4;5].

Второе направление предполагает укрепление самооценности. Подростки с развитым ощущением внутренней значимости оказались более открыты к эгалитарным, нестереотипным образам и менее зависимы от внешних стандартов. Работа над самооценностью включает упражнения, направленные на осознание собственных качеств, достижений и ценностей, не связанных с внешними атрибутами [6]. Продуктивны техники, смещающие фокус внимания с соответствия социальным ожиданиям на внутренние критерии. Например, составление коллажей «Мои ценности», написание эссе о ситуациях, где подросток проявил важные для него качества, обсуждение биографий людей, чья значимость не определялась внешней успешностью [7]. Важно, чтобы психолог в индивидуальной или групповой работе создавал условия для безусловного принятия, отделяя личность подростка от его успехов или неудач.

Третье направление нацелено на снижение чрезмерной зависимости от внешней оценки, измеряемой шкалой «зеркальное Я». Подростки, ориентированные на ожидаемое отношение окружающих, оказались более восприимчивы к традиционным стереотипным образам, подтверждающим их нормативность. Психологическая помощь в данном случае может строиться вокруг укрепления внутренних критериев самооценивания [8]. Эффективны тренинговые упражнения, развивающие уверенность в себе и навыки самопрезентации без оглядки на одобрение извне. Групповые дискуссии на темы подлинности и социальных масок, анализ ситуаций, где мнение окружающих расходится с собственным восприятием, помогают подростку осознать условность многих внешних оценок [9; 10].

Четвертое направление связано с преодолением ригидности Я-концепции, то есть чрезмерной привязанности к сложившемуся образу себя. Самопривязанность оказалась фактором, усиливающим позитивное восприятие традиционных гендерных стереотипов, поскольку те подтверждают устойчивую картину мира. Работа в этом направлении предполагает развитие когнитивной гибкости, готовности рассматривать разные модели поведения и идентичности. Полезны упражнения, знакомящие подростков с многообразием жизненных путей и профессиональных ролей, не ограниченных гендерными рамками. Обсуждение примеров из истории, культуры, спорта, где люди выходили за пределы стереотипов, способствует расширению представлений о возможных способах самореализации. Важно подчеркивать, что изменение и развитие – естественная часть жизни, а не угроза идентичности [11].

Перечисленные направления и упражнения рекомендуется использовать для построения целостной развивающей программы, включающую диагностический этап (выявление индивидуальных профилей самоотношения), серию групповых занятий и индивидуальные консультации. Гендерные образы в рекламе выступают в такой программе удобным материалом для отработки навыков рефлексии и критического анализа. Они эмоционально вовлекают подростков, затрагивают актуальные для них темы внешности, успешности, отношений и позволяют на конкретных примерах обсуждать механизмы социального конструирования норм.

Перечисленные направления могут быть реализованы в формате психологического факультатива или курса внеурочной деятельности, рассчитанного на один учебный триместр (8–10 занятий). Оптимальной представляется работа с группой численностью 10–15 человек, что позволит уделить внимание каждому участнику и создать атмосферу доверия, необходимую для обсуждения личных

тем. Часть занятий необходимо проводить с целым классом в формате классных часов или интерактивных лекций, посвященных анализу рекламы и развитию критического мышления. Групповая работа дополняется индивидуальными консультациями, что позволяет адресно работать с подростками, имеющими выраженные уязвимости в структуре самооотношения. Важным компонентом программы выступает взаимодействие с родителями, а именно проведение тематических родительских собраний и рассылка кратких рекомендаций по поддерживающему общению помогают закрепить результаты, достигнутые в ходе занятий с подростками.

Особого внимания заслуживает работа с образом тела. В подростковом возрасте телесность становится объектом пристального внимания и оценки через призму культурных стандартов. Реклама часто эксплуатирует данную тему, предлагая узкие и недостижимые эталоны привлекательности. Профилактическая работа должна включать обсуждение исторической и культурной изменчивости стандартов красоты, знакомство с разнообразием типов телосложения, практики осознанного и уважительного отношения к своему телу. В такую работу стоит вовлекать не только психологов, но и преподавателей биологии, физической культуры [12].

Важным условием эффективности психологической работы выступает взаимодействие с родителями и педагогами. Стиль общения значимых взрослых может либо усиливать зависимость подростка от внешних оценок, либо становиться буфером против нее. Просветительские беседы и семинары, разъясняющие механизмы влияния рекламы и способы поддержки самооценности подростка, помогают создать вокруг него более устойчивую и принимающую среду. Совместные проекты подростков и взрослых по созданию альтернативного медиаконтента, пропагандирующего критическое мышление и многообразие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что воздействие гендерных образов в рекламе на самооотношение подростков носит избирательный характер и опосредовано индивидуальными особенностями структуры самооотношения. Выявленные связи позволяют выделить конкретные мишени для психологической работы: развитие рефлексивности, укрепление самооценности, снижение ориентации на внешнюю оценку и формирование гибкости Я-концепции. Предложенная развивающая программа адресована практическим психологам и может быть использована как в индивидуальном консультировании, так и при разработке групповых программ медиаграмотности. Систематическая работа в данных направлениях способствует формированию у подростков устойчивости к стереотипным медийным влияниям и создает основу для более осознанного и автономного отношения к себе. Перспективой дальнейшей работы выступает апробация предложенной программы в условиях общеобразовательной школы с последующей оценкой ее эффективности, а также разработка более детализированных методических материалов для педагогов и родителей, учитывающих индивидуальные профили самооотношения подростков.

Список литературы

1. *Пронина Е.Е.* Психологическая экспертиза рекламы / Е.Е. Пронина. – М.: РИП-Холдинг, 2000. – 100 с. – Текст : непосредственный.
2. *Мухина В.С.* Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество / В.С. Мухина. – М.: Академия, 2000. – 456 с. – Текст : непосредственный.
3. *Цветкова О.Л.* Репрезентация гендера в рекламе: стратегии, стереотипы, средства / О.Л. Цветкова // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 4(23). – С. 34–43. – Текст : непосредственный.

4. Хухлаева О.В. Тропинка к своему Я. Уроки психологии в средней школе (5–6 классы) / О.В. Хухлаева. – 7-е изд. – М. : Генезис, 2025. – 209 с. – Текст : непосредственный.
5. Фопель К. Энергия паузы. Психологические игры и упражнения / М.: Генезис. – 2017. – 106 с. – Текст : непосредственный.
6. Добрынина М.А. Самоотношение как фактор влияния на жизненный выбор личности / М.А. Добрынина, Е.В. Михайлик // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10. – № 6. – Текст : непосредственный.
7. Ромек В.Г. Тренинг уверенности в межличностных отношениях / В.Г. Ромек. – СПб.: Речь, 2002. – 175 с. – Текст : непосредственный.
8. Чевтаева А.В. Самоотношение как психологическая характеристика восприятия социальной рекламы на примере молодежной среды / А.В. Чевтаева Т.В. Панова // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2020. – № 37. – С. 168–171. – Текст : непосредственный.
9. Смид Р. Групповая работа с детьми и подростками / Р. Смид. – М. : Генезис, 2000. – 272 с. – Текст : непосредственный.
10. Грецов Г.А. Тренинги развития с подростками: Творчество, общение, самопознание / Г.А. Грецов. – СПб.: Питер, 2012. – 124 с. – Текст : непосредственный.
11. Пантилеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система / С.Р. Пантилеев. – М.: Изд-во Московского университета, 2011. – 110 с. – Текст : непосредственный.
12. Якимова Л.С. Психосоциальные и психологические факторы развития дисморфофобий у современных подростков / Л.С. Якимова, Н.А. Кравцова // Тихоокеанский медицинский журнал. – 2017. – № 3 (69). – С. 15-18. – Текст : непосредственный.

References

1. Pronina, E.E. (2000). *Psikhologicheskaya ekspertiza reklamy* [Psychological assessment of advertising]. Moscow: RIP-Kholding. 100 p.
2. Mukhina, V.S. (2000). *Vozrastnaya psikhologiya: fenomenologiya razvitiya, detstvo, otrochestvo* [Developmental psychology: Phenomenology of development, childhood, adolescence]. Moscow: Akademiya. 456 p.
3. Tsvetkova, O.L. (2020). Gender representation in advertising: Strategies, stereotypes, and means. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiiy vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin], (4(23)), 34–43.
4. Khukhlaeva, O.V. (2025). *Tropinka k svoemu Ya. Uroki psikhologii v sredney shkole (5–6 klassy)* [The path to one's self. Psychology lessons in middle school (grades 5–6)] (7th ed.). Moscow: Genezis. 209 p.
5. Fopel, K. (2017). *Energiya pauzy. Psikhologicheskie igry i upravneniya* [The energy of the pause. Psychological games and exercises]. Moscow: Genezis. 106 p.
6. Dobrynina, M.A., & Mikhaylik, E.V. (2022). Self-attitude as a factor influencing personal life choices. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology], 10(6).
7. Romek, V.G. (2002). *Trening uverenosti v mezhlichnostnykh otnosheniyakh* [Confidence training in interpersonal relationships]. Saint Petersburg: Rech'. 175 p.
8. Chevtaeva, A.V., & Panova, T.V. (2020). Self-attitude as a psychological characteristic of the perception of social advertising among youth. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk* [Current Issues in the Humanities and Social Sciences], (37), 168–171.
9. Smid, R. (2000). *Gruppovaya rabota s det'mi i podrostkami* [Group work with children and adolescents]. Moscow: Genezis. 272 p.
10. Gretsov, G.A. (2012). *Treningi razvitiya s podrostkami: Tvorchestvo, obshchenie, samopoznanie* [Development trainings with adolescents: Creativity, communication, self-knowledge]. Saint Petersburg: Piter. 124 p.
11. Pantileev, S. R. (2011). *Samootnoshenie kak emotsional'no-otsenochnaya sistema* [Self-attitude as an emotional-evaluative system]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 110 p.

12. *Yakimova, L.S., & Kravtsova, N.A.* (2017). Psychosocial and psychological factors in the development of dysmorphophobia in modern adolescents. *Tikhookeanskiy meditsinskiy zhurnal [Pacific Medical Journal]*, (3(69)), 15–18.

Статья поступила в редакцию: 23.04.2026.

Received: 23.04.2026.

Статья принята к публикации: 12.05.2026.

Accepted: 12.05.2026.

ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ «БЫЖИЧУ» КАК ИНСТРУМЕНТ ПСИХОДИАГНОСТИКИ И ГАРМОНИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Матвеева Ольга Валентиновна¹,

интегративный психолог, обучающий личный терапевт ОППЛ,

супервизор, преподаватель,

член Лаборатории клинических исследований МАИП, Москва, Россия,

e-mail: zubareva_ov@mail.ru

ORCID: 0009-0001-1230-4023

Богуцкая Лилия Владимировна¹,

интегративный психолог, вице-президент МАИП,

преподаватель, супервизор,

член Лаборатории клинических исследований МАИП, Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: lilypost@yandex.ru

ORCID: 0009-0007-2358-3551

¹*АНО ДПО «Институт интегративной психологии и психотерапии»*

В статье представлено теоретико-методологическое обоснование авторской интегративной модели «БыЖиЧу», адаптированной для психодиагностики и гармонизации внутреннего состояния обучающихся в условиях цифровой образовательной среды (ЦОС). Актуальность исследования обусловлена ростом психоэмоциональных нарушений и кризисов идентичности у субъектов образования в условиях цифровой трансформации. Цель исследования – раскрыть структуру и диагностические возможности модели «БыЖиЧу» как системного инструмента интеграции идентичности, учебной активности и эмоционально-телесного опыта студента. Методологическую основу составили педагогическая психология, концепции самодетерминации, культурно-исторический подход Л.С. Выготского и феноменология. В статье представлены результаты комплексного исследования (n=52), сочетающего количественные и качественные методы (контент-анализ, включенное наблюдение, проективные техники).

Ключевые слова: идентичность, гармонизация личности обучающегося, педагогическая психология, психодиагностика, цифровая образовательная среда, саморегуляция, интегративный подход

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Лаборатории клинических исследований Института Интегративной Психологии и Психотерапии, г. Ставрополь (АНО ДПО ИИПП). Выражаем благодарность директору института Швейнфорт Наталье Олеговне за предоставление базы для проведения исследований.

INTEGRATIVE MODEL «BYZHICHU» AS A TOOL FOR PSYCHODIAGNOSTICS AND PERSONALITY HARMONIZATION OF STUDENTS IN A DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Matveeva O.V.¹,

Integrative psychologist, training personal therapist of the OPPL, Supervisor, lecturer,

Member of the Laboratory of Clinical Research of the MAIP, Moscow, Russia

e-mail: zubareva_ov@mail.ru

ORCID: 0009-0001-1230-4023

Bogutskaya L.V.¹,

Integrative psychologist, Vice-President of the MAIP,

Lecturer, supervisor,

Member of the Laboratory of Clinical Research of the MAIP, Saint Petersburg, Russia,

e-mail: lilypost@yandex.ru

ORCID: 0009-0007-2358-3551

¹ANO APE “Institute of Integrative Psychology and Psychotherapy”

This article provides a theoretical and methodological justification for the author’s integrative model “ByZhI-Chu”, adapted for psychodiagnostics and harmonizing students’ internal states within digital learning environments. The study’s relevance stems from the rise in psychoemotional disorders and identity crises among learners amid digital transformation. The goal is to outline the model’s structure and diagnostic potential as a systemic tool that integrates identity, academic engagement, and the student’s emotional-bodily experience. Methodologically, the work draws on educational psychology, self-determination theories, Vygotsky’s cultural-historical approach, and phenomenology. The paper also reports findings from a mixed-method study (n=52) that combined quantitative and qualitative techniques—content analysis, participant observation, and projective techniques.

Keywords: identity, student personality harmonization, educational psychology, psychodiagnostics, digital educational environment, self-regulation, integrative approach

Acknowledgements

The study was carried out with the support of the Laboratory of Clinical Research of the Institute of Integrative Psychology and Psychotherapy, Stavropol (ANO APE IPPP). The authors express their gratitude to the Director of the Institute, Natalya Olegovna Shveynfort, for providing the research base.

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация современного образования в сторону цифровизации предъявляет новые требования к психологической устойчивости обучающихся. Цифровая образовательная среда (ЦОС), наряду с расширением возможностей, провоцирует риски фрагментации идентичности, «цифрового выгорания» и нарушения личностного развития. В рамках педагогической психологии актуализируется поиск инструментов психодиагностики, способных оценивать не только когнитивные навыки, но и целостное внутреннее состояние субъекта образования, его аутентичность и смысло-жизненные ориентации.

За двухлетний период был выполнен обширный обзор научной литературы, на основе которого теоретически разработана и обоснована авторская модель «БыЖиЧу». Представленная нами конструкция раскрывает внутреннее состояние личности как результат взаимодействия трёх базовых составляющих: БЫТЬ, ЖИТЬ и ЧУВСТВОВАТЬ, объединение которых даёт целостность личности. Составляющие трактуются следующим образом:

«БЫТЬ» (сокращённо «Бы») – идентичность, локализованная на онтологическом уровне;

«ЖИТЬ» («Жи») – поведенческая реализация, относящаяся к ценностно-деятельностному уровню;

«ЧУВСТВОВАТЬ» («Чу») – эмоционально-телесный опыт, соответствующий рефлексивному уровню.

В рамках настоящего исследования представленная модель рассматривается как средство осмысления субъективной реальности учащегося через символическое моделирование. Практическим

преломлением этого подхода служит оригинальная колода метафорических ассоциативных карт (сокращённо МАК) под названием «БыЖиЧу». Указанные карты выступают в роли визуально-образного инструментария, позволяющего преобразовывать абстрактные психологические феномены в конкретные наглядные формы, что способствует интеграции когнитивных, эмоциональных и телесных практик. Существенное внимание уделяется внутренней логике как самой модели, так и её инструментальному воплощению; эта логика строится на синтезе классических теоретических положений:

Ось «БЫТЬ» соотносится с теорией Э. Эриксона [16], где основной задачей является настройка «частоты подлинности» и субъектности.

Ось «ЖИТЬ» переосмысливает идеи самоактуализации А. Маслоу [9], заменяя статичную иерархию потребностей динамической метафорой «каналов смыслов», по которым распределяется активность обучающегося.

Ось «ЧУВСТВОВАТЬ» опирается на принципы аутентичности К. Роджерса [13], позволяя выражать переживания в форме «эмоциональной партитуры».

В контексте педагогической психологии модель и сопряженная с ней колода МАК выполняют смыслообразующую и рефлексивную функции. Они позволяют обучающемуся сформировать «внутренний навигатор» – способность самостоятельно диагностировать и корректировать дисбаланс между компонентами «Бы», «Жи» и «Чу». Использование метафорических карт как «внешних опор» (по Л. С. Выготскому [5]) облегчает процесс осознания внутренних противоречий, превращая диагностику в трансформирующий процесс восстановления «жизненного резонанса» в условиях ЦОС.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Для проверки эффективности модели было проведено исследование в период 2023–2025 гг. на базе лаборатории клинических исследований Института интегративной психологии и психотерапии (АНО ДПО ИИПП). Эмпирическую базу составили 52 респондента (студенты программ профессиональной переквалификации и слушатели программ профессиональной переподготовки АНО ДПО «ИИПП»). Возраст участников варьировался от 23 до 45 лет (средний возраст $M=31,4$; $SD=6,2$). Все участники на момент исследования были включены в смешанный формат обучения (blended learning) с интенсивным использованием цифровых образовательных сред (площадки для проведения 21-го дневного онлайн курса и российской профессиональной образовательной платформы psyai.pro/matveeva, с до обученным ИИ). Выборка была разделена на две равные группы: экспериментальная ($n=26$) и контрольная ($n=26$). Репрезентативность обеспечивается однородностью социально-демографических характеристик и образовательного контекста. В качестве диагностического комплекса использовались следующие количественные методы: тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева [8], шкалы психологического благополучия К. Риффа, опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой, шкала самооценки эмоциональных состояний (Уэссман, Рикс). Качественный этап включал полуструктурированное интервью по трём блокам («Быть», «Жить», «Чувствовать»), включённое наблюдение и проективные техники: авторская колода МАК «БыЖиЧу» и рисунок «Дерево – Забор – Море». Фиксация и частичный анализ данных осуществлялись на первой российской профессиональной образовательной платформе psyai.pro/matveeva, с до обученным ИИ. Формирующая программа состояла из 10 индивидуальных сессий (по 60–90 минут) и 21-дневного онлайн-курса с ежедневными карточками-заданиями в специально подготовленном пространстве. В контрольной группе целенаправленного психологического воздействия не прово-

дилось. Для оценки внутригрупповой динамики применялся Т-критерий Вилкоксона для связанных выборок, для межгрупповых сравнений – U-критерий Манна–Уитни. Корреляционный анализ в работе проводился с использованием коэффициента Спирмена.

После завершения формирующей программы, были проведены исследования в экспериментальной группе, где зафиксирована статистически значимая положительная динамика по измеряемым показателям: осмысленность жизни, психологическое благополучие, саморегуляция поведения, эмоциональная устойчивость (таблица 1).

Таблица 1

Средние значения показателей, полученные в ходе исследования в экспериментальной группе (n=26, M±SD)

Измеряемый показатель	До	После	Δ%	Уровень значимости
Осмысленность жизни (СЖО)	84,2±8,9	92,1±9,4	+9,4%	p <0,001
Психологическое благополучие	318,4±25,3	345,6±27,1	+8,5%	p <0,01
Саморегуляция поведения	55,6±6,2	60,8±6,5	+9,3%	p <0,05
Эмоциональная устойчивость	22,0±3,3	24,0±3,4	+9,1%	p <0,05

Расчёт Т-критерия Вилкоксона для показателя осмысленности жизни выявил, что $T = 73$ ($p \leq 0,01$); $Z = -4,43$; ($p < 0,001$); величина эффекта $r = 0,87$. Таким образом, нулевая гипотеза об отсутствии изменений отвергается. В контрольной группе статистически значимых изменений не обнаружено ($p > 0,05$ по всем шкалам). Сравнение экспериментальной и контрольной групп после завершения программы (U-критерий Манна–Уитни) показало, что различия между группами статистически значимы по всем показателям ($p < 0,01$). В контрольной группе прирост составил от +1,9% до +2,7% (таблица 2), что интерпретируется как эффект повторного тестирования, а не целенаправленного воздействия.

Таблица 2

Сравнительная динамика экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) групп

Показатель	ЭГ (Δ%)	КГ (Δ%)	U-критерий (p)
Осмысленность жизни	+9,4%	+1,9%	p <0,01
Психологическое благополучие	+8,5%	+2,0%	p <0,01
Саморегуляция	+9,3%	+2,1%	p <0,05
Эмоциональная устойчивость	+9,1%	+2,7%	P <0,05

Интервью и проективные методы позволили выявить три типа субъективных моделей гармонии (по классификации Пазековой [12]): формальную (внешнее соответствие без внутреннего принятия), компенсаторную (замещение одних сфер другими) и интегративную (согласованность компонентов). В экспериментальной выборке по завершении программы доля лиц с интегративным типом выросла с 23% до 58%. Применение корреляционного анализа по Спирмену обнаружило упрочение положительных взаимосвязей между такими показателями, как осмысленность жизни и психологическое благополучие: коэффициент r повысился с 0,62 (до вмешательства) до 0,79 (после). Аналогично укрепилась связь между саморегуляцией и личностным ростом ($r = 0,45$ на старте программы, $r = 0,68$ в конце программы). Данные изменения интерпретируются как свидетельство роста внутренней психологической согласованности личности.

В ходе сессий было зафиксировано, как меняется характер образного ряда в метафорических ассоциативных картах (МАК): исходная «расщеплённость», когда изображения противоречили одно другому, сменялась «целостностью», при которой визуальные образы на картах начинали взаимодействовать друг друга. Динамику подтвердили и результаты проективной методики «Дерево – Забор – Море». У испытуемых экспериментальной группы после участия в программе на рисунках заметно чаще появлялись мощные корни (олицетворяющие компонент «Быть»), приоткрытые калитки в заборе (символ компонента «Жить») и спокойная, однако глубокая водная гладь (соответствующая компоненту «Чувствовать»).

Первая часть исследования применения модели «БыЖиЧу» выявила ряд ограничений. Эти же ограничения были отмечены коллегами во время предоставления доклада на конференциях российского и международного уровней. К ним относятся: однородность выборки по полу (участвовали только женщины), отсутствие нормативных критериев для сопоставления с популяционными данными, возможное влияние культурных особенностей на трактовку символов, а также наличие эффекта мотивации – участники включались в программу на добровольной основе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интегративная модель «БыЖиЧу» представляет собой эффективный инструмент психодиагностики и гармонизации личности обучающегося в условиях цифровой образовательной среды. Она позволяет выявлять зоны рассогласования между идентичностью, деятельностью и эмоциональным опытом, а также обеспечивает системную поддержку субъектов образования через формирование навыков саморефлексии и «внутренней навигации».

Новизна исследования заключается в разработке и эмпирической валидации трёхкомпонентной модели гармонизации личности, а также в создании оригинального диагностического инструментария (анкета «Пульс трёх», проективная методика «Дерево – Забор – Море», МАК-колода).

Практическая значимость определяется возможностью применения модели в психологическом консультировании обучающихся, в программах личностного развития, в тренингах эмоциональной осознанности и саморегуляции.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением выборки (включение мужчин, разных возрастных групп), разработкой нормативных показателей гармонизации, проведением лонгитюдных исследований устойчивости результатов, а также интеграцией модели в цифровые платформы для автоматизированной психодиагностики, в том числе в первую российскую профессиональную образовательную платформу psyai.pro/matveeva, с до обученным ИИ.

Список литературы

1. Алтухова, Е.В. Теоретические подходы к пониманию личностного роста и личностного развития в психологии / Е.В. Алтухова // Гуманитарные науки на службе развития сельского хозяйства и АПК: материалы национальной научно-практической конференции, Воронеж, 08 ноября 2023 г. – Воронеж: Воронежский ГАУ, 2023. – С. 7–10.
2. Антонова, Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии / Н. В. Антонова // Вопросы психологии. – 1996. – № 1. – С. 131–143.
3. Богуцкая, Л.В. Авторская модель супервизии «БыЖиЧу»: интеграция идентичности, действия и чувства в профессиональной практике психолога / Л. В. Богуцкая, О. В. Матвеева // Психологическое консультирование онлайн. – 2025. – Спецвыпуск. – С. 85–92.

4. *Богущая, Л.В.* Метод «БыЖиЧу»: интегративный подход к исследованию идентичности, эмоций и саморефлексии / Л. В. Богущая, О. В. Матвеева // Исследования молодых ученых: материалы CVII Международной научной конференции, Казань, сентябрь 2025 г. – Казань: Молодой ученый, 2025. – С. 101–106.
5. *Выготский, Л.С.* Психология развития человека / Л. С. Выготский. – Москва: Смысл, 2020. – 512 с.
6. *Зейгарник, Б.В.* Теория личности Курта Левина / Б. В. Зейгарник. – 2-е изд. – Москва: URSS, 2021. – 115 с.
7. *Леонтьев, А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва: Смысл, 2005. – 352 с.
8. *Леонтьев, Д.А.* Психология смысла / Д. А. Леонтьев. – Москва: Смысл, 2019. – 511 с.
9. *Маслоу, А.* Мотивация и личность / А. Маслоу. – Санкт-Петербург: Питер, 2019. – 400 с.
10. *Маланов, С.В.* К вопросу об определении личности / С. В. Маланов // Вестник Калужского университета. – 2023. – Т. 6, № 2. – С. 4–12.
11. *Мясищев, В.Н.* Личность и неврозы / В. Н. Мясищев. – Ленинград: ЛГУ, 1987. – 430 с.
12. *Пазекова, Г.Е.* Феноменология психологической гармонии личности / Г. Е. Пазекова, Е. В. Пазеков // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2 (15). – С. 3399–3403.
13. *Роджерс, К.Р.* Становление личности / К.Р. Роджерс. – Москва: Эксмо-Пресс, 2001. – 416 с.
14. *Рубинштейн, С.Л.* Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург: Питер, 2002. – 720 с.
15. *Франкл, В.* Человек в поисках смысла / В. Франкл. – Москва: Прогресс, 1990. – 368 с.
16. *Эриксон, Э.* Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – Москва: Прогресс, 1996. – 344 с.
17. *Deci, E.L.* Intrinsic motivation / E.L. Deci, R.M. Ryan // Contemporary Educational Psychology. – 2020. – Vol. 61.
18. *Gross, J.J.* Emotion regulation / J. J. Gross // Psychological Inquiry. – 2015. – Vol. 26, № 1.
19. *Shapiro, L.* Embodied Cognition / L. Shapiro. – New York: Routledge, 2019. – 312 p.

References

1. *Altukhova, E.V.* (2023). Theoretical approaches to understanding personal growth and personal development in psychology. In *Gumanitarnye nauki na sluzhbe razvitiya sel'skogo khozyaystva i APK* [Humanities in the service of agricultural development: Proceedings of the National Scientific and Practical Conference, Voronezh, November 8, 2023] (pp. 7–10). Voronezh: Voronezh State Agrarian University.
2. *Antonova, N.V.* (1996). The problem of personal identity in the interpretation of modern psychoanalysis, interactionism, and cognitive psychology. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], (1), 131–143.
3. *Bogutskaya, L.V., & Matveeva, O.V.* (2025). The original supervision model «ByZhiChu»: Integration of identity, action, and feeling in the professional practice of a psychologist. *Psikhologicheskoe konsul'tirovanie onlayn* [Psychological Counselling Online], Special Issue, 85–92.
4. *Bogutskaya, L.V., & Matveeva, O.V.* (2025). The «ByZhiChu» method: An integrative approach to the study of identity, emotions, and self-reflection. In *Issledovaniya molodykh uchenykh* [Research of Young Scientists: Proceedings of the CVII International Scientific Conference, Kazan, September 2025] (pp. 101–106). Kazan: Molodoy uchenyy.
5. *Vygotsky, L.S.* (2020). *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of human development]. Moscow: Smysl. 512 p.
6. *Zeigarnik, B.V.* (2021). *Teoriya lichnosti Kurta Levina* [Kurt Lewin's theory of personality] (2nd ed.). Moscow: URSS. 115 p.
7. *Leontiev, A.N.* (2005). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl. 352 p.
8. *Leontiev, D.A.* (2019). *Psikhologiya smysla* [Psychology of meaning]. Moscow: Smysl. 511 p.
9. *Maslow, A.* (2019). *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. Saint Petersburg: Piter. 400 p.
10. *Malanov, S. V.* (2023). On the question of defining personality. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta* [Bulletin of Kaluga University], 6(2), 4–12.

11. *Myasishchev, V.N.* (1987). *Lichnost' i nevrozy* [Personality and neuroses]. Leningrad: Leningrad State University. 430 p.
12. *Pazekova, G.E., & Pazekov, E.V.* (2015). Phenomenology of psychological harmony of personality. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], (2(15)), 3399–3403.
13. *Rogers, C.R.* (2001). *Stanovlenie lichnosti* [On becoming a person]. Moscow: Eksmo-Press. 416 p.
14. *Rubinstein, S.L.* (2002). *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. Saint Petersburg: Piter. 720 p.
15. *Frankl, V.* (1990). *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's search for meaning]. Moscow: Progress. 368 p.
16. *Erikson, E.* (1996). *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and crisis]. Moscow: Progress. 344 p.
17. *Deci, E.L., & Ryan, R.M.* (2020). Intrinsic motivation. *Contemporary Educational Psychology*, 61.
18. *Gross, J.J.* (2015). Emotion regulation. *Psychological Inquiry*, 26(1).
19. *Shapiro, L.* (2019). *Embodied Cognition*. New York: Routledge. 312 p.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2026.

Received: 20.04.2026.

Статья принята к публикации: 12.05.2026.

Accepted: 12.05.2026.

КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКОГО ПСИХОЛОГА И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ПОДГОТОВКУ СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ

Роговенко Яна Сергеевна¹,

заместитель начальника центра медико-психологического сопровождения,

e-mail: rogovka@mail.ru

ORCID: 0009-0007-7304-6009

Абдурахманов Ринат Абдулнакипович²,

кандидат психологических наук, доцент,

доцент кафедры психологии,

e-mail: gulliver99@yandex.ru

ORCID: 0009-0004-3834-0382

Рябков Александр Михайлович¹,

аналитик центра медико-психологического сопровождения,

e-mail: saintal@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-1785-0795

¹*ФГБУ Федеральный Клинический центр высоких*

медицинских технологий ФМБА России, Москва, Россия

²*АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия*

В статье рассматривается актуальность создания специализированного программного обеспечения для компьютеризации психодиагностических методик, официально закреплённых в современных клинических рекомендациях Министерства здравоохранения Российской Федерации и необходимости подготовки студентов психологических факультетов для работы с Автоматизированным рабочим местом медицинского психолога (АРМ-МП). В настоящее время на базе Центра медико-психологического сопровождения Федерального медико-биологического агентства активно ведётся работа по созданию такого АРМ. С завершением его создания медицинские учреждения, в которых будут работать клинические психологи, перейдут на новый – автоматизированный стандарт работы и увеличится количество пациентов, обслуживаемых клиническим психологом в день. Однако для полноценного использования таких автоматизированных комплексов нужна необходимая подготовка ещё на студенческой скамье. И студенты должны понимать содержание полученных психодиагностических данных, почему и как они получены. Анализируются преимущества цифровизации для повышения точности, доступности и эффективности психологической диагностики в медицинских учреждениях. Особое внимание уделяется интеграции цифровых инструментов в клиническую практику, а также оценке влияния автоматизации на качество оказания психологической помощи. В работе обозначаются ключевые проблемы внедрения компьютерных решений и предлагаются пути их преодоления. В статье также рассматриваются направления совершенствования подготовки студентов психологических факультетов для работы с автоматизированными системами в медицинской сфере.

Ключевые слова: компьютеризация психодиагностики, клинические рекомендации, цифровые технологии, эффективность диагностики, подготовка студентов психологических факультетов.

COMPUTERIZATION OF THE MEDICAL PSYCHOLOGIST'S ACTIVITIES AND ITS IMPACT ON THE TRAINING OF PSYCHOLOGY STUDENTS

Rogovenko Ya.S.¹,

Deputy Head of the Center for Medical and Psychological Support,

e-mail: rogovka@mail.ru

ORCID: 0009-0007-7304-6009

Abdurakhmanov R.A.²,

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Psychology,

e-mail: gulliver99@yandex.ru

ORCID: 0009-0004-3834-0382

Ryabkov A.M.¹,

analyst at the Center for Medical and Psychological Support,

e-mail: saintal@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-1785-0795

¹*Federal State Budgetary Institution Federal Clinical Center for High Medical Technologies
of the FMBA of Russia, Moscow, Russia*

²*ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia*

The article discusses the relevance of creating specialized software for the computerization of psychodiagnostic methods, which are officially approved in modern clinical guidelines of the Ministry of Health of the Russian Federation, and the need to train students of psychological faculties to work with the Automated Workplace of a Medical Psychologist (AWP-MP). Currently, the Center for Medical and Psychological Support of the Federal Medical and Biological Agency is actively working on the creation of such an AWP. Once it is completed, medical institutions where clinical psychologists work will switch to a new, automated standard of work, and the number of patients served by a clinical psychologist per day will increase. However, in order to fully utilize such automated systems, it is necessary to provide the necessary training during the student years. Students should understand the content of the psychodiagnostic data they receive, as well as why and how they were obtained. The article analyzes the advantages of digitalization for improving the accuracy, accessibility, and effectiveness of psychological diagnostics in medical institutions. Special attention is given to the integration of digital tools into clinical practice, as well as the assessment of the impact of automation on the quality of psychological assistance. The article identifies key challenges in implementing computer solutions and suggests ways to overcome them. The article also discusses the areas for improving the training of students of psychological faculties to work with automated systems in the medical field.

Keywords: computerization of psychodiagnostics, clinical recommendations, digital technologies, diagnostic efficiency, preparation of students of psychology faculties.

ВВЕДЕНИЕ

В современной медицине психологическая диагностика приобретает всё большее значение, что обусловлено комплексным подходом к здоровью человека и признанием взаимосвязи психических и соматических процессов. В связи с этим психодиагностические методики всё чаще включаются Министерством здравоохранения Российской Федерации в клинические рекомендации по диагностике и лечению различных заболеваний. Количественные данные наглядно демонстрируют масштаб этого процесса – если в период с 2020 по 2023 год психодиагностические инструменты были включены лишь в 6 клинических рекомендаций, то в 2024-2025 гг. их присутствие зафиксиро-

вано уже в 41 клинической рекомендации. На сегодняшний день зарегистрировано 708 клинических рекомендаций, прошедших экспертизу и одобренных научно-практическим советом Министерства здравоохранения Российской Федерации. Согласно проведенному анализу, в 48 из них в разделе приложений (Приложение Г) приводится перечень конкретных психодиагностических инструментов. В общей сложности в клинических рекомендациях упоминается 109 психодиагностических методик, предназначенных для оценки психического состояния пациентов и оказания качественной медицинской помощи.

Некоторые методики указаны сразу в нескольких клинических рекомендациях. Так, госпитальная шкала тревожности и депрессии (HADS – Hospital Anxiety and Depression Scale) включена в восемь клинических рекомендаций. Опросник для оценки качества жизни (SF-36 – The 36-Item Short Form Health Survey Questionnaire), краткая шкала оценки психического статуса (MMSE – Mini-Mental State Examination) и монреальская когнитивная шкала (MoCA, Montreal Cognitive Assessment) встречаются в шести клинических рекомендациях. Шкала самооценки тревоги Д. Шихана (SPRAS – Sheehan Patient-Rated Anxiety Scale) представлена в пяти клинических рекомендациях. методики «Опросник для исследования личностных убеждений» (Personal Beliefs Test) и Колумбийская шкала оценки тяжести суицидального риска (C-SSRS – Columbia-Suicide Severity Rating Scale) включены в четыре клинических рекомендации.

Такой объем психодиагностических методик, рекомендованных к использованию Минздравом РФ требует соответствующей подготовки будущих психологов с точки зрения как знания самих методик, так и их применения в компьютерном варианте.

В настоящее время обработка результатов психодиагностического обследования клиническими психологами в медицинских организациях зачастую осуществляется вручную, с использованием бумажных бланков, печатных ключей и калькуляторов. Этот подход особенно трудоёмок в случае методик со сложной системой подсчёта, многошкальных опросников (например, MMPI), инструментов, требующих расчёта сырых баллов с последующим переводом в стандартизированные показатели (стэны, Т-баллы и т. д.). На обработку одного бланка может уходить от пары минут до нескольких часов. Это существенно ограничивает пропускную способность специалиста и создаёт задержки в получении итоговых данных для постановки диагноза и планирования терапии. Кроме того, ручная обработка неизбежно повышает влияние человеческого фактора, возможны арифметические ошибки при подсчёте, пропуски отдельных пунктов, неверная трактовка инструкций по кодированию ответов или неправильное применение корректирующих коэффициентов и тестовых норм. Даже у опытных психологов при работе с объёмными методиками накапливается усталость, что дополнительно увеличивает вероятность погрешностей. Такие ошибки могут исказить итоговую картину психологического состояния пациента, привести к некорректной интерпретации результатов, к недостаточно точной клинической оценке или неоптимальному выбору терапевтической стратегии.

В последние годы всё больше научных исследователей и практиков подчёркивают необходимость компьютеризации клинических психодиагностических методик [5, с. 20; 6, с. 109]. Это связано с ростом объёма диагностических задач, требованиями к скорости диагностики, необходимостью сложных расчётов, интеграцией с медицинскими информационными системами, возможностью углублённого анализа.

В зарубежных исследованиях показано, что цифровые платформы позволяют существенно снизить временные затраты на проведение обследования и количество ошибок при обработке ре-

зультатов по сравнению с использованием бумажных протоколов [13, с. 2; 14, с. 6]. В отечественных исследованиях, например, А.Ф. Безденежных [3, с. 18] проведено сравнение эффективности применения компьютерных нейропсихологических программ и классической нейропсихологической реабилитации в форме индивидуальных восстановительных занятий пациентов постинсультными легкими и умеренными когнитивными нарушениями. Доказана сопоставимость этих методик, обнаружено преимущество метода компьютерной нейропсихологической коррекции в восстановлении памяти и внимания. Как отмечает А.А. Цахаева, внедрение автоматизации в психодиагностику позволяет значительно уменьшить долю рутинных операций благодаря частичной или полной передаче отдельных функций компьютеру. [11, с. 110]. В исследовании Л.В. Ахметовой и др. показаны преимущества использования компьютерного психодиагностического инструментария при исследовании когнитивных способностей человека [2, с. 22]. В статье А.Г. Шмелева, И.А. Лисица рассматриваются инновации в области оценки функционального состояния персонала, связанные с внедрением процессов геймификации компьютерных средств психодиагностики [12, с. 98]. В настоящее время на базе Центра медико-психологического сопровождения Федерального медико-биологического агентства активно ведётся работа по созданию такого АРМ. С завершением его создания медицинские учреждения, в которых будут работать клинические психологи, перейдут на новый – автоматизированный стандарт работы и увеличится количество пациентов, обслуживаемых клиническим психологом в день. Однако для полноценного использования таких автоматизированных комплексов нужна необходимая подготовка ещё на студенческой скамье.

Несмотря на методологическую и клиническую обоснованность компьютеризации психодиагностических методик, процесс её внедрения в медицинских организациях сопровождается рядом организационных и инфраструктурных ограничений.

Отдельные работы демонстрируют, что переход от бумажных форм к электронным может сопровождаться временным снижением эффективности из-за необходимости перестройки рабочих процессов и адаптации сотрудников к новым алгоритмам взаимодействия с пациентом [15, с. 2].

Актуальной проблемой продолжает оставаться преобладающее использование психодиагностических инструментов иностранного происхождения, зачастую не подвергшихся надлежащей кросс-культурной адаптации для применения в отечественной практике. Вопросы тестовых заданий нередко сформулированы без учета лингвокультурной специфики российского населения, а психометрические нормативы основаны на выборках, репрезентативных исключительно для зарубежных популяций. Данное обстоятельство создает предпосылки для возможного искажения диагностических результатов. Следовательно, возникает значительная необходимость в проведении дополнительных исследований, направленных на стандартизацию и локализацию зарубежных психодиагностических методик, а также на разработку оригинальных инструментов, учитывающих культурно-исторические, социально-экономические и лингвистические особенности отечественного населения.

Одним из барьеров является недостаточная подготовка выпускников психологических факультетов к активному использованию в процессе психологической диагностики пациентов медицинских учреждений современных автоматизированных комплексов, таких как Шуффрид, Айтрекер и другие. Так проведённые исследования показывают, что только 5 процентов выпускников психологических факультетов немедицинских вузов знают о существовании этих комплексов, но не владеют ими. В отличие от немедицинских вузов, студенты-психологи медицинских вузов имеют пред-

ставления об этих комплексах, но только 15 процентов выпускников психологических факультетов медицинских вузов способны их применить в медицинской практике.

Кроме того, студентам в процессе профессиональной подготовки требуется освоить достаточно большой объем психодиагностических методик, необходимых для практической работы. Анализ содержания клинических рекомендаций показывает значительное разнообразие психодиагностических методик, рекомендуемых для использования медицинскими психологами. В некоторых из них указаны от двадцати и более психодиагностических инструментов, необходимых для полноценной психолого-диагностической работы.

Так, в клинических рекомендациях по когнитивным нарушениям у лиц пожилого и старческого возраста предусмотрено использование 21 психодиагностической методики. В клинических рекомендациях по тревожно-фобическим и паническим расстройствам также рекомендуется применять по 20 психодиагностических методик, что обусловлено необходимостью детальной дифференциации тревожных синдромов, оценки степени выраженности симптоматики, а также выявления сопутствующих психопатологических явлений.

На сегодняшний день на рынке представлено множество программных решений для психологов – от универсальных платформ до узкоспециализированных приложений. Они позволяют автоматизировать обработку отдельных психодиагностических методик, вести электронные базы данных пациентов, формировать отчёты и хранить результаты тестирования. Например, НС-Психотест Эксперт – для проведения психофизиологических и психологических тестов с регистрацией вегетативных и эмоциональных реакций, 1С: Психодиагностика образовательного учреждения – для компьютерной психодиагностики детей и подростков в учебных заведениях, Maintest – для проведения оценки сотрудников и кандидатов с помощью готовых психологических тестов. Среди программных комплексов для клинических психологов можно отметить «Шуффрид» (Schuhfried) – компьютеризированную систему психологического тестирования и тренинга, предназначенную для диагностики и коррекции высших психических функций. Однако, в связи с тем, что данное программное обеспечение является зарубежным, это в значительной степени осложняет его внедрение и использование в современных условиях.

Представляется интересным рассмотреть опыт психологической службы ФСИН России, где все пенитенциарные психологи обеспечены специализированной программой Psychometric Expert. Это решение разработано под специфику уголовно-исполнительной системы и включает набор психодиагностических методик, разработанных как для сотрудников силовых структур, так и для спецконтингента учреждений ФСИН России. В числе прочего программа позволяет проводить комплексную оценку личностных и профессиональных качеств сотрудников, диагностировать психологические особенности, риски девиантного поведения и уровень социальной адаптации лиц, находящихся в местах лишения свободы, выявлять группы повышенного психологического риска и планировать профилактическую работу.

Ключевое преимущество системы – возможность ведения накопительной базы данных о респондентах, прошедших обследование, и о проведённой с ними психологической работе. В базе фиксируются результаты диагностических процедур, динамика изменений психологических показателей во времени, сведения о коррекционных и консультационных мероприятиях, индивидуальные планы психологической сопровождения, психологические заключения и справки.

Кроме того, Psychometric Expert автоматически формирует отчёты о числе проведённых диагностических, коррекционных и просветительских мероприятий, что существенно упрощает учёт

рабочей нагрузки психологов, подготовку статистической и аналитической отчётности для руководства, планирование деятельности психологической службы на уровне отдельных учреждений и территориальных органов ФСИН России, контроль выполнения нормативных требований по объёму и качеству психологической работы,

Этот опыт демонстрирует, как специализированное программное обеспечение может повысить эффективность работы психологической службы в сложной организационной структуре. В частности, ценные элементы подхода (централизованная база данных, автоматизация отчётности, поддержка мониторинга динамики) могут быть адаптированы для нужд клинической психологии в системе здравоохранения. При этом в учебных заведениях ФСИН будущие психологи осваивают программу *Psychometric Expert* и готовы её применять в пенитенциарных учреждениях. Кроме того, психологической службой ФСИН проводятся ежемесячные и ежеквартальные вебинары с действующими психологами для повышения качества применения данной программы на практике.

Однако большинство существующих программ автоматизации деятельности психолога ориентированы преимущественно на общепсихологическую либо узкоспециализированную диагностику в образовательных, кадровых организациях или силовых структурах, а потому не охватывают полный спектр методик, актуальных для медицинской практики. В частности, в них зачастую отсутствуют инструменты, прямо указанные в современных клинических рекомендациях.

Такая ситуация создаёт существенные затруднения для медицинских психологов в лечебных и лечебно-профилактических учреждениях, специалистам приходится комбинировать разные программные продукты, дополнять их ручной обработкой данных или вовсе отказываться от цифровизации отдельных этапов работы. Это создаёт трудности и в подготовке психологов для медицинских учреждений, так как нет регламентирующих документов, определяющих ознакомление и отработку студентами тех методик, которые определены клиническими рекомендациями Минздрава.

Поэтому особую актуальность приобретает разработка специализированного программного обеспечения конкретно для медицинских психологов, не зависящего от иностранного программного обеспечения, и подготовка студентов психологических факультетов на базе такого автоматизированного психодиагностического комплекса. Такое программное обеспечение должно включать полный набор психодиагностических методик, закреплённых в действующих клинических рекомендациях, обеспечивать автоматизированную обработку результатов с учётом сложных ключей и корректирующих коэффициентов, формировать стандартизированные протоколы, отчёты и заключения, совместимые с медицинскими информационными системами (например, с программой «*Medwork*») и электронными медицинскими картами, соответствовать требованиям информационной безопасности и защиты персональных данных (в т. ч. Ф3-152 «О персональных данных»).

Кроме того, в связи с периодическим выходом новых клинических рекомендаций и активной адаптацией зарубежных клинических методик [4, с. 89; 8, с. 153; 10, с. 201] принципиально важно, чтобы такое программное обеспечение предусматривало возможность оперативного обновления набора диагностических инструментов. Это позволит специалистам всегда располагать актуальным набором методик, необходимых в работе клинического психолога, своевременно включать в практику вновь утверждённые инструменты и интегрировать адаптированные зарубежные разработки.

Мы считаем, что при разработке подобного автоматизированного рабочего места (АРМ) для клинического психолога целесообразно опираться на комплекс взаимосвязанных принципов, обеспечивающих научную обоснованность и практическую эффективность инструментария. Науч-

ность – использование психодиагностических методик с подтверждённой надёжностью и валидностью. Комплексность – обеспечение возможности всесторонней оценки психологического состояния пациента за счёт интеграции разноплановых методик (когнитивных, личностных, эмоциональных, поведенческих шкал). Апробированность на практике – включение в АРМ только тех инструментов, которые прошли многоэтапную эмпирическую проверку в реальных клинических условиях и доказали свою диагностическую ценность. Сочетание мобильности и централизованности – создание гибкой системы, которая позволяет проводить диагностику в разных условиях (стационар, амбулатория) и одновременно обеспечивает централизованное хранение данных, единую базу результатов и возможность мониторинга динамики состояния пациентов. Поэтапность диагностики – сочетающая быстрый предварительный скрининг для выявления групп риска и основных проблем, и целенаправленный подбор углублённых методик для детализации выявленных нарушений. Ориентация на действующие клинические рекомендации – интеграция в АРМ психодиагностических инструментов, прямо указанных в актуальных протоколах оказания медицинской помощи, с учётом последних изменений в классификациях в МКБ-11. Соответствие этапам психологического сопровождения – первичная диагностика и постановка психологического диагноза, планирование и составление программы психологической коррекции, мониторинг эффективности терапии.

Помимо этого, необходимо учитывать, что в настоящее время в больницы и реабилитационные центры поступает всё больше пациентов с ограниченной мобильностью, в том числе участников СВО. Это означает, что традиционные методики, рассчитанные на самостоятельное посещение кабинета психолога, становятся не всегда применимыми или требуют существенной адаптации. Возникает потребность в мобильных и гибких решениях. Поэтому важно, чтобы новое программное обеспечение имело кросс-платформенный характер и могло стабильно функционировать как на стационарных компьютерах, так и на планшетах.

Использование электронного планшета при проведении психодиагностики для пациентов, которые не могут самостоятельно ходить, обладает рядом существенных преимуществ и делает процедуру максимально комфортной и доступной. Планшет легко транспортировать, психолог может принести его прямо к постели пациента в стационаре, исключая необходимость перемещения обследуемого. Сенсорный экран и интуитивно понятный интерфейс позволяют пациентам с разной степенью мобильности самостоятельно взаимодействовать с заданиями, выбирать ответы, перемещать элементы, рисовать или отмечать варианты, без необходимости сложных манипуляций.

Автоматизированная обработка результатов прямо на устройстве сокращает время ожидания итогового заключения, психолог сразу получает первичные данные и может оперативно обсудить их с пациентом и лечащим врачом. При этом все ответы фиксируются в цифровом виде, исключается риск потери или искажения информации, а результаты легко интегрируются в электронную медицинскую карту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, создание автоматизированного рабочего места медицинского психолога позволит повысить эффективность работы клинических психологов, сократить время на диагностику, снизить вероятность ошибок и обеспечить единый стандарт качества психодиагностической оценки в медицинской практике.

Активное внедрение автоматизированных комплексов в деятельность медицинских психологов потребует от Высшей школы соответствующей подготовки студентов и совершенствования диа-

гностическо-лабораторной базы психологических факультетов, разработки новых учебных курсов, позволяющих студентам-психологам не только знакомиться с автоматизированными рабочими местами, но и овладевать процессом диагностики в ситуации работы с пациентом. При этом процесс овладения различными, и прежде всего отечественными, автоматизированными комплексами диагностики должен сопровождаться у студентов с постижением научных основ психодиагностики, «ручной» отработкой используемых методик (так как студенты должны понимать содержание полученных психодиагностических данных, почему и как они получены), умением сочетать количественный и качественный подходы к анализу результатов психодиагностики.

Как вытекает из ряда исследований (1; 7; 9), целесообразно также учитывать индивидуально-психологические особенности обучаемых при проведении занятий по автоматизированным комплексам диагностики в медицинской сфере.

Список литературы

1. *Афанасьев В.Я., Воронцов Н.В.* Влияние типов мышления и личностных качеств студентов на академическую успеваемость при дистанционном обучении в цифровой среде // *Цифровая социология*. 2022. Т. 5. № 1. С. 76-86.
2. *Ахметова Л.В., Газизов Т.Т., Стась А.Н.* Применение информационных технологий в психолого-диагностических исследованиях // *РЕМ: Psychology. Educology. Medicine*, 2020. №. 3. С. 20-31.
3. *Безденежных А.Ф.* Коррекция когнитивных функций с использованием компьютерных стимулирующих программ и классической нейропсихологической реабилитации у больных перенесших инсульт : автореф. дис. канд. мед. Наук. Сибирский федеральный научно-клинический центр ФМБА, 2019. 24 с.
4. *Васильева И.В., Тихонова С.С.* Русскоязычная адаптация шкалы цифровых факторов стресса Т. Фишера, М. Рейтера, Р. Ридля // *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*. 2025. №. 4. С. 87-97.
5. *Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Червинская К.Р.* Компьютерная психодиагностика в теории и практике медицинской психологии: этапы и перспективы развития // *Сибирский психологический журнал*. 2010. №. 35. С. 20-24.
6. *Канонир Т.Н. и др.* Как современная психометрика может изменить тестирование интеллекта детей и подростков в России // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2024. Т. 21. №. 1. С. 101-122.
7. *Каширский Д.В., Сабельникова Н.В.* Личностные предпосылки отношения к цифровизации образования у российских студентов. *Психологическая наука и образование*, 2024, 29(4), С. 44–62.
8. *Нелюбина А.С. и др.* Русскоязычная адаптация шкалы медицинской грамотности НК-LS для пациентов, страдающих артериальной гипертонией // *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*. 2024. №. 4. С. 148-166.
9. *Татарко А.Н. и др.* Связь базовых человеческих ценностей и вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий у молодежи и старшего поколения // *Психологическая наука и образование*. 2022. Том 27. № 2. С. 5—18.
10. *Фетисов Б.А., Сирота Н.А.* Русскоязычная адаптация Шкалы неопределенности в болезни М. Мишель (MUIS-A) // *Теоретическая и экспериментальная психология*. – 2025. Т. 18. №. 4. С. 198-218.
11. *Цахаева А.А.* Цифровизация работы психодиагноста. ООО ДиректМедиа, 2023.
12. *Шмелев А.Г., Лисица И.А.* Компьютерное тестирование и геймификация: перспективы мониторинга функционального состояния работников в эпоху компьютеризации психодиагностики // *Вестник Московского университета. серия 14. психология*. 2016. №. 4. С. 98-109.

13. *El Emam K, Jonker E, Sampson M, Krleza-Jerić K, Neisa A.* The use of electronic data capture tools in clinical trials: Web-survey of 259 Canadian trials. *J Med Internet Res.* 2009 Mar 9;11(1):e8. doi: 10.2196/jmir.1120. PMID: 19275984; PMCID: PMC2762772.
14. *Nahm M.L., Pieper C.F., Cunningham M.M.* Quantifying data quality for clinical trials using electronic data capture // *PLoS ONE.* 2008. Vol. 3, No. 8. e3049.
15. *Othman, Omar & Mashayo, Eden & Jones, Jamison & Shah, Kajal & Graham, Christine & Yong, Ai Chee & Graham, Ronnie & Omar, Fatma & Chan, Ving.* 2024. Does electronic data collection perform better than paper-based data collection in health research fieldwork? A participatory action research in Zanzibar. *BMJ Public Health.* 2. e000749. 10.1136/bmjph-2023-000749.

References

1. *Afanasyev, V.Ya., & Vorontsov, N.V.* (2022). The influence of thinking types and personal qualities of students on academic performance in distance learning in a digital environment. *Tsifrovaya sotsiologiya [Digital Sociology]*, 5(1), 76–86.
2. *Akhmetova, L.V., Gazizov, T.T., & Stas, A.N.* (2020). Application of information technologies in psychological and diagnostic research. *PEM: Psychology. Educology. Medicine*, (3), 20–31.
3. *Bezdenezhnykh, A.F.* (2019). Korrektsiya kognitivnykh funktsiy s ispol'zovaniem komp'yuternykh stimulyruyushchikh programm i klassicheskoy neyropsikhologicheskoy reabilitatsii u bol'nykh perenessikh insul't [Correction of cognitive functions using computer stimulation programs and classical neuropsychological rehabilitation in post-stroke patients]: Abstract of Cand. Sci. (Medicine) dissertation. Siberian Federal Scientific and Clinical Center of the FMBA. 24 p.
4. *Vasilyeva, I.V., & Tikhonova, S.S.* (2025). Russian-language adaptation of the Digital Stress Scale by T. Fischer, M. Reiter, and R. Riedl. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Psikhologiya» [Bulletin of Omsk University. Series «Psychology»]*, (4), 87–97.
5. *Vasserman, L.I., Iovlev, B.V., & Chervinskaya, K.R.* (2010). Computer psychodiagnostics in the theory and practice of medical psychology: Stages and development prospects. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal [Siberian Psychological Journal]*, (35), 20–24.
6. *Kanonir, T.N., et al.* (2024). How modern psychometrics can change intelligence testing of children and adolescents in Russia. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*, 21(1), 101–122.
7. *Kashirsky, D.V., & Sabelnikova, N.V.* (2024). Personal prerequisites for attitudes toward digitalization of education among Russian students. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 29(4), 44–62.
8. *Nelyubina, A.S., et al.* (2024). Russian-language adaptation of the health literacy scale HK-LS for patients with arterial hypertension. *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie» [RSUH Bulletin. Series «Psychology. Pedagogy. Education»]*, (4), 148–166.
9. *Tatarko, A.N., et al.* (2022). The relationship between basic human values and engagement in the use of information and communication technologies among youth and the older generation. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 27(2), 5–18.
10. *Fetisov, B.A., & Sirota, N.A.* (2025). Russian-language adaptation of the Mishel Uncertainty in Illness Scale (MUIS-A). *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya [Theoretical and Experimental Psychology]*, 18(4), 198–218.
11. *Tsakhayeva, A.A.* (2023). *Tsifrovizatsiya raboty psikhodiagnosta [Digitalization of the psychodiagnostician's work]*. Moscow: DirectMedia.
12. *Shmelev, A.G., & Lisitsa, I.A.* (2016). Computer testing and gamification: Prospects for monitoring the functional state of employees in the era of computerization of psychodiagnostics. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*, (4), 98–109.

13. *El Emam, K., Jonker, E., Sampson, M., Krleza-Jerić, K., & Neisa, A.* (2009). The use of electronic data capture tools in clinical trials: Web-survey of 259 Canadian trials. *Journal of Medical Internet Research*, 11(1), e8. <https://doi.org/10.2196/jmir.1120>
14. *Nahm, M.L., Pieper, C.F., & Cunningham, M.M.* (2008). Quantifying data quality for clinical trials using electronic data capture. *PLoS ONE*, 3(8), e3049. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0003049>
15. *Othman, O., Mashayo, E., Jones, J., Shah, K., Graham, C., Yong, A. C., Graham, R., Omar, F., & Chan, V.* (2024). Does electronic data collection perform better than paper-based data collection in health research fieldwork? A participatory action research in Zanzibar. *BMJ Public Health*, 2, e000749. <https://doi.org/10.1136/bmjph-2023-000749>

Статья поступила в редакцию: 05.04.2026.

Received: 05.04.2026.

Статья принята к публикации: 08.05.2026.

Accepted: 08.05.2026.

**ПСИХОДИАГНОСТИКА СТРЕССОВЫХ И КРИЗИСНЫХ СОСТОЯНИЙ
ОБУЧАЮЩИХСЯ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ:
ВОЗМОЖНОСТИ КОГНИТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКОГО ПОДХОДА
В ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ**

Сиятинский Демьян Станиславович¹,
e-mail: d.siatinsky.psy@mail.ru
ORCID: 0009-0001-8507-3991

Трофимова Евгения Михайловна^{1,2},
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии;
доцент кафедры общей психологии и психологии труда,
e-mail: jmt662008@yandex.ru
ORCID: 0009-0005-5285-5662

¹*АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия*

²*АНОВО «Российский новый университет», Москва, Россия*

Актуальность статьи обусловлена тем, что цифровая образовательная среда стала не только техническим каналом обучения, но и особым психологическим контекстом, в котором усиливаются академическая нагрузка, информационная неопределенность, дефицит общения и риск эмоционального неблагополучия обучающихся. Цель исследования – теоретически обосновать модель психодиагностики стрессовых и кризисных состояний обучающихся в цифровой образовательной среде и показать возможности когнитивно-поведенческого подхода в психолого-педагогическом сопровождении. Методами исследования выступили теоретический анализ, сопоставление отечественных и зарубежных работ, обобщение данных о цифровой психодиагностике, учебном стрессе, копинг-стратегиях и интернет-доставляемых когнитивно-поведенческих интервенциях. Основным результатом состоит в разработке концептуальной модели «КПТ-навигатора цифрового риска», связывающей оценку среды, диагностику состояния, выявление когнитивно-поведенческих механизмов стресса и выбор поддерживающего действия. Показано, что психодиагностика в цифровой среде должна переходить от разового измерения симптомов к динамическому, этически контролируемому и педагогически интерпретируемому мониторингу. Практическая значимость модели связана с ее применением психологами образования, кураторами и преподавателями для профилактики стресса, раннего выявления кризисных состояний и маршрутизации обучающихся к специалистам. Область применения – профилактические программы образовательных организаций.
Ключевые слова: цифровая образовательная среда, психодиагностика, стресс, кризисное состояние, когнитивно-поведенческий подход, копинг-стратегии, обучающиеся.

**PSYCHODIAGNOSTICS OF STRESS AND CRISIS STATES OF STUDENTS
IN A DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT: THE POTENTIAL
OF A COGNITIVE-BEHAVIORAL APPROACH IN PSYCHOLOGICAL
AND PEDAGOGICAL SUPPORT**

Siyatinsky D.S.¹,
e-mail: d.siatinsky.psy@mail.ru
ORCID: 0009-0001-8507-3991

Trofimova E.M.^{1,2},*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,**Associate Professor at the Department of Psychology;**Associate Professor at the Department of General Psychology and Occupational Psychology,**e-mail: jmt662008@yandex.ru**ORCID: 0009-0005-5285-5662*¹*ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia*²*Russian New University, Moscow, Russia*

The relevance of the article is determined by the fact that the digital educational environment has become not only a technical channel of instruction, but also a specific psychological context in which academic workload, informational uncertainty, lack of communication, and risks of emotional distress among students increase. The purpose of the study is to substantiate a model for psychodiagnostics of stress and crisis states of students in a digital educational environment and to demonstrate the potential of the cognitive-behavioral approach in psychological and pedagogical support. The methods include theoretical analysis, comparison of Russian and international studies, and synthesis of data on digital psychodiagnostics, academic stress, coping strategies, and internet-delivered cognitive-behavioral interventions. The main result is the conceptual model of a «CBT digital risk navigator», which connects assessment of the environment, diagnosis of the student's state, identification of cognitive-behavioral mechanisms of stress, and selection of a supportive action. The article shows that digital psychodiagnostics should move from one-time symptom measurement to dynamic and ethically controlled monitoring. The model may be used by educational psychologists, tutors, and teachers for stress prevention, early detection of crisis states, and referral of students to specialists.

Keywords: digital educational environment, psychodiagnostics, stress, crisis state, cognitive-behavioral approach, coping strategies, students.

ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация образования изменила не только средства передачи учебного материала, но и психологическую ситуацию обучения. Цифровая образовательная среда одновременно становится пространством доступа к знаниям, коммуникации, контроля, сравнения себя с другими и саморегуляции учебной активности. Поэтому психодиагностика стрессовых и кризисных состояний обучающихся не может сводиться к фиксации тревожности или утомления: необходимо понимать, какие особенности среды и какие когнитивно-поведенческие механизмы превращают учебную трудность в дистресс.

М.Г. Сорокова, М.А. Одинцова и Н.П. Радчикова справедливо отмечают: «Образовательная среда университетов на сегодняшний день невозможна без цифровых технологий» [10, с. 54]. Однако та же среда может усиливать психологическую нагрузку. Т.П. Авдулова и В.М. Прикладовская подчеркивают, что «онлайн обучение ограничивает формирование отдельных структурных элементов психики, которые традиционно формировались в общении <...>» [1, с. 408]. К.А. Лангуев и Е.С. Богомолова также указывают, что массовое применение цифровых средств обучения при несоблюдении гигиенических правил «способствует возникновению перенапряжения центральной нервной системы» [5, с. 115].

Новизна статьи состоит в разработке теоретической модели «КПТ-навигатора цифрового риска». В отличие от подходов, где диагностика и помощь существуют отдельно, модель связывает четыре действия: оценку стрессогенности цифровой среды, определение состояния обучающегося, выявление поддерживающих когнитивно-поведенческих механизмов и выбор педагогически допустимого шага сопровождения.

Проведенный теоретический анализ позволил выделить несколько взаимосвязанных направлений, последовательное рассмотрение которых раскрывает возможности когнитивно-поведенческого подхода в диагностике стрессовых и кризисных состояний обучающихся в цифровой среде.

Первое направление анализа связано с тем, что цифровая среда сама становится объектом диагностики. Шкала оценки цифровой образовательной среды университета включает шесть индикаторов: удовлетворенность учебным процессом, коммуникативное взаимодействие, стресснапряженность, необходимость поддержки, нечестные стратегии при контроле знаний и доступность [10, с. 52]. Это важно: стресс обучающегося может быть связан не только с личными особенностями, но и с неясными инструкциями, перегрузкой, слабой обратной связью или технической недоступностью.

И.М. Ажмухамедов и А.В. Хайтул предлагают индивидуализировать цифровую среду на основе диагностики психоэмоционального состояния обучающегося [2, с. 17]. Их идея продуктивна для педагогической психологии, поскольку состояние студента рассматривается не как частная жалоба, а как основание для изменения образовательной траектории. Н. Е. Юрьева развивает эту линию в контексте искусственного интеллекта: предметом диагностики становятся «концентрация, усталость, стресс» в цифровых образовательных средах [11, с. 47]. Тем самым психодиагностика постепенно смещается от разового опроса к динамическому мониторингу.

Зарубежные исследования подтверждают дефицит контекстных инструментов. И.-Р. Топалэ, Д.-В. Некшой, А.-М. Казан и М.-М. Стан пишут: «Инструменты, направленные на оценку того, как студенты воспринимают различные специфические стрессовые аспекты онлайн-обучения, немногочисленны <...>» [17, с. 2]. Следовательно, диагностика должна измерять не только состояние, но и источник напряжения: содержание курса, взаимодействие, сроки, технологические барьеры и субъективную управляемость ситуации.

Второе направление анализа связано со стрессом. Л.А. Головей и О.С. Галашева отмечают, что подростки особенно уязвимы к повседневным стрессорам, а среди сфер напряженности выделяют «Одиночество, самочувствие», «Самоотношение», «Отвержение», «Страхи, беспокойство», «Школа, учеба» [3, с. 77]. Е.А. Димитрова показывает, что стресс студентов вузов влияет на качество освоения образовательных программ, а профилактика требует постоянного мониторинга причин стресса [4]. Е.П. Федорова, В.И. Екинцев, Т.Ю. Артюхова и М.В. Сёмина выявили признаки информационного стресса при переходе на дистанционное обучение: тревогу, неудовлетворенность, неуверенность и беспокойство [8, с. 735].

Для разграничения обычного напряжения и кризисного риска важна работа Н.Е. Харламенковой, Д.А. Никитиной, Н.Е. Шаталовой и Е.Н. Дымовой. Авторы подчеркивают, что повседневный стресс «характеризуется отсутствием явного стрессора с четкими временными и пространственными границами», тогда как травматический стресс связан с конкретным событием высокой угрозы [9, с. 84]. В цифровой среде эта граница принципиальна: снижение активности может означать утомление, информационную перегрузку, переживание социальной «оставленности» или кризисное состояние, требующее срочной помощи.

Третье направление анализа – способы совладания. Ю.А. Маракшина, В.И. Исмагуллина и М.М. Лобаскова делают важный вывод: «стресс – норма современной жизни, однако чрезмерный стресс (дистресс) пагубно влияет на человека <...>» [6, с. 19]. Поэтому задача сопровождения состоит не в устранении любой учебной трудности, а в предупреждении перехода напряжения в дистресс. А.А. Миронова, О.В. Кружкова, Н.Е. Жданова и А.Ю. Косарева показывают, что в цифровой

образовательной среде значимы копинг, психологические защиты, благополучие и саморегуляция [7, с. 21]. При этом авторы уточняют: «стрессонапряженность цифровой образовательной среды может быть не связана ни с психологическими защитами, ни с копинг-стратегиями <...>» [7, с. 34]. Следовательно, диагностика должна быть многоуровневой.

Когнитивно-поведенческий подход изначально опирается на расширенное понимание поведения, включающее не только внешние действия, но и когнитивные и эмоциональные реакции. Как подчеркивают М. Накао и соавторы, «КПТ помогает людям выявлять и изменять деструктивные или искажающие мысленные паттерны, которые негативно влияют на их поведение и эмоции» [14, с. 1]. Это дает возможность рассматривать стрессовое состояние как целостный паттерн реагирования и строить сопровождение с опорой на все его компоненты.

Исходя из такого понимания, когнитивно-поведенческий подход позволяет связать диагностику и помощь. М. Накао, К. Сироцуки и Н. Сугая формулируют базовый механизм так: «КПТ помогает людям устранять избегающее и защитно-поисковое поведение <...>» [14, с. 1]. В образовательной среде такими механизмами могут быть прокрастинация, отказ включать камеру, избегание сложных заданий, катастрофизация оценки, постоянная перепроверка и пассивное присутствие на занятии. Цель сопровождения – не заменить психотерапию, а помочь обучающемуся распознать цикл «мысль – эмоция – действие» и выбрать малый реалистичный шаг.

Эффективность цифровых форм когнитивно-поведенческой помощи подтверждается рядом исследований. Дж. Бантес, А.Э. Каздин, П. Кейперс и соавторы пишут: «Групповые интервенции, проводимые через интернет, могут быть новым и эффективным способом укрепления психического здоровья студентов» [12, с. 1]. М.Х. Ким, Ю.-К. Мун и К.-М. Чун показывают потенциал приложения с персонализированными историями и геймификацией: «Программа включала персонализированные кейс-истории и элементы геймификации <...>» [13, с. 1].

Систематические обзоры подтверждают общий вывод. К. Оливейра и соавторы рассматривают интернет-доставляемую КПТ как перспективный формат помощи при тревоге у университетских студентов [16]. Дж. Лю, Ю. Го, Ю. Ву и соавторы включили 30 рандомизированных контролируемых исследований и показали снижение тревоги, депрессии и стресса у студентов [18]. Их итоговая формула показательна: «Интернет-КПТ является эффективным подходом для улучшения показателей тревоги, депрессии и стресса у студентов колледжей <...>» [18, с. 1].

Однако кризисная помощь в образовании не может строиться только на цифровом самообслуживании. Р.Л. Сокол и соавторы в систематическом обзоре школьных кризисных интервенций пишут: «Мы обнаружили крайне выраженный недостаток оценочных исследований <...>» [15, с. 1]. Это означает, что образовательные организации должны сочетать цифровой мониторинг, очную профессиональную помощь, оценку эффективности программ и четкие алгоритмы маршрутизации.

Предлагаемая модель включает четыре слоя. Средовой слой выявляет стрессогенность цифровой среды: перегрузку, доступность, качество коммуникации и потребность в поддержке. Слой состояния индивида фиксирует тревогу, усталость, информационный стресс, снижение включенности и признаки кризисного риска. Когнитивно-поведенческий слой определяет автоматические мысли, избегание, катастрофизацию, дефицит планирования и способы совладания. Сопроводительный слой переводит результаты диагностики в действие: уточнение инструкций, снижение неопределенности, психообразование, тренировку саморегуляции, поведенческую активацию, обращение за социальной поддержкой или направление к специалисту.

«Изюминка» модели состоит в том, что она не противопоставляет цифровую диагностику и человеческое сопровождение. Цифровые данные дают ранний сигнал; психологическая интерпретация отделяет нормальное напряжение от дистресса; когнитивно-поведенческая логика показывает поддерживающий механизм; педагогическое действие меняет условия обучения. Например, при сочетании тревоги, прокрастинации и катастрофизации оценки полезны не общие советы «меньше волноваться», а конкретная цепочка: назвать автоматическую мысль, проверить ее доказательствами, разделить задание на малые шаги, получить обратную связь и зафиксировать успешное действие.

Этическое условие применения модели – отказ от карательного использования цифровых следов. Показатели активности, пропусков, скорости выполнения заданий или обращений к платформе не должны служить усилению контроля. Их педагогический смысл – вовремя заметить напряжение, предложить поддержку и при необходимости организовать профессиональную помощь. В этом отношении модель опирается на профилактическую, а не надзорную логику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный теоретический анализ показывает, что стрессовые и кризисные состояния обучающихся в цифровой образовательной среде имеют сложную природу. Они формируются на пересечении учебной нагрузки, коммуникативной депривации, информационной перегрузки, субъективной оценки угрозы, копинг-стратегий и особенностей саморегуляции. Поэтому психодиагностика должна включать не только измерение симптомов, но и оценку стрессогенности среды, динамики состояния и поддерживающих когнитивно-поведенческих механизмов.

Когнитивно-поведенческий подход дает педагогической психологии практичный язык описания помощи: автоматические мысли, избегание, поведенческая активация, планирование малого шага, проверка интерпретаций, развитие навыков совладания. Предложенная модель «КПТ-навигатора цифрового риска» позволяет соединить цифровую психодиагностику, профилактику дистресса и маршрутизацию обучающихся к специалистам. Перспективой дальнейших исследований является эмпирическая апробация модели в школах, колледжах и университетах с оценкой ее надежности, этичности и влияния на психологическое благополучие обучающихся.

Список литературы

1. Авдулова Т.П., Прикладовская В.М. Сравнительный анализ особенностей тревожности, депрессивности и коммуникативной сферы у подростков, обучающихся онлайн и офлайн // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании : сб. статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 17–18 ноября 2022 г. / под ред. В. В. Рубцова, М. Г. Сороковой, Н. П. Радчиковой. М.: Изд-во ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. С. 407–420.
2. Ажмухамедов И.М., Хайтул А.В. Методика индивидуализации цифровой среды на основе диагностики психоэмоционального состояния обучающегося // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2022. № 3 (59). С. 17–24.
3. Головей Л.А., Галашева О.С. Опросник повседневных стрессоров для подростков // Психолого-педагогические исследования. 2024. Т. 16, № 2. С. 77–97. DOI: 10.17759/psyedu.2024160205.
4. Димитрова Е.А. Исследование учебного стресса обучающихся современных российских вузов и меры его профилактики // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 7 (133). DOI: 10.23670/IRJ.2023.133.68.
5. Лангуев К.А., Богомолова Е.С. Влияние цифровой образовательной среды на психофизиологическое состояние старшеклассников // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании: сб.

- статей IV Международной научно-практической конференции. 16–17 ноября 2023 г. / под ред. В. В. Рубцова, М. Г. Сороковой, Н. П. Радчиковой. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. С. 115–124.
6. *Маракина Ю.А., Исмагуллина В.И., Лобаскова М.М.* Стресс и стратегии совладания у студенческой молодежи: обзор исследований // *Клиническая и специальная психология*. 2024. Т. 13, № 2. С. 5–33. DOI: 10.17759/cpse.2024130201.
7. Особенности защитного и совладающего поведения студентов в цифровой образовательной среде / А. А. Миронова [и др.] // *Вестник практической психологии образования*. 2026. Т. 23, № 1. С. 21–41. DOI: 10.17759/bppe.2026230102.
8. Проявление информационного стресса у студентов в ситуации перехода на дистанционное обучение в период распространения пандемии COVID-19 / Е. П. Федорова [и др.] // *Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании : сб. статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. 11–12 ноября 2021 г. / под ред. В. В. Рубцова, М. Г. Сороковой, Н. П. Радчиковой. М. : Изд-во ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. С. 735–745.
9. Психологические последствия переживания стресса в детском возрасте — феномены «оставленности» и «вовлеченности» / Н. Е. Харламенкова [и др.] // *Клиническая и специальная психология*. 2022. Т. 11, № 3. С. 71–96. DOI: 10.17759/cpse.2022110303.
10. *Сорокова М.Г., Одинцова М.А., Радчикова Н.П.* Шкала оценки цифровой образовательной среды университета // *Психологическая наука и образование*. 2021. Т. 26, № 2. С. 52–65. DOI: 10.17759/pse.2021260205.
11. *Юрьева Н.Е.* Искусственный интеллект в психодиагностике: когнитивные состояния в цифровой образовательной среде // *Моделирование и анализ данных*. 2025. Т. 15, № 3. С. 47–55. DOI: 10.17759/mda.2025150303.
12. A Web-Based Group Cognitive Behavioral Therapy Intervention for Symptoms of Anxiety and Depression Among University Students: Open-Label, Pragmatic Trial / J. Bantjes [et al.] // *JMIR Mental Health*. 2021. Vol. 8, № 5. Article e27400. DOI: 10.2196/27400.
13. An App-Based Cognitive Behavioral Therapy Program Tailored for College Students: Randomized Controlled Trial / M. H. Kim [et al.] // *JMIR mHealth and uHealth*. 2025. Vol. 13. Article e50006. DOI: 10.2196/50006.
14. Cognitive-behavioral therapy for management of mental health and stress-related disorders: recent advances in techniques and technologies / M. Nakao, K. Shirotaki, N. Sugaya // *BioPsychoSocial Medicine*. 2021. Vol. 15. Article 16. DOI: 10.1186/s13030-021-00219-w.
15. Crisis Interventions in Schools: A Systematic Review / R. L. Sokol [et al.] // *Journal of School Violence*. 2021. Vol. 20, № 2. P. 241–260. DOI: 10.1080/15388220.2021.1879098.
16. Internet-delivered cognitive behavioral therapy for anxiety among university students: a systematic review and meta-analysis / C. Oliveira [et al.] // *Internet Interventions*. 2023. Vol. 31. Article 100609. DOI: 10.1016/j.invent.2023.100609.
17. Sources of stress in online learning scale: development and validation of an instrument to evaluate students' stressors associated with the online learning / I.-R. Topalá [et al.] // *Frontiers in Psychology*. 2025. Vol. 16. Article 1556824. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1556824.
18. The intervention effect of internet-based cognitive behavioral therapy on anxiety, depression, and stress in college students: a systematic review and meta-analysis based on randomized controlled trials / J. Liu [et al.] // *Frontiers in Psychology*. 2026. Vol. 17. Article 1745837. DOI: 10.3389/fpsyg.2026.1745837.

References

1. *Avdulova, T.P., & Prikladovskaya, V.M.* (2022). Comparative analysis of anxiety, depression, and communicative sphere features in adolescents studying online and offline. In V. V. Rubtsov, M. G. Sorokova, & N. P. Radchikova (Eds.), *Digital humanities and technologies in education: Proceedings of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation* (November 17–18, 2022) (pp. 407–420). Moscow: MGPPU Publishing House.

2. Azhmukhamedov, I.M., & Khaitul, A.V. (2022). A methodology for individualizing the digital environment based on diagnostics of the psycho-emotional state of students. *Caspian Journal: Management and High Technologies*, (3(59)), 17–24.
3. Golovey, L.A., & Galasheva, O.S. (2024). A daily stressors questionnaire for adolescents. *Psychological and Pedagogical Research*, 16(2), 77–97. DOI: 10.17759/psyedu.2024160205.
4. Dimitrova, E.A. (2023). A study of academic stress among students of contemporary Russian universities and measures for its prevention. *International Research Journal*, (7(133)). DOI: 10.23670/IRJ.2023.133.68.
5. Languev, K.A., & Bogomolova, E.S. (2023). The influence of the digital educational environment on the psychophysiological state of senior school students. In V. V. Rubtsov, M. G. Sorokova, & N. P. Radchikova (Eds.), *Digital humanities and technologies in education: Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference* (November 16–17, 2023) (pp. 115–124). Moscow: MGPPU.
6. Marakshina, Yu.A., Ismatullina, V.I., & Lobaskova, M.M. (2024). Stress and coping strategies among university students: A review of research. *Clinical and Special Psychology*, 13(2), 5–33. DOI: 10.17759/cpse.2024130201.
7. Mironova, A.A., et al. (2026). Features of defensive and coping behavior of students in the digital educational environment. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 23(1), 21–41. DOI: 10.17759/bppe.2026230102.
8. Fedorova, E.P., et al. (2021). Manifestation of information stress in students in the situation of transition to distance learning during the COVID-19 pandemic. In V. V. Rubtsov, M. G. Sorokova, & N. P. Radchikova (Eds.), *Digital humanities and technologies in education: Proceedings of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation* (November 11–12, 2021) (pp. 735–745). Moscow: MGPPU Publishing House.
9. Kharlamenkova, N.E., et al. (2022). Psychological consequences of experiencing stress in childhood: The phenomena of «abandonment» and «involvement.» *Clinical and Special Psychology*, 11(3), 71–96. DOI: 10.17759/cpse.2022110303.
10. Sorokova, M.G., Odintsova, M.A., & Radchikova, N.P. (2021). A scale for assessing the digital educational environment of a university. *Psychological Science and Education*, 26(2), 52–65. DOI: 10.17759/pse.2021260205.
11. Yuryeva, N.E. (2025). Artificial intelligence in psychodiagnostics: Cognitive states in the digital educational environment. *Modeling and Data Analysis*, 15(3), 47–55. DOI: 10.17759/mda.2025150303.
12. Bantjes, J., et al. (2021). A web-based group cognitive behavioral therapy intervention for symptoms of anxiety and depression among university students: Open-label, pragmatic trial. *JMIR Mental Health*, 8(5), Article e27400. DOI: 10.2196/27400.
13. Kim, M.H., et al. (2025). An app-based cognitive behavioral therapy program tailored for college students: Randomized controlled trial. *JMIR mHealth and uHealth*, 13, Article e50006. DOI: 10.2196/50006.
14. Nakao, M., Shiotsuki, K., & Sugaya, N. (2021). Cognitive-behavioral therapy for management of mental health and stress-related disorders: Recent advances in techniques and technologies. *BioPsychoSocial Medicine*, 15, Article 16. DOI: 10.1186/s13030-021-00219-w.
15. Sokol, R.L., et al. (2021). Crisis interventions in schools: A systematic review. *Journal of School Violence*, 20(2), 241–260. DOI: 10.1080/15388220.2021.1879098.
16. Oliveira, C., et al. (2023). Internet-delivered cognitive behavioral therapy for anxiety among university students: A systematic review and meta-analysis. *Internet Interventions*, 31, Article 100609. DOI: 10.1016/j.invent.2023.100609.
17. Topalã, I.-R., et al. (2025). Sources of stress in online learning scale: Development and validation of an instrument to evaluate students' stressors associated with online learning. *Frontiers in Psychology*, 16, Article 1556824. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1556824.

18. Liu, J., et al. (2026). The intervention effect of internet-based cognitive behavioral therapy on anxiety, depression, and stress in college students: A systematic review and meta-analysis based on randomized controlled trials. *Frontiers in Psychology*, 17, Article 1745837. DOI: 10.3389/fpsyg.2026.1745837.

Статья поступила в редакцию: 20.05.2026.

Received: 20.05.2026.

Статья принята к публикации: 16.06.2026.

Accepted: 16.06.2026.

ТИПОЛОГИЯ И СТАДИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ: НАРРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Шарова Ольга Львовна¹,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры психологии,
e-mail: o.sharova@mtu.ru
ORCID 0009-0009-9003-1583

¹АНОВО МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Москва, Россия

Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания внутренних механизмов формирования профессиональной идентичности у студентов 1–4 курсов бакалавриата в условиях высокой неопределённости рынка труда и смены образовательных парадигм. Цель работы – выявление типов профессиональной идентичности и описание этапов её развития на основе анализа субъективных нарративов обучающихся. Методология включает нарративное интервью (15 респондентов из четырёх московских вузов, 1–4 курсы, 5 направлений подготовки) и тематический анализ по процедуре Браун и Кларк. Результаты: выделены четыре типа идентичности – «призванный», «прагматик», «ищущий», «случайный»; описан феномен «прогула» как маркер вовлеченности и защитный механизм; предложена трех-стадийная модель формирования идентичности (внешний мотив → кризис → осознанный прагматизм). Показано, что большинство студентов ориентированы на получение знаний, а не формальных оценок, и демонстрируют высокую рефлексивность. Область применения результатов – психолого-педагогическое сопровождение студентов, программы наставничества и профилактики кризисов профессионального самоопределения.

Ключевые слова: мотивация выбора профессии, типы идентичности, кризис идентичности, качественное исследование, тематический анализ, кризис самоопределения, «призванный», «прагматик».

TYPOLOGY AND STAGES OF STUDENTS' PROFESSIONAL IDENTITY DEVELOPMENT: A NARRATIVE ANALYSIS

Sharova O.L.¹,
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the department of psychology,
e-mail: o.sharova@mmu.ru
ORCID 0009-0009-9003-1583

¹ANOVO MOSCOW INTERNATIONAL UNIVERSITY, Moscow, Russia

The relevance of the study stems from the need to understand the internal mechanisms of professional identity formation among undergraduate students under conditions of high labour market uncertainty and shifting educational paradigms. The aim is to identify types of professional identity and describe the stages of its development based on the analysis of subjective narratives. The methodology includes narrative interviews (15 respondents from four Moscow universities, years 1–4, five fields of study) and thematic analysis following Braun & Clarke's procedure. Results: four identity types are identified – “called”, “pragmatist”, “seeker”, “random”; the phenomenon of absenteeism as a marker of engagement and a defence mechanism is described; a three-stage model of identity formation (external motive → crisis → conscious pragmatism) is proposed. It is shown that most students are focused on acquiring knowledge rather than formal grades and demonstrate

a high level of reflexivity. The findings can be applied in psychological and pedagogical support of students, mentoring programmes, and prevention of professional self-determination crises.

Keywords: career choice motivation, identity types, identity crisis, qualitative research, thematic analysis, crisis of self-determination, “called”, “pragmatist”.

ВВЕДЕНИЕ

Профессиональная идентичность – это не просто факт получения диплома, а сложный процесс осознания себя в профессии. Особенно остро этот процесс протекает на младших курсах, когда студент переходит от школьных ожиданий к реалиям университетской жизни.

В последнее время наблюдается интерес к исследованию становления профессиональной идентичности со стороны отечественных и зарубежных учёных [4]. Несмотря на достаточное количество количественных исследований, очень важно исследовать то, как происходит становление профессиональной идентичности, и это можно сделать при помощи нарративного анализа [16]. Как отмечают Д.Н. Яшин и В.С. Агапов (2023), нарративный подход позволяет реконструировать процесс становления профессионала через анализ его личных историй, что особенно важно при изучении идентичности на начальных этапах обучения [12]. Анализ личных историй позволяет увидеть живую динамику становления специалиста [1].

Однако, как показывает анализ литературы, большинство существующих исследований профессиональной идентичности студентов выполнено в количественной парадигме с использованием опросников и шкал [4]. Такие работы фиксируют статичные срезы, но не позволяют реконструировать процессуальную динамику формирования идентичности, субъективные переживания кризисных этапов и стратегии совладания с ними. Качественные исследования, в частности нарративные, на российской выборке студентов младших курсов представлены фрагментарно. В связи с этим целью настоящего исследования является выявление типов профессиональной идентичности и описание этапов её формирования у студентов 1–4 курсов бакалавриата на основе нарративного анализа.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. проанализировать мотивы выбора профессии у студентов разных направлений подготовки;
2. изучить феномен «прогула» как маркер вовлеченности в учебный процесс;
3. выделить типы профессиональной идентичности и построить стадийную модель её развития;
4. определить барьеры и факторы, способствующие формированию идентичности.

Теоретико-методологической основой исследования выступают социально-конструктивистский подход к идентичности (в традиции Дж. Марсиа [15]), интегративная модель профессиональной идентичности М. Томлинсона и Д. Джексона [16], а также принципы нарративной психологии, согласно которым идентичность конструируется через личные истории и смыслы.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Методология нарративного анализа подробно описана в работах [10;9], а его применение к изучению профессиональной идентичности студентов обосновано в [7]. В нашем интервьюировании приняли участие студенты московских вузов (ММУ, МГПУ, МИРЭА, МФЮА). Для анализа были отобраны 15 интервью по критериям максимального разнообразия: 5 психологов, 3 юриста, 3 студента педагогического образования, 3 студента физической культуры, 1 студент по направлению «системный анализ», 1 – «информатика». Все информанты – студенты 1–4 курсов. Остальные ин-

тервью исключены из-за низкой информативности (информанты затруднились выразить личностную позицию по вопросам идентичности).

Интервьюирование проводилось с аудиозаписью при согласии респондентов. Основной фокус вопросов был направлен на изучение процесса формирования профессиональной идентичности: мотивы выбора профессии, отношение к учёбе, практика пропусков, ценность высшего образования и дихотомия «знания или оценки» [17]. Транскрипция выполнена с помощью программы *audiosector.ru*. Далее проводился тематический анализ по процедуре Браун и Кларк [13] с кодированием цитат и выявлением паттернов. Этическая безопасность участников обеспечивалась принципом конфиденциальности: вся информация обезличена, в тексте указаны только пол, курс, направление обучения и вуз [3].

2. Мотивация выбора: от «спасения человечества» до «результатов ЕГЭ». Мотивы выбора будущей профессии разделились на три группы.

Первая группа – призвание и интерес к людям – доминирует у психологов и педагогов. Большинство студентов-психологов демонстрируют высокий уровень эмпатии и давний интерес к поведению людей:

«Мне всю жизнь было интересно, почему люди ведут себя так или иначе в каких-либо ситуациях. Что люди чувствуют, что думают?» (Студент 5, М, 2 курс, психология)

«Я с самого детства мечтала работать с детьми» (Студент 4, Ж, 2 курс, педагогическое образование)

Часто выбор связан с желанием решить собственные внутренние вопросы или помочь близким:

«Где-то подсознательно, скорее всего мне самой нужна помощь, а я проецирую на спасение другого» (Студент 14, Ж, 2 курс, психология)

Вторая группа – семейная традиция и пример. Влияние семьи остаётся сильным фактором, особенно в юридической сфере:

«На мой выбор профессии повлиял мой дядя, который является председателем суда» (Студент 1, М, 2 курс, юриспруденция)

«Я всегда хотел пойти по папиным стопам» (Студент 13, М, 3 курс, юриспруденция)

Третья группа – случайность или прагматичный расчёт. Ряд студентов попали в профессию не по зову сердца, а по остаточному принципу или совету извне:

«Эту профессию я выбирала, когда поступала и не совсем разбиралась... Мне исключительно помогли в выборе преподаватели из приёмной комиссии» (Студент 7, Ж, 3 курс, системный анализ)

«Смотрел по результатам ЕГЭ, на кого могу пойти учиться, потом понял, что выбор не велик, и пошёл на психолога» (Студент 9, М, 2 курс, психология)

3. Феномен «прогула»: защита ментального здоровья или лень? Отношение к пропускам занятий оказалось честным маркером вовлеченности. Анализ показал, что «прогул» перестал быть просто проявлением лени: студенты чётко рефлексировали свои причины. К числу уважительных (с их точки зрения) причин относятся: ментальное состояние («морально не вывожу»), приоритетность предметов, дискомфорт в группе или конфликты с преподавателями, а также апатия, компенсируемая самостоятельным изучением материала.

Примеры:

«Могут быть моменты, когда я не приеду на пары, потому что я морально не вывожу усталость... если пойду против себя, то будет только хуже» (Студент 10, Ж, 2 курс, психология)

«Прогуливаю те лекции, на которых моё отсутствие не так значит. Я лучше дома поработаю и поучусь» (Студент 11, Ж, 3 курс, юриспруденция)

«Может быть, это связано с неким дискомфортом в группе... Преподы, которые могут заострить на мне внимание и съязвить» (Студент 15, М, 2 курс, педагогическое образование)

Некоторые студенты признаются в апатии, но при этом компенсируют пропуски самостоятельной работой:

«Прогуливаю частенько... но стремлюсь к тому, чтобы меньше было прогулов. Все упущенные знания заполняю для себя» (Студент 8, Ж, 2 курс, педагогическое образование)

4. Кризис идентичности и желание отчислиться. Несмотря на сложности, лишь немногие всерьёз думали об уходе. Основные причины кризиса: разочарование в содержании (слишком много теории, мало практики), финансовые трудности (единственная весомая причина для отчисления у прагматиков), эмоциональное выгорание (желание перейти на заочное отделение). Однако большинство респондентов переживают кризис и остаются:

«Первоначально у меня было такое желание именно отчислиться... но потом посмотрел на студентов других университетов... там заметно хуже. Всё зависит от тебя» (Студент 1, М, 2 курс, юриспруденция).

5. Высшее образование: лифт, база или «корочка»? Мнения разделились, но прослеживается эволюция от первого курса к четвёртому. Ключевая мысль, объединяющая многих: образование нужно в первую очередь «себе», а не работодателю.

«Высшее образование... это возможность получить более глубокие знания, которые связаны с профессией, и такой фундамент для получения уже практических навыков в будущем» (Студент 13, М, 3 курс, юриспруденция)

«Формально – просто корочка, которая позволяет идти тебе дальше. Неформально – некий штамп того, что ты знаешь многое» (Студент 15, М, 2 курс, педагогическое образование)

6. Знания против оценки. Этот блок стал самым показательным с точки зрения зрелости респондентов. Большинство (10 из 15) заявили, что знания и навыки важнее оценок:

«В будущем буду сидеть я с клиентом, а не мой красный диплом в кресле» (Студент 14, Ж, 2 курс, психология)

«Оценку можно и нарисовать... но именно знания... способны в будущем формировать тебя как качественного специалиста» (Студент 1, М, 2 курс, юриспруденция)

«Оценку ты получишь, порадуешься, но через полгода забудешь, а знания и навыки останутся с тобой на всю жизнь» (Студент 7, Ж, 3 курс, системный анализ)

Вместе с тем присутствуют ответы, свидетельствующие о важности хороших и отличных оценок. Для студентов с «синдромом отличника» или тех, чья скидка на обучение зависит от успеваемости, оценка становится критически важным, хотя и сопутствующим фактором:

«Из-за того, что у меня есть синдром отличника, для меня оценка и зачёт очень важны. Также от них зависит моя скидка на обучение» (Студент 12, Ж, 4 курс, педагогическое образование)

Также студенты разделяют предметы на профильные и непрофильные: на первых важны знания, на вторых – «зачёт любой ценой»:

«Если предмет мне искренне нравится, то знания важнее, если же предмет меня не интересует, зачёт будет по предпочтительнее» (Студент 6, М, 4 курс, информатика)

7. Барьеры формирования профессиональной идентичности. Качественный анализ выявил не только факторы, способствующие формированию профессиональной идентичности, но и барьеры на этом пути [14]. Характерный пример – ответ студента об отсутствии значимых учебных занятий:

«Посредственные пары, где нужно слушать одногруппников с презентациями, которые сделали нейросети» (Студент 11, Ж, 3 курс, юриспруденция)

Этот нарратив демонстрирует, что при отсутствии аутентичного профессионального опыта и погружения в реальные практические задачи вуз перестаёт выполнять функцию «моста» к профессии [14], оставляя студента один на один с рутинной и формальными требованиями. В таких условиях профессиональная идентичность либо не формируется, либо ищет опору во внеучебных источниках.

8. Типы профессиональной идентичности. На основе интервью были выделены четыре типа профессиональной идентичности (табл. 1).

Таблица 1

Типы профессиональной идентичности студентов (по результатам нарративного анализа)

№	Тип	Количество студентов (из 15)	Характеристика типа
1	«Призванный»	5	Горит профессией, учится для себя, углубляется в темы. Прогоулы – только вынужденные или по ментальному состоянию. Знания важнее оценок. Идеальный тип с высокой внутренней мотивацией.
2	«Прагматик»	4	Понимает ценность образования как лифта. Чётко разделяет важное и неважное. Может прогуливать «ненужное», чтобы сделать «нужное». Знания важнее, но для карьеры нужен и диплом.
3	«Ищущий»	4	Есть сомнения в выборе, интерес может быть направлен на смежные сферы. Профессиональная идентичность ещё не сформирована, но интерес к обучению сохраняется.
4	«Случайный»	2	Попал в профессию неосознанно. Низкая мотивация к посещению, частые прогулы из-за отсутствия «вайба». Однако даже они признают ценность знаний (пусть и в узких областях) и не хотят отчисляться, проявляя инерционное упорство

Сравнение с существующими типологиями. Выделенные в настоящем исследовании четыре типа профессиональной идентичности («призванный», «прагматик», «ищущий», «случайный») переключаются с известными классификациями, но имеют и свою специфику. В типологии Л.Б. Шнейдер [11] («статусы профессиональной идентичности») «призванный» близок к достигнутой идентичности (сформированный выбор, пережитый кризис), «прагматик» частично соответствует преждевременной (предопределённый выбор под влиянием внешних обстоятельств, без глубокого личностного кризиса), а «ищущий» – к мораторию (активный поиск при отсутствии окончательного выбора). «Случайный» тип соответствует диффузной идентичности, когда выбор отсутствует либо носит неосознанный характер.

По классификации Е.А. Климова (типы профессий по предмету труда) наши респонденты – психологи, педагоги, юристы – относятся преимущественно к типам «человек–человек» и «человек–знаковая система» [2]. Однако авторские типы профессиональной идентичности не привязаны жёстко к профилю подготовки: «призванный» встречается как у психологов, так и у юристов, а «случайный» – даже среди студентов, изначально ориентированных на помощь людям. Это подтверждает,

что тип профессиональной идентичности является прежде всего *способом отношения к профессии*, а не свойством самой профессии.

9. Стадии формирования профессиональной идентичности. Анализ интервью позволил также выделить три стадии формирования профессиональной идентичности (доминирующая траектория, которая может иметь индивидуальные особенности):

1. Внешний мотив (1 курс): «билет в жизнь», «помогать людям». Студент ориентирован на внешние атрибуты профессии и социальные ожидания.

2. Кризис и разочарование (2 курс): «много теории», «тяжело», «хотел перевестись». Столкновение с реальностью учебного процесса, нехватка практики, сомнения в правильности выбора.

3. Осознанный прагматизм (3–4 курс): «я учусь для себя», «знания важнее», «компенсирую пропуски сам». Принятие ответственности за своё обучение, формирование внутренней мотивации и избирательного отношения к учебным задачам.

Ключевой особенностью респондентов является высокая степень рефлексии. Студенты готовы прогуливать, но готовы и догонять. Они могут не любить предмет, но понимать его необходимость. Они ставят во главу угла навыки, но не отрицают важность диплома как социального лифта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволило выделить четыре типа профессиональной идентичности студентов московских вузов: «призванный» (высокая внутренняя мотивация), «прагматик» (осознанное отношение к образованию как социальному лифту), «ищущий» (сомнения в выборе, интерес к смежным сферам) и «случайный» (неосознанный выбор, низкая вовлечённость).

Кроме того, описана трёхстадийная траектория формирования идентичности: от внешнего мотива на 1 курсе через кризис и разочарование на 2 курсе к осознанному прагматизму на 3–4 курсах. Ключевой особенностью респондентов оказалась высокая степень рефлексии: большинство студентов ориентированы на получение знаний, а не формальных оценок, и готовы компенсировать пропуски самостоятельной работой.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые на российской выборке студентов 1–4 курсов бакалавриата с помощью нарративного анализа эмпирически выделены и содержательно описаны четыре типа профессиональной идентичности, а также предложена динамическая трёхстадийная модель её формирования, учитывающая феномен «прогула» как маркер вовлечённости и защитный механизм.

Практическая значимость результатов состоит в возможности их использования в психолого-педагогическом сопровождении студентов: для ранней диагностики типа идентичности (особенно «ищущий» и «случайный»), для проектирования программ наставничества и профилактики кризисов самоопределения, а также для коррекции учебных планов в сторону усиления практико-ориентированных модулей.

Ограничения исследования. Выборка ограничена 15 респондентами из четырёх вузов Москвы, что не позволяет делать статистически значимые обобщения на всю популяцию студентов. Кроме того, в исследовании не участвовали студенты старше 4 курса (магистратура) и региональных вузов, что может влиять на полноту типологии. Качественный дизайн не исключает субъективности интерпретаций.

Направления будущих исследований. Целесообразно проведение количественного исследования (опрос) на репрезентативной выборке для проверки устойчивости выделенных четырёх типов

и трёх стадий. Перспективным также представляется лонгитюдное исследование, отслеживающее трансформацию идентичности от 1 к 4 курсу в одной когорте, а также сравнительный анализ профессиональной идентичности студентов московских и региональных вузов. Наконец, отдельного изучения заслуживает феномен «прогула» в контексте цифровой образовательной среды и его связь с академической успеваемостью.

В конечном счёте, для большинства опрошенных высшее образование выступает осознанно выбранным путём, на котором они учатся брать ответственность за своё профессиональное будущее, даже если этот путь не всегда вымощен идеальными оценками и стопроцентной посещаемостью.

Список литературы

1. *Велиева С.В., Соловьёва С.А., Антонов П.И.* Нарративный подход как инструмент формирования профессиональной мотивации молодых педагогов: теоретико-эмпирический анализ // *Russian Journal of Education and Psychology*. – 2025. – Т. 16, № 4. – С. 535–553. – DOI: 10.12731/2658-4034-2025-16-4-828.
2. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям: 031000 – Педагогика и психология, 031300 – Социальная педагогика, 033400 – Педагогика / Е. А. Климов. – 4-е изд., стер. – Москва: Академия, 2010. – 301, с.: ил., табл.; 22 см. – (Высшее профессиональное образование. Педагогические специальности); ISBN 978-5-7695-5690-6
3. *Клюева Н.В., Армашова А.Б., Руновская Е.Г.* Этические принципы в психологическом консультировании // *Консультативная психология: вызовы практики : сборник статей*. – М., 2020. – С. 128–132.
4. *Корчагин Е.Н., Лобанова А.В.* Профессиональная идентичность студентов психолого-педагогического направления подготовки // *Современная зарубежная психология*. – 2025. – Т. 14, № 1. – С. 45–56. – DOI: 10.17759/jmfp.2025140105.
5. *Кучеренко С.В.* Профессиональная идентичность личности // *Архивариус*. – 2021. – Т. 7, № 2(56). – С. 29–35. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44761248> (дата обращения: 26.04.2026).
6. *Лобутева Е.С.* Интегративная диагностика профессиональной идентичности студентов: теоретический анализ и концептуальная модель // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. – 2026. – № 3. – С. 201–217. – DOI: 10.24412/2304-120X-2026-11064.
7. *Неумоева-Колчеданцева Е.В.* Нарративные методы и методики формирования профессиональной идентичности студентов-педагогов // *Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании*. – Екатеринбург : РГППУ, 2019. – С. 362–364.
8. *Сохранов-Преображенский В.В., Дымова Т.В., Мазалова А.Е.* Формирование профессиональной культурной идентичности студентов в условиях образования с цифровыми компонентами // *Казанский педагогический журнал*. – 2022. – № 3 (152). – С. 105–112.
9. *Терехова Т.А., Малахаева С.К.* Нарративное интервью как методологический конструкт междисциплинарного качественного исследования // *Психология в экономике и управлении*. – 2013. – № 1. – С. 91–95. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativnoe-intervyu-kak-metodologicheskiiy-konstruktmehzdistsiplinarnogo-kachestvennogo-issledovaniya> (дата обращения: 26.04.2026).
10. *Фабрикант М.С.* Применение нарративного анализа в исследовании больших социальных групп // *Психологический журнал*. – 2010. – № 1(25). – С. 64–68.
11. *Шнейдер, Л.Б.* Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг : учебное пособие / Л. Б. Шнейдер ; Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. – Москва : Изд-во МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2004. – 594 с. – (Библиотека психолога). – Библиогр.: с. 569–592. – ISBN 5-89502-504-8, 5-89395-543-9.
12. *Яшин Д.Н., Агапов В.С.* Нарративное построение профессиональных идентичностей учителей Норвегии в работах Г. Сёрейде // *Мир науки. Педагогика и психология*. – 2023. – Т. 11, № 1. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/45PSMN123.pdf> (дата обращения: 28.02.2026).

13. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // *Qualitative Research in Psychology*. – 2006. – Vol. 3, No. 2. – P. 77–101. – DOI: 10.1191/1478088706qp063oa.
14. Lisovskaia A., Kucherov D. Enhancing the professional identity of master's students: «knowing why», «knowing how» and «knowing whom» // *Education + Training*. – 2025. – Vol. 67, No. 2. – P. 184–205. – DOI: 10.1108/ET-03-2024-0123.
15. Marcia J.E. Development and validation of ego-identity status // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1966. – Vol. 3, No. 5. – P. 551–558. – DOI: 10.1037/h0023281.
16. Tomlinson M., Jackson D. Professional Identity Formation in Contemporary Higher Education Students // *Studies in Higher Education*. – 2021. – Vol. 46, No. 4. – P. 885–900. – DOI: 10.1080/03075079.2019.1659763.
17. Vähäsantanen K., Arvaja M.A. Narrative Approach to the Study of Professional Identity: Relational, Temporal, and Dialogical Perspectives // *Methods of Research on Professional Learning and Development*. – Cham : Springer, 2022. – P. 373–395.

References

1. Velieva, S.V., Solovyova, S.A., & Antonov, P.I. (2025). The narrative approach as a tool for forming the professional motivation of young teachers: A theoretical and empirical analysis. *Russian Journal of Education and Psychology*, 16(4), 535–553. DOI: 10.12731/2658-4034-2025-16-4-828.
2. Klimov, E.A. (2010). *Psychology of professional self-determination: A textbook for university students* (4th ed.). Moscow: Akademiya. 301 p. ISBN 978-5-7695-5690-6.
3. Klyueva, N.V., Armashova, A.B., & Runovskaya, E.G. (2020). Ethical principles in psychological counseling. In *Counseling psychology: Challenges of practice: Collected articles* (pp. 128–132). Moscow.
4. Korchagin, E.N., & Lobanova, A.V. (2025). Professional identity of students in psychology and pedagogy degree programs. *Modern Foreign Psychology*, 14(1), 45–56. DOI: 10.17759/jmfp.2025140105.
5. Kucherenko, S.V. (2021). Professional identity of the individual. *Archivist*, 7(2(56)), 29–35. Retrieved April 26, 2026, from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44761248>
6. Lobuteva, E.S. (2026). Integrative diagnostics of students' professional identity: Theoretical analysis and conceptual model. *Concept: Scientific and Methodological Electronic Journal*, (3), 201–217. DOI: 10.24412/2304-120X-2026-11064.
7. Neumoeva-Kolchedantseva, E.V. (2019). Narrative methods and techniques for forming the professional identity of student teachers. In *Innovations in professional and vocational-pedagogical education* (pp. 362–364). Yekaterinburg: RSVPU.
8. Sokhranov-Preobrazhenskiy, V.V., Dymova, T.V., & Mazalova, A.E. (2022). Formation of professional cultural identity of students in education with digital components. *Kazan Pedagogical Journal*, (3(152)), 105–112.
9. Terekhova, T.A., & Malakhaeva, S.K. (2013). Narrative interview as a methodological construct of interdisciplinary qualitative research. *Psychology in Economics and Management*, (1), 91–95. Retrieved April 26, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativnoe-intervyu-kak-metodologicheskii-konstrukt-mezhdistsiplinarnogo-kachestvennogo-issledovaniya>
10. Fabrikant, M. S. (2010). Application of narrative analysis in the study of large social groups. *Psychological Journal*, (1(25)), 64–68.
11. Schneider, L.B. (2004). *Professional identity: Theory, experiment, training: A textbook*. Moscow: MPSI Publishing House; Voronezh: MODEK. 594 p. ISBN 5-89502-504-8, 5-89395-543-9.
12. Yashin, D.N., & Agapov, V.S. (2023). Narrative construction of professional identities of Norwegian teachers in the works of G. Søreide. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 11(1). Retrieved February 28, 2026, from <https://mir-nauki.com/PDF/45PSMN123.pdf>
13. Braun, V., & Clarke, V. (2006). Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3(2), 77–101. DOI: 10.1191/1478088706qp063oa.
14. Lisovskaia, A., & Kucherov, D. (2025). Enhancing the professional identity of master's students: «Knowing why», «knowing how» and «knowing whom.» *Education + Training*, 67(2), 184–205. DOI: 10.1108/ET-03-2024-0123.

15. Marcia, J.E. (1966). Development and validation of ego-identity status. *Journal of Personality and Social Psychology*, 3(5), 551–558. DOI: 10.1037/h0023281.
16. Tomlinson, M., & Jackson, D. (2021). Professional identity formation in contemporary higher education students. *Studies in Higher Education*, 46(4), 885–900. DOI: 10.1080/03075079.2019.1659763.
17. Vähäsantanen, K., & Arvaja, M. (2022). A narrative approach to the study of professional identity: Relational, temporal, and dialogical perspectives. In *Methods of research on professional learning and development* (pp. 373–395). Cham: Springer.

Статья поступила в редакцию: 01.03.2026.

Received: 01.03.2026.

Статья принята к публикации: 27.05.2026.

Accepted: 27.05.2026.